

Чс(Калм)

У-178

52582

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Калмыцкий институт гуманитарных исследований

Убушаев Н.Н.

# ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Издание подготовлено в рамках  
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН  
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
Калмыцкий институт гуманитарных исследований

Убушаев Н.Н.

# ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Издание подготовлено в рамках  
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН  
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»



Элиста 2006

бенностей. Против такого деления, против подмены лингвистической классификации этнической выступал акад. Б.Я. Владимирцов (64, с. 11).

В 1909 г. Номто Очиров (181, с. 72), направленный русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Астраханские степи для лингвистических наблюдений, отмечает дербетский и торгутский говоры.

В 1915 г. В.Л. Котвич в «Опыте грамматики калмыцкого разговорного языка» выделяет три самостоятельных говора – торгутский, дербетский, бузавский (донской). Диалектные особенности, отмечаемые им, даются в сопоставительно-сравнительном плане по всем трем говорам.

В 1929 г. в своей классической работе «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» акад. Б.Я. Владимирцов дает классификацию монгольских наречий и говоров. У калмыков он отмечает (дэрбэтский и торгутский) говоры. В составе первого выделяются 2 подговора (большедэрбэтский и донской – бузава). К торгутскому говору автор относит язык уральских и оренбургских калмыков (64, с. 6).

Язык хошуты с Волги Б.Я. Владимирцов также относит к торгутскому говору (64, с. 11, 17).

В начале 30-х годов XX в. кафедра калмыцкого языка и литературы Саратовского пединститута организовала диалектологическую экспедицию под руководством заведующего кафедрой Б.К. Пашкова, которая обнаружила в Хамхултинском, Цекертинском и Белозерском сельсоветах особый чакающий говор – цаатанский.

В 60-х годах прошлого столетия появились работы Д.А. Павлова, А.Ш. Кичикова, Н.Н. Убушаева и др., которые в основном подтвердили и в какой-то степени дополнили классификацию Б.Я. Владимирцова и др. Так, А.Ш. Кичиковым в торгутском говоре выделен цаатанский и волго-каспийский подговора (121, с. 3). Д.А. Павлов отрицает наличие в калмыцком языке бузавского говора, поскольку его носители в калмыцком обществе живут дисперсно. Поскольку говор, диалект – это территориальная разновидность языка, то отсутствует основной признак говора – компактность проживания. Это касается не только бузавского, но и уральского, оренбургского, терского, кумского и икидербетского говоров. Воз-

можно, с утратой территориальной общности эти говоры переходят в разряд социальных. Трудно быть уверенным в их постоянном и непосредственном языковом контакте, как того требует определение. Однако как бы это ни называлось, невозможно не учитывать взаимоотношения между языком и его носителями, взаимодействие лингвистических и этнических факторов. Для отрицания наличия того или иного говора или подговора необходимы всесторонний анализ и изучение этого взаимодействия. Без этого очень сложно вынести окончательный вердикт в отношении того или иного говора.

Касаясь современного состояния диалектной системы калмыцкого языка, следует отметить дербетский, торгутский и бузавский говоры. Выделение первых двух говоров ни у кого не вызывает сомнения. Они являются языками древних ойратских племен. Бузавский говор – это язык нового этнического образования, сложившегося в составе Российского государства. Первоначально это был территориальный язык, связанный с гидронимом *Дон*. Позднее его носители, стремясь избавиться от притязаний калмыцкого правящего дома, вынуждены были принять этноним «бузав», который сохранился за ними до сего времени. Об этом говоре существовали, как уже говорилось, самые различные мнения – от полного отрицания до признания его подговором дербетского говора. Языковые особенности, с одной стороны, сближающие его то с одним, то с другим говором, с другой, выделяющие его в самостоятельный говор, и самосознание его носителей как самостоятельной этнической единицы позволяют назвать его третьим говором калмыцкого языка.

Уральский и оренбургский подговоры торгутского говора, отмеченные акад. Б.Я. Владимирцовым, описанные Д.А. Павловым и А.Ш. Кичиковым, в современном калмыцком обществе никак себя не проявляют. Видимо, этнически и лингвистически их можно не выделять.

Отмеченный А.Ш. Кичиковым волго-каспийский подговор торгутского говора, который практически не имеет особенностей, видимо, также придется игнорировать.

Языки терских, кумских, моздокских калмыков, выходцев из торгутской языковой среды, своевременно не были описаны и для истории языка, надо думать, исчезли навсегда. Хотя при опреде-

ленной настойчивости можно найти выходцев из тех краев и описать сохранившиеся языковые особенности.

Из всего сказанного вытекает, что современную диалектную систему калмыцкого языка представляют 3 говора: торгутский с цаатанским подговором, дербетский и бузавский.

## **Становление и развитие калмыцкой диалектологии**

Существующие расхождения в классификации калмыцких говоров объясняются слабой изученностью языкового материала, отсутствием ясного и четкого представления о диалектных явлениях, получить которое можно только после того, как разговорный калмыцкий язык, существующий в конкретных территориальных разновидностях, будет исследован с достаточной полнотой на всех уровнях языковой системы. Сложным представляется внутреннее членение каждой из основных диалектных областей, ибо специфические особенности отдельных уровней языка – фонетического, лексического, грамматического – накладывают определенный отпечаток на взаимоотношение диалектных дифференциальных признаков.

Зарождение и становление калмыцкой диалектологии тесно связано с именем известного просветителя калмыцкого народа Номто Очирова, направленного в 1909 году Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Астраханские степи для лингвистических наблюдений, который впервые собрал материал по языковым особенностям калмыков. Во время поездки он посетил Малодербетский, Манычский и Икицохуровский улусы.

Во время второй поездки в 1911 году он посетил Александровский и Багацохуровский улусы. На этот раз он проверил и уточнил выявленные им ранее основные отличия между торгутским и дербетским говорами. Автор отмечает некоторые отличительные черты в языках дербетов и торгутов как в фонетическом, так и в морфологическом и лексическом отношениях. Так, Н. Очиров зафиксировал следующие фонетические особенности:

1). в дербетском говоре в конечной позиции имеется гласный э: дифтонгоидного происхождения, напр. дерб. далэ:, моьэ:, устэ:, угатэ:, торг., буз. дала:, моьа:, уста:, угата;

2). дербеты и бузавы употребляют [о, ө] там, где торгу пользуются [у, ү]; напр., дерб., буз. Овши (имя), семе «храм», Увши, сүме;

3). в торгутском говоре гласный [а] более устойчив, чем в дербетском, в котором под влиянием [и] он часто переходит в [э].

СПМЯ	дерб.	торг.
dakin	дэкен	дакын
dakīd	дэкэ:д	дака:д
takil	тэкел	такыл
takim	тэкем	такым

Н. Очиров тонко различает употребление [ь] в начальной и в интервокальной позициях. В начальной позиции смычный [ь] Н. Очиров отмечает знаком Ъ, в интервокальной позиции – знаком Б. Например, Ъзыр, Ъал, Ъосын, Ъуйир, но аЪа:р, туЪыл, аду:Ъа:н. Здесь же справедливо отмечается, что эти два согласных Ъ, Б. и к употребляются в словах с «гортанными (твердыми) гласными», например, ка:ныр, котыЪыр, орка:д.

В словах с «небными (мягкими) гласными» автор употребляет знаки г, к, напр. гэр, гэсен, гэдэргэ:н, кэ:р, ки:лег, күзү:н. Здесь, как видим, Номто Очиров четко придерживается фонетического закона гармонии согласных.

Торгуты и бузавы, в отличие от дербетов, более строго соблюдают закон гармонии гласных, ср. торг., буз. ьарна: күрнэ:, дерб. ьарнэ:, күрнэ:.

Из морфологических особенностей Номто Очировым отмечены следующие:

1). дербетский говор в качестве настоящего показателя времени глагола имеет аффикс -жэ:нэ:, который употребляется со основами как твердого, так и мягкого рядов. Аффикс образован, как считает автор, от аффикса -жи плюс вспомогательный глагол бэ:нэ: (-жи+бээнээ), напр. алжэ:нэ:в, алжэ:нэ:ч, алжэ:нэ:;

2). родительный падеж после основ, оканчивающихся на долгий и краткий гласные и на все согласные, за исключением н, в дербетском говоре имеет окончание -и:н, -ги:н (после долгих гласных), а в торгутском говоре – а:н, -э:н:

дерб.	торг.
ахи:н	аха:н
а:ви:н	а:ва:н
эци:н	эцгэ:н

3). Аффикс -а: (-э:) или аффиксы, оканчивающиеся на - а:, -э:, в дербетском говоре имеют варианты только на -э:

дерб.	торг.
нойна:	нойна:
малга:	малга:
йовхда:	йовхда:
ирхда:	ирхда:

К лексическим особенностям калмыцких говоров Номто Очи-ров относит следующие слова:

дерб.		торг.
бортхы	кожаный сосуд для водки	бөрве
донжиг	кувшин	домбы
даһым	карман	хор
хэрү:	обратно, назад	гэдергэ:н
жилэ:тег	жилетка	камза:л
а:вэ:	отец, папа	а:вы
эрег	берег	энге
ирегчидэ:н	в будущем году	хө:тендэ:н
унина: шор	острие жерди	зэ:те
арвэ:	овес	сули
нэ:мэ:длехе	нанимать	көлселхе
түрү:н уга	совсем нет	цур уга
бо:жи	вожки	жола:
гу:жи	гуж	хамудын чикен
дөгед	дэготь	салмы
һармуль	гармонь	һарма:
барсыг	барсук	крис
ховшу:р	мелкая трава	жаму: ноһа:н
зармы	просо	сөг
шапа:н	кафтан	хала:ста: бишмү:д
тагты	мост	бурмы
дөрэ:вчилхе	привстать на стременах	давшу:рхы
бозлыг	суслик-самец	барда:

Заслуга Номто Очирова состоит в том, что он впервые на конкретном языковом материале показал наличие в калмыцком языке двух основных говоров – торгутского и дербетского. Работы Номто Очирова до сего дня не утратили своей научной ценности.

В 1915 году Владислав Людвигович Котвич опубликовал свой труд «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка». Как уже отмечалось выше, в калмыцком языке В.Л. Котвич выделяет три самостоятельных говора – бузавский (донской), дербетский, торгутский. В 1929 году этот труд в дополненном виде был переиздан. Переработке подверглись все части грамматики. При этом более выпукло показываются те особенности, которые характерны для того или иного говора как в области фонетики, так и морфологии и лексики.

Заметные различия между калмыцкими говорами наблюдаются, по мнению В.Л. Котвича, в употреблении гласных:

1). Торгутский и донской говоры гораздо реже, чем дербетский, употребляют гласный э:, особенно в конце слов: торг., буз. дала:, моѡа:, орна:, уста:, дерб. далэ:, моѡэ:, орнэ:, устэ:.

2). Там, где дербеты и бузавы употребляют [о, ө], торгуты иногда пользуются [у, ү] – дерб., буз. Овши, сөме, торг. Увши, сүме.

3). Дифтонги -ай, -ой в калмыцких говорах в непервых слогах развились по-разному – в торгутском и бузавском в [а:], в дербетском в [э:], напр. торг., буз. дала:, ноха:, дерб. далэ:, нохэ:, т.е. долгий гласный [э:], как отмечает В. Котвич, чаще всего (особенно у дербетов) появляется вместо старых доегласных (дифтонгов) -ай, -ей (131 а, с. 19).

В.Л. Котвич отмечает, что вследствие закона гармонии гласных одна и та же «приставка» меняет гласные, смотря по тому, присоединяется ли к слову с задними или передними гласными, напр., ьар – ьара:р, гэр – гэрэ:р, ахы – аху:р, эке – экү:р (131а, с. 30).

Более строго закона сингармонизма придерживаются торгуты и бузавы: у дербетов ряд аффиксов всегда оканчивается на [э:], тогда как торгуты и бузавы имеют две формы – одну с [а:] (в словах с задними гласными), другую с э: (в словах с передними гласными), напр., торг., буз. ьарна:, күрнэ:, дерб. ьарнэ:, күрнэ: (131а, с. 74).

В старом литературном языке [ь] употребляется в словах заднего ряда, [г] – в словах переднего ряда. Теперь живая речь дербетов и бузавов чаще пользуется одним [ь]:



СТКЯ

су:һа:д

зө:гө:д

гү:лген

дерб., буз.

су:һа:д

зө:һө:д

гү:льен

Родительный падеж имеет аффиксы – и:н, -н, -а:, -э: (у торгутов также -а:н, -э:н), после долгих гласных -и:н или -н (изредка, напр., у оренбургских калмыков -на:, -нэ:): така:н – така:ги:н (така:на:), кэрэ:н – кэрэ:ги:н (кэрэ:нэ:), нойин – торг. буз. нойна:, дерб. – нойнэ:, Һурвын – торг. буз. Һурвына: – дерб. Һурвынэ:.

В.Л. Котвич верно отметил способ образования дробных числительных в калмыцком языке. Дробные числительные образуются таким образом, что числитель ставится в именительном падеже, а знаменатель – в родительном, напр., 5 – нэге хойра: (дерб. хойрэ:), 1/3 – нэге Һурвына: (дерб. Һурвынэ:), j – нэге дөрвенэ:.

В своем труде В.Л. Котвич отразил некоторые характерные черты основных калмыцких говоров. Он не ограничился тремя говорами и по мере возможности отметил особенности языка оренбургских калмыков. «Опыт грамматики...» В.Л. Котвича явился крупной вехой в развитии калмыцкой диалектологии и не утратил своего значения до наших дней.

Как уже отмечалось выше, в 1929 г. вышла в свет «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» Б.Я. Владимирцова, в которой дается классификация монгольских наречий и говоров.

В 1935 году вышел «Kalmükisches Wörterbuch» Г.И. Рамштедта. Словарь содержит богатый лексический материал по калмыцкой диалектологии и носит сравнительно-исторический характер. Слова возводятся к засвидетельствованным и реконструированным старописьменным монгольским формам и расположены в латинском алфавитном порядке, снабжены научной транскрипцией и переводом на немецкий язык.

В словаре нередко встречаются пометы Д.Т.Тw и другие, передающие принадлежность слова к тому или иному говору, например:

торг.

хавыг

жүзм

сули

тыква

виноград

овес

дерб.

дура:г

үзм

арва:

Словарь снабжен очерком грамматики калмыцкого языка и является наиболее полным собранием лексики не только калмыцкого языка, но и калмыцких говоров.

Следует отметить, что в создание современной калмыцкой диалектологии внесли свой вклад Б.К. Пашков, Д.А. Павлов, А.Ш. Кичиков, Н.Н. Убушаев и другие.

Как известно, в 20-х годах прошлого столетия старокалмыцкая письменность была заменена русским письмом. Возник вопрос создания нового литературного языка на основе калмыцких говоров, которые надо было изучить. С этой целью в начале 30-х годов кафедрой калмыцкого языка и литературы при Саратовском пединституте под руководством заведующего кафедрой Б.К. Пашкова была организована диалектологическая экспедиция в Приморский (ныне Лаганский) и Сарпинский районы. Экспедиция должна была способствовать установлению норм новокалмыцкого литературного языка и стандартизации новой орфографии (192, с. 170). Приморский район был выбран как наиболее мощный в экономическом и наиболее характерный в языковых отношениях. Он был более привлекательным и по численности населения, и по разнообразию хозяйственной деятельности (рыболовецкое, скотоводческое и земледельческое хозяйства), и, как уже говорилось, по языковому многообразию. Из тридцати сельских советов этого района экспедиция охватила тринадцать. В Яндыковском, Промысловском и Оленичевском сельсоветах экспедиция собрала материал по русско-калмыцкому двуязычию. А в Хамхултинском и Зензелинском сельсоветах население говорило на трех языках – калмыцком, татарском и русском. В Хамхултинском, Цекертинском и Белозерском сельсоветах был обнаружен чакающий говор – цаатанский. Экспедицией был собран богатый лексический материал по рыболовству, скотоводству, земледелию, по кустарному промыслу, бытовая, фольклорная лексика и др.

Спустя много лет, в 1962 году, Калмыцким НИИЯЛИ была организована экспедиция в Каспийский (ныне Лаганский) район республики и близлежащие села Астраханской области. С этого времени почти ежегодно стали проводиться фольклорно-диалектологические экспедиции в различные районы Калмыкии. Появились труды диалектологического характера А.Ш. Кичикова (120, 122, 123), Д.А. Павлова (187, 184), Н.Н. Убушаева (248, 249, 250, 251, 252) и других. Среди этих работ заслуживает особого внимания монографи-

ческое исследование «Дербетский говор» А.Ш. Кичикова, посвященное исследованию одного из ведущих говоров калмыцкого языка, в нем автор дает классификацию калмыцких говоров и подговоров, подтверждает и дополняет классификацию Б.Я. Владимирцова и других. Здесь автор в торгутском говоре выделил цаатанский и волго-каспийский подговора и описал некоторые их черты.

А.Ш. Кичиков уделил большое внимание изучению фонемного состава и морфологических особенностей дербетского говора. При этом автор не просто описывает отдельные черты говора, а всесторонне освещает его как целостную языковую систему. Ученым также описываются особенности других говоров и подговоров, что позволяет автору лучше оттенить, ярче выделить особенности дербетского говора, от чего работа приобретает сравнительно-сопоставительный характер.

В составе калмыцких говоров А.Ш. Кичиков рассматривает также и язык киргизских «сарт-калмыков» и вслед за А.В. Бурдуковым относит его к языку донских калмыков-бузавов. Однако наша совместная с И.К. Илишкиным поездка в августе 1973 г. к сарт-калмыкам показала, что по языку они относятся к носителям цаатанского подговора. Д.А. Павлов в очерке «Каракольские калмыки и их язык» также говорит, что характерные особенности их этнического самосознания, языка и фольклора свидетельствуют об их былой общности с калмыками Поволжья, особенно с торгутами-цаатанами (184, с.2).

Работа А.Ш. Кичикова, как уже говорилось, подтвердила классификацию Б.Я. Владимирцова. В ней также выделено два говора – дербетский и торгутский. Первый из них автор делит на подговора – багадербетский, икидербетский и донской (бузава). Второй – на икицохуровско-багацохуровский, волго-каспийский и оренбургский. Что касается уральского подговора, то по признанию самого автора, он не располагал соответствующими сведениями. Однако, по его мнению, есть основание считать, что уральские калмыки также относятся к торгутам. Автор пишет, что говор хошутов почти не отличается от торгутского, а так называемый говор цаатанов также является торгутским (131, с. 3). Волго-каспийский подговор, по мнению А.Ш. Кичикова, отличается от торгутского говора непоследовательным соблюдением твердоярмой гармонии гласных в синтетической форме глагола несовершенного вида, напр.: йовжэ:нэ: в.м. йовжа:на:; наличием интервокального [г] в.м. [ь]; двой-

ным оформлением винительного падежа в односложных открытых именах, например, бу: 'ружье' – бу:ги:ге, в.м. бу:гы; наличием начального [н] в.м. [д], напр., ношхы 'репей' в.м. лошхы, Нижи (имя) в.м. Лижи.

Описывая дербетский говор, А.Ш. Кичиков дает основные дифференциальные признаки двух ведущих говоров – дербетского и торгутского: 1) по употребительности огубленных гласных [о, у, ɔ, ʊ] в позиции перед согласными [м] и [в] дербетский говор является [о-, ɔ-] говором, торгутский – [у-, ʊ-] говором, ср. хомхэ: – хумха: 'высохший', совсын – сувсын 'жемчуг', сөме – сүме 'храм', Төвед – Түвед 'Тибет'; 2) в дербетском говоре имеется гласный нейтрального ряда [ə:] в непервых слогах слова в.м. [а:] в торгутском, напр., манэ: 'наш', в.м. мана:, ɛрэ: 'поздно', в.м. ора:

Автор приводит и особенности подговоров. Так, например, ики-дербетский отличается, во-первых, наличием губно-губного смычного [б] в.м. губно-зубного щелевого [в], напр.: абы 'возьми', в.м. авы; тэбе 'клади', в.м. тэве, во-вторых переходом корневого заднерядного [а] в мягкорядный [ə] под влиянием конечного долгого [ə:], напр., мэнэ: 'наш', в.м. торг. мана:, дерб. манэ:, сэрэ: 'сарай' в.м. торг. сара:, дерб. сарэ:

К особенностям бузавского подговора А.Ш. Кичиков относит:

1) отсутствие долгого гласного [ə:] в нейтральном ряду, напр., мана: 'наш' в.м. дерб. манэ:, одна 'уходит' в.м. дерб. однэ:

2) двойное оформление побудительного залога, однако возможно проявление противодействия сплошной редукции гласных, или просто звательная форма в словах типа су:льа: в.м. дерб., торг. су:-льы 'посади', күргэ: 'доставить' в.м. дерб., торг. күрге; ыарья: 'выведи' в.м. торг., дерб. ыарьы;

3) наличие долгого дифтонгоидного [а:] в первых слогах слова в.м. [ə:] в дербетском и торгутском говорах, напр.: буз. залгхы (<залилаху) 'полоскать', в.м. дерб. торг. зэлхэ; буз. на:тгхы (<наитаху) 'чихать' в.м. торг., дерб. нэтхэ; буз. за:дги (<зайда) 'вязать, завязывать' в.м. в дерб., торг. зэ:де;

4) сохранение исконного [ɔ] в словах: буз. морын 'лошадь' в.м. дерб., торг. мөрен; буз. хоонг 'овца' в.м. торг., дерб. хөөн; буз. хоонг и 'после' в.м. дерб., торг. хөөне;

5) замена звонкого увулярного проточного [ɳ] глухим увулярным проточным [х], напр., буз. толха: 'голова' в.м. дерб. тольэ: торг. толья: ; буз. номхын 'тихий' в.м. торг., дерб. номьын.

Монография «Дербетский говор» была первой серьезной работой, выполненной носителем говора. Она сыграла большую роль в развитии калмыцкой диалектологии. Вслед за ней появился целый ряд работ в этой области языкознания. Она послужила как бы катализатором. Так появились исследования по торгутскому говору.

Работа Д.А. Павлова «Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка» является первой попыткой изучения говоров в сравнительно-историческом плане. Автор вслед за Б.Я. Владимирцовым исследуемый говор относит к торгутскому говору и языковые особенности их объясняет территориальной изолированностью от основной массы калмыков, например:

1. Наличие гласного [э], вместо ожидаемого [э, э:] ср. урал. дөрэ «стремя», торг., лит., дерб. дөрэ: < СПМЯ dörüge; урал. эрвэкэ «бабочка», лит., торг., дерб. эрвэ:кэ: < СПМЯ erbekei

2. наличие гласных [у, ү] в первых слогах вместо [о, о] в дербетском. Напр. умшихы «читать» вм. дерб. омшихы; урал. үвел «зима» вм. дерб. өвел, нулемсен «слюна» вм. дерб. нулимсын.

3. употребление [и] в первом слоге вместо дербетского [ү]. Ср. бичир «веточка», бишкүр «свисток», бишмүд «платье» вм. дерб. бүчир, бүшкүр, бүшмүд.

Границы распространения калмыцкого языка, его говоров и подговоров хорошо отмечены в монографической работе Д.А. Павлова «Современный калмыцкий язык» (Фонетика и графика). В какой-то степени можно согласиться с пояснением автора, что уральский, оренбургский, бузавский, кумский, терский говоры не могут считаться самостоятельными, т.к. в двадцатых годах прошлого столетия их носители переселились в Калмыкию и утратили свою компактность расселения. Хошутский говор, как считает автор, смешался с торгутским и ничем не отличается от последнего, если не иметь в виду отдельные слова (188, с.4-6).

В ряду перечисленных подговоров Д.А. Павлов почему-то не указал икидербетский подговор, который также разделит их судьбу. Скорее всего, по случайности, а, может быть и нет, потому что икидербетовцы в Городовиковском районе живут компактно. Вместе с ними в этом же районе проживают бузавы, переселенные туда в 20-х годах прошлого столетия. По этой причине мы вслед за Котвичем считаем язык бузавов самостоятельным говором калмыцкого языка.

## ГЛАВА ПЕРВАЯ КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ КАЛМЫЦКИХ ГОВОРОВ И ПОДГОВОРОВ

### Бузавский говор

Бузавский говор отличается как от литературного языка, так и от других говоров калмыцкого языка. По количеству фонем особых отличий не наблюдается, однако их употребление представляет определенный интерес.

Так литературному, дерб., торг. [э:] нередко соответствует в бузавском [а:], ср. халъхы «таять» (вм. Тэ:лхе), ма:лъхы «блеять» (вм. мэ:лхе), талъхы «снимать; открывать» (вм. хэ:лхе). Здесь формы СПМЯ с долготным сочетанием -ауі в бузавском развились в долгий [а:] и палатализовали по следующий согласный, в то же время в лит. яз., дерб., торг. говорах развились в переднерядный [э:] без палатализации следующего согласного.

Следует отметить сохранение в бузавском говоре заднерядного и в слове морын «лошадь» < СПМЯ морин > лит., дерб., торг. мөрэн. Рамстедт форму *морын* отмечает в торгутском говоре (218, с.266-б). Также сохранится древняя форма хонин «овца» < СПМЯ qonin > калм. лит., торг. хө:н, дерб. хө:н~хөн. Однако следует отметить в дербетском говоре наличие фамилии Хонинов, в торгутском говоре – имени и фамилии Гонин, Гониев.

Калмыцкому литературному, дербетскому, торгутскому губно-зубному [в] в бузавском нередко соответствует губно-губной [ᵛ], ср. абдыр «сундук» (вм. авдыр), гөбде= «избивать» (вм. гүвде= ~гөвде=), шавды= «хлестать» (вм. шавды=). В положении перед глухими согласными оглушается и переходит в глухой смычный согласный [ɸ]: абы= «взять» – апчикаад «взяв», тэбе= «положить» – тэпчикээд «положив».

Из исторической фонетики монгольских языков известно, что согласный [b] СПМЯ в современных языках нередко переходит в

губно-губной (зубной) [в]. Однако в бузавском говоре, как было замечено, наблюдается сохранение СПМЯ [в].

В бузавском говоре отмечается наличие щелевого заднеязычно-увулярного [х], соответствующего литературному, дербетскому и торгутскому [к], в глагольной форме будущего времени, напр., цокхы «бить» (вм. цоккы), өкхе «давать» (вм. өкке). Здесь, видимо, можно говорить о влиянии орфографии на нормы произношения.

Увулярный щелевой звонкий [һ] соответствует литературному, дербетскому, торгутскому заднеязычному смычному звонкому [г]: тэрьен «телега» (вм. тэрген), эмьен «старуха» (вм. эмген), эндьен «яйцо» (вм. өндген), эвьен «старик» (вм. өвген).

Наблюдается соответствие переднерядного неогубленного [э] переднерядному огубленному [ө] в словах литературного языка, дербетского, торгутского говоров, ср. эндьен «яйцо» (вм. өндген), кэл «нога» (вм. көл), эвьен «старик» (вм. өвген).

Морфологической особенностью данного говора является наличие аффикса с долгим гласным [а:, э:] в глагольных формах побудительного залога, ср. гарья:хы «вывести» (вм. ыарыккы < гарьы-хы), күргэ:хе «доставить» (вм. күрекке < күргехе), гүүлгэ:хе «заставить бежать» (вм. гүүлекке < гүүлгехе).

Личные местоимения первого и второго лица *би* и *чи* в родительном падеже приобретают аффикс -э:н: мингэ:н «мой» (вм. мини:); чингэ:н «твой» (вм. чини:).

Вспомогательный глагол од=, сливаясь с соединительным и разделительным деепричастиями, образует глагольную форму совершенного вида, ср. йовждыв ~ йовжидыв < йовжи + одвы «ушел», йова:дыв < йова:д + одвы «ушел», хэржидев < хэржи + одыв «ушел», хэржиднэ: < хэржи + одна: «уходит». Вспомогательный глагол од= имеет форму прошедшего времени в виде -очи < оджи, например, йовжич < йовжи + очи, хэржич < хэржи + очи.

При присоединении аффикса -х причастия будущего времени выпадает глухой смычный заднеязычный [к] исхода основы совершенного вида, напр.: ирчихе < ирчик + хе (< иржи + оркхы) «уже придет» (вм. ирчикке), ирчихлэ (вм. ирчикклэ) «если уже придет».

А.Ш. Кичиков (122, с. 45) справедливо отмечает, что лексика говора донских калмыков является составной частью лексики общекалмыцкого разговорного языка, отражает их историческую и

59982 -  
территориальную обособленность от остальных калмыков: русское и украинское окружение, казачий быт, земледельческий образ жизни. Приведем примеры: стааньч – «станция»; одмын – «атаман»; арвыд – «работа»; гас – «керосин»; көвөг – «копна»; сэрниг – «спички»; цэнег – «вилы»; а:рцы – «творожная масса»; а:дым – «творожный хворост»; ова – «курган, холм»; чанач – «тыква»; көшхе – «уставать»; көб – «кадушка для айрана»; дөцглед уухы – «выпить залпом»; көшкелхе – «крошить мясо»; дуудхы – «читать»; хагшад инэхе – «хохотать»; эш – «свекровь».

Приведенные особенности бузавского говора больше говорят о его самостоятельности, чем о принадлежности к какому-либо из ведущих говоров калмыцкого языка, тем более делают неприемлемым нигилистическое отношение к нему по той только причине, что носители его будто бы расселены среди других калмыков. Они в основном довольно-таки компактно проживают в Икидербетском (ныне Городовиковском) районе, куда в 20-х годах были переселены из Ростовской области.

### Дербетский говор

Дербетский говор является одним из ведущих говоров, легших в основу калмыцкого литературного языка. На нем говорят жители Малодербетского, Сарпинского, Октябрьского, Кетченеровского, Целинного, Икибурульского, Приютного, Городовиковского районов и частично г. Элисты.

Дербеты как этническая единица состоят из больших и малых дербетов, чоносов, бурулов, абганеров, бухусов, кебютов, ульдючин, шарнутов, батутов, цоросов и множества более мелких подразделений, каждое из которых делится на еще более мелкие группы.

Отличительными чертами этого говора являются следующие основные признаки:

1. Наличие среднего лабиального гласного [o] в твердорядных словах в позиции перед губно-губными согласными [м], [в] и др., например:

дерб.	торг.	значения
ьорвын	ьурвын	три
хомхэ	хумха:	сухой
ховцын	хувцын	одежда



2. Наличие среднего, лабиального гласного [ə] в позиции перед губно-губными [м] и [в] в мягкорядных словах вместо узкого лабиального гласного [ʏ] в торгутском. Например,

дерб.	торг.	значение
көмсен	күмсен	провиант
хөвө	хүвө	часть, доля
хөвөрхө	хүвөрхө	меняться, выцветать
сөмө	сүмө	храм

3. Более последовательное употребление в непервых слогах широкого нелабиального гласного [э, э:] дифтонгического происхождения:

дерб.	торг.	значение
манэ	мана:	наш
далэ	дала:	океан, много
надьэ	надья:	игрушка
махлэ	махла:	шапка
моьэ	моья:	змея

В икидербетском подговоре дербетского говора [э] непервых слогов ассимилировал гласные предыдущих слогов, и слова перешли в передний ряд. Например, дерб. манэ, икидерб. мэнэ, дерб. далэ, икидерб. дэлэ.

4. Переднерядный широкий нелабиализованный гласный [э], появившись в непервых слогах твердорядных слов, автоматически приобрел в дербетском говоре функцию нейтрального гласного, нарушив стройную систему нейтральных гласных, например:

дерб.	торг.	значение
угатэ	угата:	бедный
насьэ	насва:	нюхательный табак
тохэ	тоха:	локоть
болжэңэ	болжана:	хватит

5. Под влиянием всеобщего ослабления (расширения) артикуляции в дербетском говоре наблюдается расширение переднеряд-

ного среднего [e] в широкий нелабиализованный гласный [э], например:

лит. торг.	дерб.	значение
мэл	мэл	всегда, постоянно
тэк	тэк	козел
сэк=	сэк=	открывать

6. Наличие палатальных согласных [лг, нг, дг, тг] в словах, исторически содержащих гласный [и], например:

СПМЯ	дерб.	торг.	значение
aliman	альмын	элмен	яблоко
qaltari=	хальтырхы	хэлгерхе	скользить
salkin	салькын	сэлкен	ветер

7. Сокращение долгих, полудолгих гласных в односложных закрытых или открытых словах, например:

дерб.	торг.	значение
күн	кү:н	человек
хөн	хө:н	овца
зо	зо:	хребет
танады	тана:ды	у вас
манады	мана:ды	у нас

К морфологическим особенностям дербетского говора можно отнести:

1. Нарушение гармонии согласных (в словах мягкого ряда в функции соединительного согласного в аффиксах выступает увулярный [ɣ (g)]), например:

дерб.	торг.	значение
цэ:ьэр	цэ:гэр	чаем
сэрэьэр	сэрэ:гэ:р	сандолем
шүрүтэьэр	шүрүтэ:гэ:р	сильно, крепко

2. Утрата, неправильное использование падежных форм родительного (-и:н), винительного (-и:ги) падежей, например, укрен в. укри:н «коровы», ахм в. ахи:м «брата».

3. Неразличение форм орудного (-а:р, -э:р) и направительного (-у:р, -ү:р) падежей, например, Элестү:р «через Элисту, к Элисте», в.м. Элестэ:р «через Элисту», Элестү:р «к Элисте».

4. Неразличение аффиксов возвратного (-н), и личного (-нь) притяжания, выражающееся в постоянном использовании -нь. Например, ахи:ннь машин «своего, их брата машина», в.м. ахи:нн машин «машина своего брата», ахи:ннь машин «машина его брата».

5. Неразличение аффиксов соединительного (-ла:, -лэ:) и совместного (-та:, -тэ:) падежей, выражающееся в постоянном употреблении совместного падежа на -та:, -тэ:. көвүтэ: «с мальчиком, имеющий мальчика» в.м. көвүнлэ: «с мальчиком», көвүтэ: «имеющий сына, мальчика».

6. Консонантное произношение предикативно-местоименной частицы множественного числа -вдн (< биден), например, суржанавдн «учимся» в.м. суржанавидн, йовдвдн «ходим» в.м. йовдывидн.

7. Неразличение аффиксов дательного (-т, -д) и направительного (-у:р, -ү:р) падежей, выражающееся в постоянном употреблении направительного падежа, например, герү:р ортн «заходите в дом» в.м. герт ортын «заходите в дом», герү:р иртен «придите к дому».

Интонационную характеристику языка дербетов дает представитель этого говора Номто Очиров, который отмечает, что «дербеты говорят вяло и медленно» (182, с.83).

Из лексических особенностей следует отметить:

хэру	«обратно, назад»
ирегчидэ:н	«в будущем году»
нэ:мэдлехе	«нанимать»
бо:жи	«вожжи»
дурак	«тыква»
сакса	«плов»
аьу:рцыг	«огурец»
мархы	«недоносок»
мишу	«бечева»

Также к лексическим особенностям, видимо, следует отнести сокращение фраз, сочетаний и образование новых сложных слов типа энжл «в этом году» ← эне жил; сэндр «праздник» ← сэн өдер, а также специфическое произношение отдельных слов, например: хэлтн «смотрите» вм. хэлэтен; бүчи «пиши» вм. бичи; бүчиг «письмо» вм. бичиг; бүшмед «платье» вм. бишмед~бешмед ← бешмет.

Из всего сказанного видно, что дербетский говор характеризуется следующими основными чертами: 1) общим ослаблением артикулирующего аппарата (этим объясняется то, что он является [о-, ө]-говором, а также переход [ɛ] в [ɛ̃]); 2) нарушением закона гармонии гласных и согласных, появлением нового нейтрального гласного; 3) неразличением многих падежных форм; 4) специфическим произношением слов (хэлтн и т.д.).

### Торгутский говор

Торгутский говор является одним из основных говоров калмыцкого языка. На нем говорят жители Юстинского, Каспийского, Черноземельского, Яшкульского районов и части Икибурульского, Октябрьского районов и города Элисты. Также к данному говору относится язык хошутов, которые проживают в Октябрьском, Кетчеровском районах и в г. Элисте.

Под общим племенным названием 'торгуты' значатся такие племенные группы, как:

1. багуты (ики-багуты, дойда багуты, шарасы)
2. бага-цохуры (кереиты, баатуды, зүүны, баруны, тайчиуты, цаатаны)
3. ики-цохуры (зюнгары, сатхалы, гурвуды, яргачин эркетен)
4. харахусы (ангучины, замуты, эрдниханы)
5. цаатаны (ики-хорины, бага-хорины, му-хорины, эркетен-цаатаны, кереит-цаатаны, аха-цаатаны, бага-цаатаны, гурвуд-цаатаны)
6. эркетены (кереиты, меркиты, бульчины, хапчины, ачинеры).

Каждая из перечисленных групп нередко переходит одна в другую, делится на еще более мелкие этнические и кровно-родственные группы. Названия этих групп являются названиями древних племенных объединений, входивших когда-то в состав ойратов, пред-

ков современных калмыков. Этимология этих названий полностью еще не нашла свое освещение в науке.

Несмотря на такое разнообразие названий племенных групп, торгуты в языковом отношении составляют единую картину, это результат определенных социально-экономических предпосылок, в частности, смешения родов и племен во времена Чингис-хана. Передача калмыцкими ханами отдельных племен и улусов своим сыновьям, переход их от сыновей к сыновьям, от владельцев к владельцам. Такое постоянное движение не только нивелировало языковые особенности, но и препятствовало возникновению новых.

Предметом научного исследования торгутский говор стал в десятых годах двадцатого столетия, когда Номто Очиров был направлен Петербургским университетом в калмыцкие степи для изучения языка калмыков.

Торгутский говор характеризуется несколько большим консерватизмом и близостью к исторической основе, чем другие говоры калмыцкого языка. Поэтому Б.Я. Владимирцов, возводивший торгутов к кереитам, предполагал, что монгольский письменный язык возник у кереитов и что Чингис-хан ввел для нужд своей державы уже готовый литературный язык (64, с.19-20). К тому же Б.Я. Владимирцов, видимо, учитывал то, что в детстве Темучин, будущий Чингис-хан, воспитывался при дворе кереитского Ван-хана, поэтому предположение академика становится весьма достоверным.

Что касается особенностей торгутского говора, то в фонетическом плане он сохраняет узость и подъем гласных [y] и [y̆], напр., СПМЯ *gurban* «три», *ebül* «зима», *qubı* «часть, доля»; торг. *hurvın*, *увел*, *хүве*. Поэтому торгутский говор, в отличие от дербетского, называется у-говором, y – говором.

Торгутский говор более консервативен к воздействию гласного [и], чем дербетский говор, напр., СПМЯ *dakiad* «опять, снова», *takia* «курица», *manaı* «наш», торг. *дакад*, *така*, *мана*; дерб. *дэкэд*, *такэ*, *манэ~мэнэ*. Эти примеры объясняются тем, что торгутский говор почти до наших дней, видимо, сохранил твердоярдный вариант гласного [и].

Что касается мягкорядного [и], то он в калмыцких говорах действует по-разному, напр., СПМЯ *aligan* «ладонь», *aliman* «яблоко», *qallmag* «калмык», *ıllbusun* «слезы», торг. *элхен*, *элмен*, *хэлмег*, *нүлемсен*, дерб. *альхын*, *альмын*, *хальмыг*, *нулимсын*.

В дербетском говоре гласный [и] палатализовал предшествующий согласный, в торгутском же произошла палатализация всей вокалической системы слова, что обусловило переход всего слова в мягкий ряд.

Торгутский говор более последователен в соблюдении гармонии гласных по рядности, напр., йовжана «отправляется», суужана «садится», ьарчана «выходит», тогда как в дербетском – йовжэна, суужэна, ьарчэна. Последовательность проявляется в соблюдении гармонии согласных, в употреблении смычного соединительного согласного между двумя гласными в формах разделительного деепричастия, например, гү:гэ:д «бегая», кэгэ:д «делая», хэлэ:жэ:гэ:д «посмотрев». Однако под влиянием норм литературного языка смычный [г] постепенно заменяется проточным увулярным [ь]-, гигэ:д ~ гийэ:д «сказав», инэ:гэ:д – инэ:ьэ:д «засмеявшись».

Консервативность торгутского говора также наблюдается в сохранении глагольных форм желательного наклонения на -йа, -йэ, например, ьарийа «выйдем», йовийа «пойдем», кэлийэ «скажем», а также в сохранении глагольной формы недавно прошедшего времени на -ва:, -вэ: (< -бай, -бей) -ьарва: «вышел», кэлвэ: «сказал». Эти особенности торгутского говора выступают на уровне дифференциальных признаков.

Представляют интерес производные формы указательного местоимения тэре «вон тот», торг. ти:ме «такой», тикке «делать так», тигэ:д «делая так», тигжи «делая так»; дерб. ти:ме, тэкке, тэгэ:д, тэгжи; бузав. ти:ме, ти:кхе, ти:гэ:д, ти:гжи. В литературном языке находят свое отражение различные диалектные формы этого слова, но чаще всего встречаются бузавские формы как более последовательные.

Граница межговорных дифференциальных признаков проходит через отрицательное слово СПМЯ ügei «не, нет», СПКЯ ügei ~ ugai, торг. угэ: ~ уга:, дерб. уга; причем от уга образовалась частица – торг. -га:, дерб. – го:. В торгутском говоре при употреблении отрицательной частицы -га: со словами мягкого ряда нарушается закон палатальной гармонии гласных. В дербетском же говоре помимо этого нарушается еще закон неупотребительности огубленного гласного о в непервых слогах.

В морфологическом плане торгутский говор сохранил направительный падеж СПМЯ ögede «вверх, к», СПКЯ öde, торг. -а:д, -

э:д. Ср. СПКЯ ūla ḡde «к горе», gere ḡde «к дому», tengis ḡde «к морю», торг. у:ла:ды, гэрэ:де, тэнгсэ:де.

Помимо этого в торгутском говоре имеется послелог тал «в сторону, к», который активно применяется параллельно с направительным падежом на – а:ды, -э:де.

Литературная форма направительного падежа на -у:р, -ү:р представляет собой усеченную форму послелога-наречия уру «вниз по, к». Форму -у:р, -ү:р торгутский говор четко и последовательно отличает от расширительно-местного, или продольного, падежа, который в торгутском говоре, в отличие от других монгольских языков имеет аффикс -а:р, -э:р. Примеры: Элестүр «к Элисте», Элестэ:р «через Элисту», бурму:р «к мосту», бурма:р «через мост, по мосту», дэ:рэ:гэ:р «поверху», дора:һа:р «понизу». В дербетском говоре направительный и расширительно-местный, или продольный, падежи не различаются.

Родительный падеж имеет аффикс -а:н, -э:н в словах, оканчивающихся на краткий гласный и любой согласный, кроме н, напр., тэрзэ:н шил «оконное стекло», тэкэ:н өвер «козлиные рога», цурха:н амын зэндэ:сен «узел» щучья пасть», эрэ:н сэ:н Эдгэ: «Эдгя, лучший из мужчин». Данная форма в настоящее время нивелируется, подменяясь литературной формой на -и:н, которая представителями торгутского говора произносится четко и ясно – үкрэ:н ~ үкри:н, гэрэ:н ~ гэри:н, күрзэ:н ~ күрзи:н. В дербетском же говоре родительный падеж находится на грани исчезновения, утрачивается четкость и ясность произношения, значение аффикса родительного падежа.

Винительный падеж в торгутском говоре имеет аффикс – а:гы, -э:ге в словах, оканчивающихся на краткий гласный и любой согласный, например, нэгэ:ге «одну», һурва:гы «три», э:жэ:ге «бабушку», Э:жэ:н дэвлэ:ге эвкежи эсе болжи, а:ва:н дэвлэ:ге алхыжи эсе болжи «Шубу бабушки не свернуть, шубу дедушки не перешагнуть».

Что касается интонационной характеристики торгутского говора, то следует отметить, что он сохранил преемственную связь с ойратским языком, о котором Ю. Лыткин говорил, что он (ойратский язык) развил в себе «мягкость, гибкость, упругость, живость и необыкновенную сжатость, удивительную беглость и кипучесть живого говора» (141, с.60-61). Характеризуя торгутскую речь, Номто

Очилов отмечал, что она отличается от дербетской силой и энергичностью, изобилует эмфатическими долготами и усилениями на отдельных слогах, чего незаметно у дербетов, которые говорят вяло и медленно (182, с.83).

К лексическим особенностям относятся следующие слова:

хаяр – огурец	булхым-шалхым – ярмо
адамчи – помидор	шигшиг – клин, конус; вертикально сложенный камыш
хавыг – тыква	шагшиг – мелкий камыш
хорвы – белуга	ханы хулсын – крупный камыш, тростник, бамбук
бэкер – осетр	
цо:хыр – севрюга	карама – палка для езды на санках, на лыжах
дамжиг – рубанок	ьальш – рыбный паштет
харул – фуганка	заьсна дотр – рыбы потроха (блюдо)
жола – вожжи	нүден шөлн – двойная уха
мальш – седелка	моьа зэгсен – куга
зү:хе – запрягать	шигем – носки
салмы – смола	ут шигем – чулки
запу – фартук	бүтү шигем – колготки.

### Цаатанский подговор

Цаатаны – этническая единица, этимологию имени которой мы попытались осветить в своем исследовании. Однако вопросы этногенеза, происхождения этого родоплеменного объединения еще ждут своего решения. В данной работе рассмотрим некоторые особенности языка цаатанов.

Основной и главной особенностью языка цаатанов является отсутствие аффрикаты [ц] и употребление вместо нее аффрикаты [ч], например, ча:сын «бумага», часын «снег», чарча:ха: «кузнечик», чарчихы «простудиться», Чагдыр – имя, чэвер «чистый», Мончак – имя, чичилдэ:чи «боксер», чучирхы «устать», чэчик ~ чечкэ: «цветок», – кэн чама:гы чоква:? Кто тебя бил? – Чуьа:р чоква: «Все били».

Среди калмыков цаатаны – единственная этническая единица, сохранившая чакание, зафиксированное в «Сокровенном сказании



монголов» 1240 года, сохранившая особенности языка Чингис-хана. Такая верность языку предков стоит им немало усилий, чтобы устоять под натиском литературного языка, под влиянием языка других этнических групп, которые не знают чакания. Язык цаатанов близок, в первую очередь, языку каракольских, иссыкульских калмыков (184), затем языку чахаров, харачинцев (213, с.91) и др.

В языке цаатанов также сохранилось историческое сочетание -ки-, содержащее когда-то заднерядный гласный [-и]. Независимо от судьбы этого [и], редуцировался ли он или с другими гласными образовал долгий гласный, слова сохранили свою принадлежность заднему ряду. Например, СПМЯ sakigusun «гений-хранитель», dakigad «потом, затем, еще», tamaki «табак», takiraqu «сводить, стягивать конечности», takim «подколенье», цаат. саку:сын, дака:д, тамкы, такырхы, таким; дерб. сәкү:сен, дәкә:д, тәмке, тәкерхе.

Также в языке цаатанов в начальной и средней позициях слова вместо переднеязычного щелевого [з] других говоров употребляется среднеязычный спирант [й], например, цаат. йаьсын «рыба», йоксы «стой», ша:зыңг ~ ша:йиңг «пиала, фарфор», ср. торг. дерб. заьсын, зогсы, ша:зыңг. Такое чередование з//й в монгольских языках явление довольно-таки обычное. Так, акад. Б.Я. Владимирцов отмечает подобное чередование в языке туматов (64, 397), Б.В. Матхеев – в эхирит-булагатском говоре (149, с.6), А.Г. Митрошкина – в говоре качугских бурят (154, с.52). Также наблюдаются различия в употреблении указанных согласных в современном монгольском и калмыцком языках, например, монг. засах «исправлять, поправлять, ремонтировать», калм. йасхы.

В средней позиции слова могут наблюдаться явления почти обратные, когда среднеязычный спирант [й] может быть подменен заднеязычным смычным [г], например, хогыр «два», биген «сам», бигем «я сам» вм. лит. хойир, бийиень, бийим.

Подобное явление можно отметить в языке донских калмыков – бузавов. Так, по свидетельству Д.А. Павлова, в их языке наблюдается чередование среднеязычного спиранта [й] и увулярного щелевого [ь]. Например, буз. биьень «сам», биьи:нь «его самого», биьдень «ему самому», ср. лит. бийиень, бийи:нь, бийдень. (188, с.168).

Цаатанское чередование й//г, как кажется, является борьбой против усиления спирантизации, фрикативности [й], за сохранение

формы слова. Однако смычный [г] в данной интервокальной позиции не выдерживает вокализации и, спирантизируясь, меняет место артикуляции и переходит в увулярный проточный [ɣ] в бузавском говоре, нарушая при этом все законы гармонии гласных и согласных. Так, изменения согласных в одном говоре калмыцкого языка можно рассматривать как единый процесс, продолжавшийся в другом говоре, бузавском, только более продвинутом во времени.

В цаатанском подговоре наблюдаются также случаи перехода заднеязычного смычного глухого [к] в проточный увулярный [x], напр., цаат. хэ:херхе «кричать», киленжер «коленкор», гэхэд «кивая», хулд-хулд «звукоподражание глотанию» в м. лит. хэ:керхе, киленжер, гэкэ:д, кулд-кулд. Такой переход к > х является распространенным в халхаском наречии и в других монгольских языках.

Также этот подговор знает мягкорядное развитие дифтонгов в конечной и средней позициях твердорядных слов, с последующей регрессивной ассимиляцией по палатальности гласных предшествующих слогов, например, цаат. ьэхэ: «свинья», тэкэ: «курица», тэ:хэ: «лысый», эхү:лхе «прибирать», лит. ьаха:, така:, та:ха:, ахү:лхы, развившиеся из СПМЯ gaqai, takai, tagaqai, aquilaqu. Подобные явления свойственны и другим говорам калмыцкого языка – бузавскому говору (тэкэ:, ьэхэ:), дербетскому (манэ: ~ мэнэ, далэ ~ дэлэ). Однако эти говоры отличаются частотностью, степенью распространения данного явления. По свидетельству Номто Очирова, наиболее распространенным является данный процесс в дербетском говоре (икидербетском подговоре).

Помимо этого в языке цаатанов наблюдается утрата инициального согласного [н], например, аңхна:һа:н «спокойно, тихо, мирно», ана:гы «меня», анды «мне», амырһы «иней» в м. лит., торг., дерб. намхна:һа:н, нама:гы ~ нана:гы, намды ~ нанды, намырһы. Такая утрата начальных звуков в монголистике – вещь не такая уж редкая: ср. СПМЯ kituga «нож», калм. утхы, калм. хо:в-хо:в «возглас подзывания коров», халх. ө:в-ө:в.

Перед заднеязычным щелевым [x] и переднеязычным фрикативным [ç] губно-губной [м] иногда переходит в заднеязычный [ɣ], например, аңхна:һа:н «спокойно, тихо, мирно», хаңхылхы «ломать», үңсехе «одеваться», лит. намхна:һан, хамхылхы, үмсехе.

Представляет определенный интерес спорадический переход переднеязычного смычно-щелевого [ч(ц)] в положении перед гласным [и] в щелевой согласный [щ], например, ширке «рюмка», шитвер «рогожа», шитлег «фундук», ши:ген «цыган», лит., дерб., торг., буз. чирке, читвер, читлег, ци:ген ~ ци:ьен.

Подобные чередования вообще свойственны калмыцкому языку, как, например, шэркеш «черкес», хэлш ~ хальш «калач», шапан «чапан», шитем «тюрк. читан». Однако в цаатанском подговоре это чередование наблюдается в непривычных словах и поэтому бросается в глаза, как в дербетском нохашилхы «сидеть по-собачьи», күштэ «сильный, мощный», лит., торг., буз. нохачилхы, күчтэ.

К грамматическим особенностям цаатанского подговора следует отнести местоименный аффикс первого лица ед. числа – б и местоименный аффикс 2 лица мн. числа – биден. При этом аффикс прошедшего времени -в, или любой другой [в] корня, оказавшись непосредственно перед этими двумя личными аффиксами, переходят в губно-губной звонкий согласный [м], например, би иремб «я пришел», би амб «я взял», би кэлемб «я сказал», би одымб «я сходил», биден одымбиден «мы сходили», биден кэлембиден «мы сказали», ср. лит. ирвев, авув (аввв – аббыв – авбыв), кэлвев, одвыв, одвывиден, кэлеввиден ~ кэлвевиден.

Синтетическая форма глагола настоящего времени, образованная из соединительного или разделительного деепричастий и вспомогательного глагола бээнэ, имеет следующий вид: суржи:нэ: «спрашивает», кэлжи:нэ: «говорит», сура:ди:нэ: «часто спрашивает», кэлэ:ди:нэ: «часто говорит», ср. лит. суржа:на:, кэлжэ:нэ:, сура:дэ:нэ:, кэлэ:дэ:нэ:.

Такой вариант образования синтетической формы глагола, видимо, объясняется тем, что в цаатанском подговоре, как и в торгутском говоре, нет нейтрального гласного [э:]. Поэтому язык нашел рациональный способ синтеза слова бэ:нэ: со словами разных сингармонических рядов, не нарушая при этом закона гармонии гласных, а именно – заменил гласный [э:] на нейтральный гласный [и:].

Цаатанский подговор в родительном падеже кроме общих для всех говоров и литературного языка аффиксов имеет аффикс -ги:н в конце слов, оканчивающихся на гласный [у, у:], например, эдел-аху:ги:н «хозяйства», наку:-таку:ги:н «аккуратиста», баху:ги:н «зоба», ср. лит. дерб. эдел-аху:н, наку:-таку:н, баху:н. Также родительный

падеж помимо аффикса -и:н в цаатанском подговоре параллельно имеет аффиксы -а:н, -э:н – үкри:н үсен ~ үкрэ:н үсен «коровье молоко», У:ши:н ~ У:ша:н көвү:н «сын Убуша».

Подобно этому винительный падеж также имеет помимо обще литературных формантов еще аффикс -а:гы, -э:ге : бурви:ге ~ бур-ва:гы «три», нэги:ге ~ нэгэ:ге «одну».

Цаатанский подговор, как и торгутский говор, имеет направительный падеж на -а:ды, -э:де – модна:ды «к дереву», гэрэ:де «к дому», ызара:ды «к земле», нүкнэ:де «к норе, к яме». Аффикс -а:ды, -э:де восходит к СПМЯ ögede «к вверх», СС. oede «к, вверх» (§ 55, 56), «Джангар» өөде ‘к, вверх’» (с.330, 353, 355).

К лексическим особенностям следует отнести:

цаат.	дерб.	торг.	значение
ьурхлю	ьу	ьу	овраг, ложбина, русло
ду:д чаа:н	ду:д цаан	ду:д цаа:н	белый-пребелый
шонтыл алыг	цоклу:р	шонтыл	удод
	эрги:н гуг	хуца:чи	
тохьал	молда:н	өвер уга	комольи, безрогий
		мөлү:р өвөртэ:	
заппу	элкевчи	заппу	фартук, передник
шивер	ультрыг	үлтрег	стелька
өгелдхе	үгцехе	өгелдхе	пререкаться, ругаться
бүрү:	буру:	буру:	неправильно, несправедливо
бучилхы	буслыхы	буслыхы	кипеть
үрэ:	ура:	ура:	ура, уран, боевой клич
күлт	кукальк	күлт	ватник, фуфайка, пальто
ниьү:р	чирэ: хэлэ:дег	хойир чирэ:тэ	двуличный
утру:н	уту:р	утыр	отпечатка, рубец
өлөврег	өрөвлөг	өрөвлөг	пух, пушилка
хавха:ндыг	хавхынгы	хавхындыг	черепаха
		хавхьгы хар	
		хээсте	
Өрэ:сэ:	Өрэ:сэ:	Өрэ:сэ:	Россия
дэлдхе		дэлдхе, жилдхе	плавать, плавать брассом
кору:	кирү:	кору:	иней

## Оренбургский подговор

Оренбургский подговор – это язык калмыков, проживавших в Оренбургской губернии и ведущих свою историю с конца 40-х годов XVIII в., когда правительство решило создать отдельный казачий корпус численностью около 4,5 тыс. человек, причем четвертую часть его должны были составить крещенные калмыки, башкиры и мещеряки (178, с.207).

Однако следует отметить, что Ставропольское (на Волге) калмыцкое поселение возникло в конце 30-х годов XVIII в. Через 20-30 лет земли, предоставленные в пользование ставропольским крещеным калмыкам, оказались перенаселенными. Правительство решило направлять принимавших христианство калмыков в район Оренбурга, присоединив их к так называемому Оренбургскому нерегулярному казачьему корпусу. Ставропольское калмыцкое поселение существовало до начала 40-х годов XIX в., когда было передано в ведение Оренбургской губернии и приписано к Оренбургскому и Уральскому казачьим Войскам (178, с.207).

По рассказам информанта Кутуктаевой А.З., оренбургские калмыки являются торгутами, род их гүсүн (по названию речки Гюсюн) насчитывал 200 семей. Они жили в селе Колевченском. Представители соседнего рода керэд (кереиты) жили в селе Аршавском.

Как уже неоднократно говорилось, по употребительности огубленных гласных заднего ряда [о, у] в позиции перед губно-губным [м] и [в] дербетский говор называется о-говором, а торгутский – у-говором. Ср. дерб. хомхэ:, оренб., торг. хумха: «выгоревший», дерб. ховцын «одежда», оренб., торг. хувцын. Точно также в отношении слов с мягкорядными гласными дербетский проявляет себя как о-говор, торгутский – как у-говор: дерб. хөврэд «изменяясь», оренб., торг. хүврэд; дерб. төве «материк», оренб., торг. түве.

В оренбургском подговоре имеется долгий гласный [а: (э:)] в аффиксе прошедшего времени изъявительного наклонения: дерб. аббы «взял», оренб., торг. абба:, дерб. зө:ве «таскал», оренб., торг. зө:вэ:, дерб. ьарвы «вышел», оренб., торг. ьарва: (ср. СПКЯ гарубай, зө:бей).

Отмечается отсутствие перехода [а:] в [э:] в словах заднего ряда в конечной позиции, напр., дерб. сохылнэ: «ослепляет», оренб.

сохолна:; торг. сохылна:; дерб. хомхэ: «выгоревший», оренб., торг. хумха:; дерб. хайчикнэ: «бросает», оренб., торг. хайчикна:.

А.Ш. Кичиков пишет, что для доказательства торгутского происхождения подговора оренбургских калмыков больше ничего не требуется, ибо во всех тех случаях, когда в чем-либо современный торгутский говор расходится с дербетским, оренбургский строго следует за торгутским (120, с. 209). Однако расхождения, которые все-таки обнаруживаются, имеют позднее происхождение. Это прежде всего палатальные согласные [л', н', д', т'], употребляющиеся в словах твердого ряда. Ср. дерб. ханьэ:ден «кашель», оренб. ханьядын, торг. хэнэ:ден, дерб. альвын «шалун», оренб. альвын, торг. элвен; дерб., оренб. матьхыр «кривой», торг. мэтхер.

Также следует отметить, что в СПКЯ лабиальный гласный [о(ə)] среднего подъема встречался не далее второго слога. То же можно сказать и об оренбургском говоре, напр., сохолна: «ослепляет», жолмо «полуюрта», орсо «русский», өндөр «высокий», өдөр «день», ө:рө «близко», көкө «синий», өлгө= «вешать», хото «пища».

Отмечается также сохранение качества при слабой редукции гласных во вторых слогах, напр., энэ «это», тэрэ «то». Это положение и сохранение огубленности средних [о, ə], отмеченные выше, — явления одного порядка, а именно прогрессивной ассимиляции. Следует сказать, что здесь ослаблено действие причины, вызывающей редукцию гласных в непервых слогах, действие психологической предопределенности по закону гармонии гласных.

Вместо глухого проточного [х] в исследуемом подговоре имеется глухой смычный [к], напр., ирцекэ:жи «пришли» в. ирцехэ:жи, йовцыка:жи «пошли» в. йовцыха:жи, үлдэцкэ:жи «оставили» в. үлдэцхэ:жи, болтыка: «да будет» в. болтыха:, медкеш «не знает», в. мэдхеш.

Аффикс глагола совершенного вида теряет [к], происходит процесс опрощения, см. хайчихы «бросать» в. ожидаемого хайчиккы, орфографически хайчкх; хайчидыг «имеющий обыкновение бросать» в. хайчиктыг, орфографич. хайчкдг. Другие примеры опрощения: үкенжэ:нэ:в «умираю» в. үкен гижэ бэ:нэ:в, гэ:д «говоря» в. гигэ:д ~ гийэ:д, дэвсегэ:д «заставлять пинать» в. дэвсе гийэ:д, юнга:с кэлевчи? «почему не сказал» в. юнга:д эсе кэлев чи? Хуцха:р «все» в. ху: цуа:р, сэ:нхень — сэ:н «если хорошо, хорошо» в. сэ:н гихень — сэ:н (20, с.209).

В рассматриваемом подговоре наблюдается сохранение старописьменных губно-губных глухих и звонких [б] и [д], которые в других говорах и языках нередко переходят в [в]. Напр. аб= «братъ», лит. дерб., торг. ав=, төб= «меткий», лит. торг., дерб. төв, хапчин – этнос, лит. торг. дерб. хавчин, апчика:д «взяв», лит. дерб. торг. авчика:д, түб-түмен «тьма-тьмущая», лит., дерб., торг. түв-түмен.

Следует также отметить и чередование заднеязычного взрывного [г] с заднеязычно-увулярным щелевым [ɣ(γ)], напр., нутыг «родина» – нутъу:р – нутъа:сы, хасыг «казах» – хасъу:р – хасъа:сы – хасъу:д.

Для подговора характерно наличие в родительном падеже возвратно-притяжательного склонения аффикса -а:н, -э:н вместо аффикса -нн (-нен), напр., багши:нэ:н «своего учителя» вм. багши:нен, орфографически багшинн, эврэ:нэ:н «своего» вм. эврэ:нен, орф. эврэнн.

Многочисленное причастие на -дыг, -дег при присоединении различных частиц нередко теряет конечный [г], напр., бэ:дег «бывающий, живущий» – бэ:дем – бэ:дмен – бэ:девилэ: – бэ:дго: ~ бэ:дга:.

Представляет интерес наличие в оренбургском говоре палатальных согласных [л', н', д', т'], исторически восходящих к согласным в препозиции гласного [и], напр., хальмаг «калмык», таньха «узнавать», адъас «благословение», матъхар «кривой», ср. СПКЯ халимак, таниху, адис, матихар.

### Уральский подговор

Уральский подговор калмыцкого языка – это язык калмыков, живших небольшими поселками (хуторами) по казачьим станицам Уральской области. Так, в самой станице Кармановской насчитывалось до ста дворов, в поселке Кызовинской (по-калмыцки Улан Толга) – до 50 дворов. В Пятимарском или Бескалмак (Тавн Толга) – до 40 дворов. Эти поселки входили в Кармановскую станицу. Кроме того, калмыки жили в Чижинской станице (от калм. чэ:жи «грудь»), а отдельные калмыцкие семьи проживали в городках Калмыково и Кулагино, в казачьих селах, расположенных непосредственно по р. Уралу и в местности Хар Толга (187, с.41). Места расположения калмыков-казаков упоминаются в работе Н. Бородина

«Уральское казачье войско», где называются такие населенные пункты, как Чижинский, Потяженский, Лбищенский, Кармановская, Ксык Камышанский (51, с.132).

Основным костяком уральских калмыков-казаков явились те калмыки, которые были Петром I приписаны к Войску Уральскому. А.Б. Карпов отмечает, что согласно переписи, произведенной полковником Захаровым в 1723 г., из 3164 казаков на Яике калмыков, непосредственно служивших в Яицком войске, было 43 человека. Далее указывается, что согласно грамоте от 30 апреля 1724 года было разрешено принимать в яицкое войско калмыков только из владения Дондука (114, с.57, 783). Н. Бородин пишет, что в 1862 году калмыков насчитывалось 1184 человека обоего пола, а в 1885 году – всего 934 человека (51, с.139).

Изолированность уральских калмыков от основной массы калмыков Поволжья, их малочисленность и разбросанность по разным населенным пунктам Урала, тесные взаимоотношения с русскими, татарами и особенно казаками привели к тому, что функции их родного языка постепенно стали сужаться. Уральские калмыки стали трехязычными: наряду с родным, хорошо владели русским и тюркским, особенно казахским языком. По-калмыцки они стали говорить с казахским акцентом. Много тюркских слов вошло в их лексику. Уральские калмыки сообщали, что они и их родители знали тюркский язык с детства.

В 1924 году их перевели в Большедербетский (ныне Городовиковский) район, где они основали с донскими калмыками поселок Дон-Уральск в 4 км. от Башанты (187, с.44).

Выходцем из уральских калмыков был известный в свое время Мантык – истребитель тигров, о котором Верненский гражданин (Б. Карпов) говорит, что настоящий охотник, дивный Мантык, чертовски сложенный физически, одарен такой силой воли, таким хладнокровием и присутствием духа, что вызывал невольное удивление (60, с.54).

Язык уральских калмыков – это относительно новое образование регионального характера, которое в свое время ничем не отличалось от языка остальных калмыков, особенно от торгутского говора, а в новых условиях получило параллельное и независимое развитие от общекалмыцкого языка. Их язык постепенно подверг-



ся значительным фонетико-морфологическим и лексическим изменениям под непосредственным влиянием русского и тюркоязычного окружения.

Академик Б.Я. Владимирцов, классифицируя говоры калмыцкого языка, язык уральских калмыков относит к торгутскому говору. Собранные и изученные Д.А. Павловым материалы подтверждают выводы предыдущего автора. К торгутским особенностям автор относит: а) употребление гласных [у, ү] в первом слоге в отличие от [о, ө] в дербетском говоре: умшихы 'читать', үвел 'зима'; б) сохранение отдельных более древних форм фонетических явлений. Сюда относится употребление [и] в первом слоге в м. [ү] в дербетском, напр., бичир 'веточка', бишкүр 'свисток', бишмүд 'платье девичье'; в) отдельные случаи палатализации гласных в пре-, постпозиции с гласным [и] (в м. палатализации согласных в дербетском) нүлемсен 'слюна' в м. дерб. нүлгимсын (< из нилбусун); г) отсутствие палатализации гласных под влиянием [и] при наличии заднеязычного смычного твердого [к]: дакын 'снова, еще' (< дакин), бакырсын 'небольшой казанок' (< бакирсан), макыр 'криворукый' (< макир), тамкы 'табак' (< тамаки), саку:сын 'гений-хранитель' (< сакиусун) и др.; д) соответствие уральского согласного [ц] дербетскому, цаатанскому [ч], ср. урал. бурцыг 'дробь', лит., дерб., цаат. бурчиг; урал. көвцег 'седельная подушка', лит., дерб., цаат. көвчиг; е) соответствие урал. [д] литературному, дербетскому [р]. Напр. күркелхе 'рычать', шаркылхы 'ныть, ломить', оркылхы 'орать', лит. дерб. күркерхе, шаркырхы, оркырхы.

Двусмысленное положение занимает уральский подговор в отношении долгих гласных. С одной стороны, можно сказать, что в указанном подговоре долгие гласные отсутствуют, т.к. калмыцкие литературные слова цасын 'снег', ца:сын 'бумага', тосын 'масло' и то:сын 'пыль' произносятся без различия долготы: (цасын, тосын), образуя оморформы. С другой стороны, в их языке сохранились слова, содержащие, по их меркам, краткие гласные в первых слогах — така 'курица', ноха 'собака'. Однако при присоединении к ним словоизменятельных и словообразовательных аффиксов долгота гласных восстанавливается — така:ды, ноха:ды.

Помимо этого сохранились слова, содержащие сверхдолгие гласные в первых слогах, как это наблюдается в литературном языке

ке, например, см. си:ке 'серьга', да:нын 'годовалый жеребенок', еу:лыы 'ведро'.

Будучи результатом комплексной редукции, долгие гласные сами отмечаются некоторой неустойчивостью. Это во-первых. Во-вторых, нередко путаются параметры долгих и параметры ударных гласных, что, видимо, находит отражение как в речи уральских калмыков, так и в работе Д.А. Павлова, когда отмечаются ударные гласные вместо долгих. Тем более, что автор сам не совсем уверен, говоря, что здесь требуется экспериментальное изучение.

Наряду с долгими гласными представляет интерес развитие дифтонгов в изучаемом подговоре. Дело в том, что дифтонги наблюдались в старописьменном калмыцком языке и представляли собой разновидность долготных комплексов, из которых в калмыцком языке образовались долгие гласные. В уральском же подговоре наблюдаются случаи нерегулярного сохранения дифтонгов в конечной позиции, например, кэи 'воздух', ара 'едва', үгэи 'нет'. В остальных случаях, где дифтонги в других ойратских говорах дали долгий гласный, уральский подговор имеет краткий гласный, напр., СПКЯ айимаг 'область', майилаху 'блеять', сайин 'хороший', эрбекей 'бабочка', урал. эмек, мэлхе, сэн, эрвэкэ, лит., торг., дерб. э:мег, мэ:лхе, сэ:н, эрвэ:кэ.

Казалось бы, что если все значительно позже сформировавшиеся калмыцкие говоры, носящие названия российских регионов — уральские, оренбургские, терские, чугуевские, донские и т.д. — отпочковались от основной массы калмыков, от общего языка примерно в одно и то же время, то и языки их должны быть близки. Однако этнолингвистическое окружение в каждом регионе по-разному повлияло на калмыцкие поселения, их язык. Факт сохранения sporadических дифтонгов в уральском говоре наводит на мысль, что уральские калмыки, видимо, раньше других отделились, возможно, еще по пути к Волге. Утрата долгих гласных — это результат влияния тюркоязычного окружения. Отсутствие долгих гласных затормозило развитие дифтонгов и образование из них долгих гласных. Там, где дифтонг в уральском подговоре не сохранился, он перешел в краткий гласный [э]. В других же говорах дифтонг развился в долгий гласный.

В СПКЯ средние огубленные [о, ɔ] в основном распространились не далее второго слога. Это же можно сказать и об уральском подговоре, где встречаются такие слова – йорол ‘дно’, некөдер ‘послезавтра’, өмнөгүр ‘впереди’, дорогур ‘по низу’, хологур ‘подальше’.

Как и в калмыцком языке в целом, в уральском подговоре отсутствует звук [ф], который в заимствованных словах заменяется звуком [п] – паныр ‘фонарь’, коппы ‘кофе’, каптан ‘кафтан’. Звук [б] в конце слова произносится с небольшим оглушением, наподобие [п] – шаб-шаб ‘звукоподражание капле’, аб= ‘брат’, тэб= ‘положить’, хопцын ‘одежда’, топчи ‘пуговица’. Однако при добавлении к слову аффиксов произносится проточный губно-зубной (губно-губной) [в].

Инициальный [д] нередко заменяется [н], напр., намы ‘духовное лицо, лама’, Нижи – имя, навшиг ‘халат’, навкы ‘магазин’.

Специфический звук калмыцкого языка заднеязычно-увулярный [һ] в начале слова, после согласных выступает как смычный звук. В уральском же подговоре в отмеченных позициях выступает заднеязычный смычный [г], напр., гар ‘рука’, газыр ‘земля’, халгы ‘дорога’, бавга ‘баба’, толга ‘голова’, шаңгы ‘разливат. ложка’, уңгах ‘ронять’. В интервокальном же положении правильно артикулируется заднеязычно-увулярный проточный [һ], напр. баһы ‘молодой’, һаһа ‘тетя’, моһа ‘змея’. Однако в функции соединительного согласного, несмотря на его интервокальное положение, уральский подговор вслед за торгутским говором, особенно его волжско-каспийской части, употребляет заднеязычный смычный [г], напр., толгаган ‘свою голову’, дүгэн ‘своего младшего брата’, сугад ‘сидя’, хурагад ‘собрав’, гигэд ‘говоря’, кэгэд ‘сделав’.

Заднеязычный носовой [ң] в конечной позиции слова, перед краткими редуцированными гласными утрачивает назальный характер и переходит в переднеязычный [н], напр., савын ‘мыло’ вм. савың, Басын (имя) вм. Басың, шазын ‘пиала’ вм. ша:зың. При наличии гласных полного образования такой переход [ң] в [н] не наблюдается, напр., аң ‘зверь; трещина’, заң ‘нрав, характер’.

Уральский подговор сохранил аффикс причастия будущего времени -ке, встречающийся обычно в словах мягкого ряда, напр., мэдке ‘узнает’, кэдке ‘бродить’. Эта форма употребляется с по-

казателем -ла, -лэ (СПКЯ -луа, -луге) или частицей отрицания ш, напр., мэдеклэ 'если узнает', гиклэ 'если скажет', мэджеш 'не знает'.

Представляет интерес редукция кратких гласных первого слога, напр., гнэ 'говорит' вм. гинэ:, блэ 'был' вм. билэ:, крэн 'свою грязь' вм. кирэн, Глан — имя вм. Гилэн, Глаңкы (имя) вм. Гилэнке, арвын длата 'семнадцатилетний' вм. арвын дола:та:. Выше говорилось, что уральский говор не знает долгих гласных, вместо которых имеется ударный гласный. Редукция гласных первого слога является этому подтверждением. Только силовое, динамическое ударение может вызвать редукцию безударных гласных в первой, второй и третьей предударных позициях.

Вместо литературных общекалмыцких форм на -жа:на:, -ча:на, -жэ:нэ, -чэ:нэ: уральский подговор знает только -жэнэ, -чэнэ, которые употребляются со словами как твердого, так и мягкого рядов. Напр., чанжэнэ 'варит' вм. чанжана (чанжа:на:), сужэнэ 'садится' вм. су:жа:на:, начэнэ 'играет' вм. на:ча:на:, кэжэнэ 'делает' вм. кэжэ:нэ:. Как видно из приведенных примеров, краткий [э] выступает в уральском подговоре как нейтральный гласный, встречающийся в словах твердого и мягкого рядов.

В словах с конечным -н употребляется аффикс множественного числа -д, напр., көвүн 'мальчик' — көвүд, мөрен 'лошадь' — мөред, вместо ожидаемого аффикса -с, как это наблюдается в торгутском говоре.

Краткий гласный [э] последовательно встречается во всех морфологических показателях, которые в калмыцком литературном языке и других говорах имеют [э], напр., тэмэндэн 'своему верблюду', тэмэгэрэн 'своим верблюдом', тэмэнлэгэн 'со своим верблюдом' вм. лит., дерб., торг. тэмэ:ндэ:н, тэмэ:нэ:рен, тэмэ:нлэ:нэ:н.

Также этому подговору известен направительный падеж на -ур, -үр, исторически восходящий к послелогу уру 'вниз'. Торгутский говор знает направительный падеж, образуемый с помощью аффикса -ад, -эд (-а:ды, -э:де), образованного от послелога өөде 'вверх'.

Уральский подговор перед отрицательной частицей ш нередко теряет аффикс будущего причастия -к (-х), напр., мэдшүв 'не знаю', кэлшүв 'не скажу' вм. лит., дерб., торг. мэджешив, кэлхешив.

К лексическим особенностям следует отнести следующие слова:

сулое	овес	ми	кошка
биле	вилы	хатик	сибирская язва
картошкы	картошка	нүлөмхө	плевать
бужа	пшеница	элдехе	месить
керосин	керосин	өнес	замок
агсыры	паутина	очигдер	вчера
жулжиыны	птенчик	мандыр	завтра
шүгөл	невод	тикламат	пальто
хор	карман	пиндор	помидор
урьан	вниз	дойир	плетка
титвег	тыква	чилавчин	таз
сөг	просо	бишмүд	платье
салсын	послед	шазын	пиала
улаг	козленок	чэжлиг	безрукавка
козлыг	очки	татвыр	четки
навшиг	халат	гэдергэн	обратно, назад
маңгырсын	лук		

### Язык каракольских калмыков

Название этнонима происходит от наименования реки Каракол «Черная река», на которой они обитают. Их также называют сарткалмыками («узбекские калмыки»), иссык-кульскими калмыками.

Согласно преданиям, они произошли от мусульманских путешественников, женившихся на калмычках и перенявших от калмыков их язык, образ жизни, быт, но сохранивших свою религию.

Дорджи Антонович Павлов, изучив существующую литературу, историю расселения торгутов после ухода с Волги в 1771 году, считает, что предками каракольских калмыков является одна из групп торгутов. Здесь он опирается на работу Б.В. Долбежнева «Судьба калмыков, бежавших с Волги» (88а, с.161). Калмыков, прибывших в Синьцзян, расселили по группам, создав шесть сеймов (несколько позже был создан седьмой):

1. Карашарский или сейм Южного староторгутского аймака.
2. Хобок-сайрский торгутский сейм или цохор-торгутский сейм «пестрых торгутов».

3. Хара-усунский сейм.
4. Сейм Кульджинских торгутов.
5. Карашарский хошутский сейм.
6. Эчине-торгутский сейм.
7. Шине-торгутский сейм.

Помимо этого, 4 торгутских сумуна под руководством Лупсан-Джал-цана прикочевали и расположились кочевьем по реке Текес. Они не составили отдельный сейм и жили отдельно без нойона.

Д.А. Павлов считает, что эти четыре сумуна торгутов, кочевавшие по Текесу, и явились предками каракольских калмыков. К ним примыкали и другие калмыки. В других документах говорится, что по Текесу кочевали шесть сумунов калмыков. Они жили среди узбеков, уйгуров, оказались под их влиянием и получили название «сарт-калмак».

В результате Дунганского восстания (1861-1878) и карательных действий Китая некоторые из текесских и кульджинских торгутов вышли на Нарин-гол, далее на Иссык-куль и Каракол. Это было в 1881-1884 годы. По свидетельству В. Покровского, их тогда было 4000 человек (196 а).

В советское время каракольские калмыки стали переходить на оседлую жизнь, создавать колхозы и поселки – Чельпек, Таш-кия, Майбулак, Борбаш, Борбашкарасу и Малый Карасу. Тогда, в 1926 г., их численность составляла 2593 человек (66). В настоящее время они проживают в четырех селах – Бурибаш, Чельпек, Ташкия и Бурмасу, также они проживают в Пржевальске и Бишкеке. Общее число каракольцев – 4970 человек.

Первый исследователь языка и культуры каракольских калмыков А.В. Бурдуков считает их по языку олетами. В то же время, как отмечает А.Ш. Кичиков, он указывает на близость киргизских калмыков к донским калмыкам и остальным дербетам (121, с. 4). А.Ш. Кичиков свою монографию «Дербетский говор», опубликовал раньше, чем посетил киргизских калмыков, иначе бы он выразил свое несогласие с А.В. Бурдуковым, как это делает Д.А. Павлов, который не отрицает возможности совместного проживания с олетами. Однако то, что каракольские калмыки сами себя называют калмыками, является истинным доказательством. Поэтому А.В. Бурдуков вряд ли прав, называя их олетами. Проф. Тенишев Э.Р. справедливо считает их калмыками и перечисляет названия их ро-

дов: калмак, баймбаху, солто харбатыр, шонкур, сатвалды, кыпчак, бугу, сары, багыш, чимит, джатигер, годонул, шуйкунул (243, с. 82-87). И что очень важно, они сами себя называют калмыками. Калмыками, торгутами-цаатанами считает их проф. Павлов Д.А. (184, с. 49), системно описавший их язык. Также в пользу калмыцкой версии свидетельствует записанная на Иссык-Куле легенда волжских калмыков, о разведчиках, посланных в русские земли для изучения местности. Вернувшись, разведчики сообщили, что местное (русское) население с глубоко сидящими голубыми глазами, длинной расницей, кушают ложкой, долго не наедаются, живут в землянках, основной скот – свиньи. Эту легенду записала студентка Манджиева Л.Б. у каракольской калмычки Насымбатовой Гайши.

В данной работе описываются отдельные специфические особенности их языка. Общеизвестно, что калмыцкие говоры по употребительности средних [о, ө] и узких [у, ү] подразделяются на о-, ө – говор и на у-, ү – говор.

1. Язык каракольских калмыков (ККК) вслед за торгутским говором является у-, ү – говором, напр. хубчун ‘одежда’, ьурву ‘три’, сумун ‘стрела, пуля’, хумсун ‘ноготь’, шумур ‘лампа’, үвүл ‘зима’, үмсүн ‘зола’.

2. Соблюдается губная гармония. Это значит, что имеются лабиальные гласные в непервых (втором, третьем) слогах, если в первом слоге имеется лабиальный [о, ө, у, ү] гласный, напр., үкүр ‘корова’, өвсүн ‘трава’, төмүр ‘железо’, үвүлзүн ‘зимовье’, үчү ‘шуба’, сүкү ‘топор’, мөсүн ‘лед’. Здесь наблюдается сохранение губной гармонии, свойственной СПКЯ.

3. Старописьменные дифтонги независимо от позиции в слове развились в гласный [э ~ э:], ср. эрвэ ‘овес’, дерб., лит. арва, СПКЯ арбай; э:ье ‘чашка’, торг. дерб. лит. а:ьы СПКЯ ајага; хөрмэ ‘подол’, дерб., торг., лит. хорма, СПКЯ аогтоі: хэлэ:, торг. дерб. лит. хала:, СПКЯ qalal ‘жесть’.

4. Интерконсонантный, интерсонорный гласный проявляет себя как редуцированный гласный, напр., хэрелнэ: в.м. торг., дерб. хэрүлнэ: ‘пасти’; сарыл в.м. торг., дерб. сару:л ‘светлый’; бэрел в.м. торг., дерб. бэрү:л ‘ручка, держалка’; күмнэ: в.м. дерб., торг. күмү:нэ: ‘чужой, человеческий’; хадыр в.м. торг., дерб. хаду:р ‘серп’, чэкер в.м. торг., дерб. цэку:р ‘кремень’.

5. Долгие гласные в основном наблюдаются в первом и предпоследнем слогах слова, напр., хэ:сен 'котел', хада:сын 'гвоздь', некэ:дер 'послезавтра', эмтэ:хен 'сладкий', ү:двер 'скука'.

6. В их языке сохранились следы заднерядного варианта гласного [и]. Напр., таким 'подколенный сгиб', бакырсын 'небольшой котел', макыр 'кривой', сакна: 'следить, выжидать', туқырна: 'направлять, наускивать'.

7. Основной фонетической особенностью языка каракольских калмыков является отсутствие согласного [ц] и повсеместное употребление аффрикаты [ч], напр., чаһа:н 'белый', чэвер 'чистый', ча-сын 'снег', чаг 'время', чэку:р 'кремень', чокна: 'бить', чуһа:р 'все', чуглырхы 'собираться', чарча 'саранча'.

8. В калмыцком литературном языке согласный [б] встречается в начале слова, в середине же и в конце слова он часто переходит в согласный [в]. В языке же каракольских калмыков в непрерывных слогах он нередко сохраняется как [б] или [ц]. Напр., кеб 'колodka', аб= 'брат', тэб= 'положить', тэбчике ~ тэпчике 'положить', зэб 'согласие', өбдкер 'боль', би келүб 'я сказал'.

9. Соединительный согласный [г] наблюдается на стыке морфем между гласными, напр., гигэ:д 'сказав', кэгэ:д 'сделав', су:га:д 'сев', бу:га:р 'ружьём'.

10. Кроме чаканья, основной особенностью является употребление [й] вместо [з, л, н] и – реже – других согласных, напр., йокчана 'стоит' вм. зоксча:на:, йаһсын 'рыба' вм. заһсын, майа 'кнут, камча, нагайка' вм. лит., дерб. маля, сойна 'менять, обменивать' вм. дерб., лит. сольна, сойун 'интересный' вм. дерб., лит. сонин, уйун 'шест' вм. торг., дерб. унин, мэ:йнэ 'блеет, мяукает' вм. торг., дерб. мэ:лнэ:, явшиг 'халат' вм. лавшиг, той 'зеркало' вм. толь.

11. Еще одной важной особенностью является употребление в языке каракольских калмыков аффрикаты [кх], напр., кхүрүм 'свадьба', кхупчун 'одежда', кхутху 'нож'. О том, что такая аффриката имелась в калмыцком, писали еще А. Бобровников (44, 5-21) в XIX в., Б.Я. Владимирцов в XX в. (64, с.404). Последний считает, что [кх] является промежуточным этапом в процессе развития  $k > kx > x$ . Язык ККК, надо полагать, сохранил эту промежуточную аффрикату [кх].



К морфологическим особенностям языка ККК следует отнести то, что в их языке имеется всего семь падежей, отсутствуют соединительный падеж на -ла:, -лэ: и направительный на -ур, -үр.

1. Соединительный падеж не отличается от совместного, а вместо направительного используется дательный. Напр., үкрмүд мөртэ хамдан йовна 'коровы пасутся вместе с лошадьми'. Гертэн э:шнэмидн 'мы возвращаемся домой'. Чи гертэн хэрнэч? 'ты пойдешь домой?'. С другой стороны, 'гэртэн хэрхе', видимо, правильной, чем 'гэрү:рен хэрхе' 'возвращаться к дому'.

2. Родительный падеж помимо общеизвестных аффиксов -ин, -а, -э, -н в языке ККК имеет также аффикс -ан, -эн, свойственный торгутскому говору и цаатанскому подговору, напр., увлэн сар 'зимний месяц', зуан сар 'летний месяц', күрзэн бэрел 'рукоятка лопаты', дерэн надыр 'наволочка'.

3. Винительный падеж вместо -ииги, -ги нередко принимает -агы, -эге, напр. негэге 'одну', хойрагы 'два', ьурвагы 'троих'. Здесь опять-таки совпадение с торгутско-цаатанским вариантом.

4. В падежных аффиксах, других грамматических формах соединительным согласным между гласными часто выступает согласный [г], напр., темэгэн 'своего верблюда', темэгэр 'верблюдом', өмнэгэр 'спереди', кегэд 'сделав', гигэд 'сказав'.

5. Из аффиксов множественного числа наиболее употребительный -мыс, -мес, -мус, -мүс, напр., улмыс 'горы', одонмус 'звезды', күмүнмүс 'люди', ьармыс 'руки'. Ср.: торгутско-цаатанские -үкermес 'коровы', кү:мес - кү:кесмес 'девочки', көвү:смес 'мальчики'. Вообще в языке ККК аффиксы множественного числа по сравнению с калм. языком употребляются беспорядочно: су:льымуд 'ведро', бичигмүд 'письма', шовудуд 'птицы', моддуд 'дерева'. На примере языка ККК Д.А. Павлов считает, что когда вы рождается язык, его грамматические формы забываются, перепутываются, теряют свои значения (184, с.29).

6. Сохранение старописьменного аффикса будущего времени -ку, -кү, напр., медкү, иркү, идекү, одоку.

7. Наравне с аффиксом условного деепричастия -хула, -хүлэ употребляется форма -хна, -хнэ: ирхнэ, йовхна, келхнэ.

## Лексические особенности:

у:лан таши	-	склон горы
у:лан ьо	-	равнина
өндөр	-	сегодня
некәдрин ча:дыр	-	по-за послезавтра
күртүг часын	-	сугроб
ү:дүн	-	дверь
меш	-	печь
көчә	-	улица
уйун	-	шест
босого	-	косяк
ха:лы	-	ворота
буху	-	арык, канал
урун	-	мастер
у:рха	-	подвал
ү:регсен	-	шлак от угля
күмүн	-	человек
күмүс	-	люди
күргүй	-	жених, зять
герлх	-	жениться
худьу	-	сватья
гәдргән	-	снова, обратно
буруд	-	киргиз
бөдүн зоотехник	-	главный зоотехник
ах ~ аху	-	работа
толха	-	голова
сү	-	подмышки
урул	-	рот, губы
гижиг	-	косы
шиде	-	зубы
сорымсун	-	ресницы
баьльчиг	-	запястье
бө:к	-	бок
чохы	-	висок
такым	-	подколенный изгиб
умдун	-	кальсоны
өлкү	-	очкур, гачи
тахья	-	тюбетейка
явший	-	халаг
халгы	-	карман
төс халгы	-	внутр. грудной карман

томсын бэ:лэ	-	вязанные перчатки
томсын альчир	-	вязанный платок
ө:мсүн	-	чулки войлочные
шивер	-	стелька
төшән	-	подстилка
тэвчи	-	полка, подставка
той	-	зеркало
сөг	-	пшено
хәмер	-	тесто
чөчпәрэ	-	пельмени
хашан	-	вид пельмени
хабхуг	-	крышка
чорьу	-	перегонная трубка
миск	-	кастрюля
туңгырчик	-	мешочек, кисет
эвкәш	-	коромысло
чакыр	-	кремень
чучил	-	крот
булыг	-	овца 3-х летка
шагшиг	-	годовалый ягненок
тувай – тувай	-	зов овцы
хар барчан	-	скворец
короз	-	петух
дөңгәләг	-	колесо
тэртә	-	оглобли
шалың	-	шля
көмүлдәрье	-	нагрудник
эрвә	-	ячмень
халха	-	крапива
чэчиг	-	цветок
чомпа	-	копна
хад	-	смородина
маңгырсын	-	лук (бот.)
нә:нег	-	елка
ки:тчин	-	кизяк
сәрьел	-	ручей
кэрлкә	-	загривок
ша:д	-	базар.

Язык каракольских калмыков – это калмыцкий язык. Никто из исследователей этого не отрицает. Общего много, поэтому здесь рассматриваются только отдельные специфические особенности.

Однако эти особенности не отдаляют, а сближают эти языки, показывают общие закономерности их исторического развития. Проф. Тенишев Э.Р. в своем сравнительно-сопоставительном тематическом исследовании лексики двух языков пишет, что сравнение с общекалмыцкой лексикой обнаруживает в большинстве случаев совпадение терминов родства (243, с. 86). Из тридцати терминов соматической лексики двадцать четыре общекалмыцкие и только шесть заимствованы из киргизского и узбекского языков (243, с. 86). Далее отмечается, что больше всего различий наблюдается в фонетике. В морфологии и лексике эти различия мало ощутимы, т.е. язык иссык-кульских калмыков находится на положении говора (243, с. 86). Однако Д.А. Сусеева считает, что несмотря на генетическое родство язык иссык-кульских калмыков на правах говора или диалекта нельзя относить к калмыцкому языку. В основе этого взгляда лежит историческая причина – ККК не участвовали в формировании калмыцкого этноса в XVII – XVIII вв. (237, с. 42-43). Конечно, проф. Э.Р. Тенишев считает, что чисто историческое основание не является достаточным, необходимо привлечение еще социологического критерия, учет национального самосознания, взаимопонимаемости, наличия общего литературного языка (243, с. 86-87). Д.А. Сусеева рассматривает вопрос несколько односторонне. На наш взгляд, здесь все дело в генетическом родстве. Они – плоть от плоти калмыки (нег махн, нег цусн). Независимо от того, в каком соотношении будет их язык с калмыцким, на уровне ли говора или диалекта, приходится признавать, что это калмыцкий язык с чисто лингвистической позиции. Более того, по свидетельству А.В. Бурдукова, они пользовались первоначально старокалмыцкой письменностью 'тодо бичиг', затем, следуя за калмыками, перешли на латиницу, в настоящее время пользуются общекалмыцкой письменностью на русской основе.

## ГЛАВА ВТОРАЯ ЗВУКОВОЙ СТРОЙ КАЛМЫЦКИХ ГОВОРОВ И ПОДГОВОРОВ

### 1. Вокалическая система

Система гласных звуков калмыцких говоров, как и литературного языка, состоит из 20 фонем: [а, а:, о, о:, у, у:, э, э:, ө, ө:, ү, ү:, э, э:, и, и:, ы, ы:, е, и], которые по количеству подразделяются на краткие [а, о, у, э, ө, ү, э, и]; долгие [а:, о:, у:, э:, ө:, ө:, э:, ы:, и:], редуцированные [ы, е, и]; по участию и неучастию губ – на огубленные [о, о:, у, у:, ө, ө: ү, ү:] и неогубленные [а, а:, э, э:, и, и:, ы, ы:, е, и; по степени подъема – на широкие [а, а:, э, э:], средние [о, о:, ө, ө:, э, э:, е], узкие: [у, у:, ү, ү:, и, и:, ы, ы:, и]; по месту артикуляции – на заднеязычные [а, а:, о, о:, у, у:, ы, ы:], переднеязычные [э, ө, ө, ө:, ү, ү:, э, э:, и, и:, е, и].

Система гласных калмыцких говоров и литературного языка состоит из двух не сочетаемых между собой групп: гласные заднего (твердого) ряда [а, а:, о, о:, у, у:, ы, ы:], гласные переднего (мягкого) ряда [э, э:, ө, ө:, ү, ү:, э, э:, е, и, и:, и], нейтральные гласные [и, и:, и].

#### Краткие гласные

[а] – заднеязычная, нелабиализованная, широкая, краткая гласная фонема. Во всех говорах, как и в литературном языке, встречается только в первом слове слова: авны ‘дядя’, тахы ‘подкова’, хавхы ‘капкан’, барс ‘барс’, алдыр ‘славный, слава’, тавыг ‘ступня’, давсын ‘соль’. В старописьменном монгольском языке (СПМЯ) и старописьменном калмыцком языке (СПКЯ) этот гласный встречался во всех слогах слова: aldar ‘слава, славный’, aqar ‘короткий’, andagar ‘клятва’, bogugan ‘буран, непогода’, bortuga ‘бурдюк’. Старописьменный краткий а первого слога, за которым в непервых слогах

следовали заднерядные гласные, сохранился в современных калмыцких говорах и литературном языке. Однако в тех случаях, когда после а первого слога в непервых слогах имелся гласный и, дифтонг или любое сочетание гласных, содержащее гласный и, нередко наблюдалась палатализация а, иногда всего слова. Палатализация а коснулась всех говоров и литературного языка. Ср. СПМЯ, СПКЯ *baŋi* =, калм. *бәре* = 'держать', СПМЯ, СПКЯ *ariun*, калм. *эрүн* 'числитель, святой', русск. Василий, калм. *Бәсль*, СПМЯ, СПКЯ *tabin*, калм. *тәвен* 'пятьдесят', СПМЯ, СПКЯ *qalison*, калм. *хәлсен* 'корка'.

Если же в непервых слогах имелся дифтонг ай (ой), который развился в одних случаях в долгий [ə(ə:)], в других – в долгий [a(a:)], то гласный [a] первого слога вел себя по-разному. Ср. СПМЯ, СПКЯ *dalai*, лит. торг. цаат. *дала:*, дерб. *далә:*, икидерб., буз. *дәлә:* 'океан, много', СПМЯ, СПКЯ *manaı*, лит., торг., цаат. *мана:*, дерб. *мана:*, икидерб., буз. *мәнә:* 'наш'; СПМЯ, СПКЯ *takai*, лит., торг. *така:*, дерб. *така:*, икидерб., буз., цаат. *тәкә:* 'курица'.

Устойчивость [a] первого слога наблюдается в литературном языке и в торгутском говоре, где более всего соблюдается гармония гласных. В дербетском говоре тоже наблюдается относительная устойчивость, так, форма *манә:* может развиваться в сторону литературной формы *мана:* или в сторону икидербетско-бузавской формы *мәнә:*. В этот переходный период гласный [ə:] непервого слога, образовавшийся из дифтонга ай, ой, в дербетском говоре выступает в функции нейтрального.

[o] – заднерядная, средняя, огубленная, краткая фонема – встречается только в первом слоге слова калмыцкого литературного языка и всех говоров. Калм. лит., торг., дерб., буз., цаат. *торьын* 'шелк', *хорьы* 'укрытие', *боры* 'серый'.

Калм. лит., торг., дерб. и другие говоры в основном сохранили гласный [o] старописьменных монгольского и калмыцкого языков, ср. СПМЯ, СПКЯ *dorba*, калм. лит., торг., дерб., буз., цаат. *дорвы* 'сумка, кожаная торба'; СПМЯ, СПКЯ *bolzag*, калм. лит., дерб., торг. *болзыг* 'срок, пора'; СПМЯ, СПКЯ *onig*, калм. лит., торг., дерб., буз. *оньг* ~ *ониг* 'внимание'.

Фонема [o] СПМЯ, СПКЯ в положении перед гласным [i] в калмыцком литературном языке и в говорах нередко переходит в [ə]. Ср. СПМЯ, СПКЯ *morin* 'лошадь', калм. лит., торг., дерб., цаат. *мөрән*, буз. *морын*, СПМЯ, СПКЯ *dogi* =, калм. лит., дерб., торг., буз., цаат. *дөгә* = 'шалить, баловаться'.

[y] – заднерядная, узкая, огубленная, краткая фонема, свойственная калмыцкому литературному языку, всей диалектной системе; встречается только в первом слоге. Ср. лит. торг., дерб., буз., цаат. суры ‘сыромятная кожа’, тулһы ‘таган’, улмы ‘топь’, буйин ‘добродетель’. Фонема соответствует фонеме [y] СПМЯ и СПКЯ: qudug ‘колодец’, пимип ‘лук’ (оружие), калм. лит. и диалектное худыг, нумын.

Академик Б.Я. Владимирцов отмечает, что в древности в том диалекте, который лег в основу монгольско-письменного посредством [u] обозначали гласный, средний между [o] и [y], т.е. [o] или [yɛ], сохранившийся от общемонгольской эпохи (64, С. 160). Видимо, этим объясняется различное употребление огубленных гласных o, y в калмыцких говорах, что дало повод А.Ш. Кичикову торгутский говор называть у-говором, дербетский – o – говором. Эти особенности являются одним из характерных дифференциальных признаков говоров калмыцкого языка. Хотя узость и некоторая открытость этих гласных нередко объяснимы их фонетическим окружением, т.е. носят комбинаторный характер, видимо, и тогда они следовали за привычным произношением носителя языка. Следуя за Б.Я. Владимирцовым, можно предположить, что вариативность [o и y] современных калмыцких говоров носит древний характер.

[ə] – мягкорядная, широкая, неогубленная, краткая фонема. В современных калмыцких говорах и литературном языке встречается в первом слоге слова. Ср. тэре = ‘сажать, сеять’, бэре = ‘держат’, дэре ‘порох’, эрке ‘водка’, Дэрке ‘богиня Тара’.

В калмыцком литературном языке, как и в говорах, эта фонема является «молодой». Ни в СПМЯ, ни в СПКЯ нет специального знака для этой фонемы. Если бы такой звук был в языке калмыков, других монголоязычных народов, думается, Зая-Пандита обязательно его отобразил на письме. С другой стороны, в то время могли ограничиться орфографическим приемом передачи звука. Фонема [ə] в старописьменных языках передавалась через букву а в сочетании с буквой і в последующих слогах. Ср. СПМЯ, СПКЯ sakі = ‘беречь, хранить’, takі ‘дикая лошадь’, zalі ‘пламя, огонь, жар’, калм. лит., гов. сэке =, тэке, зэле.

Вместе с тем передача звука [ə] могла вызывать затруднения, т.к. в языках не было единообразия. Нет единообразия в калмыцких говорах, дербетскому [ə] перед заднеязычным [к] нередко со-

ответствует торгутский [а], и наоборот – в положении перед мягкими согласными [л', н', д', т'].

Икидерб.	дерб.	торг.	цаат.	
тәкем	тәкем	такым	такым	'подколенная ямка'
тәкре=	тәкре=	такры=	такры=	'сводить ноги'
дәкәд	дәкд	дакад	дакад	'потом, снова'
салькын	салькын	сәлкен	сәлкен	'ветер'
альды	альды	әлде	әлде	'где'
маля	маля	мәлә	мәлә	'нагайка, кнут'

Помимо такого [ә], образовавшегося из [а] в положении перед [i], в калмыцких говорах нередко встречается [ә], образованный из [э (е)]. Ср. тәмән (вм. лит. тэмән) 'верблюды', тәке (вм. лит. тэке) 'козел', сәке = вм. лит. сэке = 'открывать'.

Также диалектная система калмыцкого языка знает [ә], образовавшийся в результате влияния последующего долгого [э:] < ай. Ср. икидерб. мәнә:, лит. мана: 'наш', икидерб. дәлә:, лит. дала: 'много, океан', цаат., буз. тәкә:, лит. така: 'курица', цаат., буз. Һәхә:, лит. һаха: 'свинья'.

Калмыцкий литературный язык также знает [ә], образовавшийся из [а] в положении перед долгим [э:] дифтонгического происхождения. Ср. СПМЯ, СПКЯ ага 'чуть-чуть, еле-еле', калм. лит., дерб., цаат., буз. әрә:.

[ө] – переднерядная средняя огубленная краткая фонема – встречается только в первом слоге слова. Ср. гөвә 'пустыня', көдлеш 'работа, труд', көрсен 'кора', өрег 'альчик для коня', гөрә:сен 'сайгак', гөлме 'сеть'. Калмыцкий литературный язык и его говоры сохранили исконный [ө] старописьменных монгольского и калмыцкого языков. Ср. СПМЯ, СПКЯ bölüg 'часть, глава', böke 'силач, борец', дөң 'подмога, поддержка', дөрүге 'стремя', калм. лит., торг., дерб., буз., цаат., бөлег, бөке, дөң, дөрә. Помимо этого калмыцкий язык знает также [ө], образованный от гласного [о] в положении перед [i]. Ср. СПМЯ qorin 'двадцать', qorjil 'ущелье', togin 'лошадь', sogi = 'испытывать, проверять', калм. лит., дерб., торг., цаат. хөрән, көңгел, мөрән, сөрә =.

Также следует отметить [ө], образованный сочетанием звука [е (э)] с узким огубленным [ь] мягкого ряда. Ср. СПМЯ, СПКЯ



kebügün ‘мальчик’, elesün ‘трава’, ebügen ‘старик’, калм. лит., торг., дерб., буз., цаат. көвү:н, өвсен, өвген. Разный характер образований, возникших из сочетания [е] и какого-либо огубленно-го звука согласного или гласного, вызывает межговорные различия, ср.

СПМЯ	лит.	торг.	дерб.	буз.	цаат.	знач.
ебыл	үвел	үвел	өвел	эвел	үвел	‘зима’
еыг	өрег	өрег	өрег	эрег	өрег	‘слива, абрикос, урюк’
еыс=	өмес=	үмес=	өмес=	эмес=	үмес=	‘надевать’.

В старописьменном монгольском академик Б.Я. Владимирцов отмечает гласный – средний между [е] и [ц], видимо, этим объясняется двойное написание некоторых старописьменных слов. Подтверждение этому мы находим в словаре Г.И. Рамstedта, где слова сөмә:хе ~ сэмә:хе ‘осунуться, похудеть’ тәдү ~ тэдү ‘столько’, Элзә:те ~ Өлзә:те – имя, мэткә: ~ мөткә: ‘край, краешек’ даются с чередованием гласных [е] и [ц].

В этой связи заслуживает внимания звук [э] бузавского говора в позиции, где в литературном языке, а также в других говорах калмыцкого языка встречается [ө]. Ср. лит., дерб., торг., цаат., өндген ‘яйцо’, көл ‘нога’, хөөн ‘овца’, буз. эндьен, кэл, хэ:н. На старокалмыцком эти слова писались следующим образом: өндөгүн, көл, хоин. Старокалмыцкий литературный язык при всей его близости к разговорной форме, видимо, носил некоторый наддиалектный характер. Без такого предположения невозможно объяснить вышеотмеченную особенность бузавского говора, которая в законсервированном виде сохранилась до сего времени.

[ү] – переднерядная огубленная, узкая, краткая фонема, она встречается в первом слоге слова, например, үкер ‘корова’, күрзе ‘лопата’, шүден ‘зуб’, нүден ‘глаз’, түрә: ‘голенище’.

Принято считать, что калмыцкий язык и говоры лучше других сохранили палатальные лабиализованные гласные общей тюркомонгольской эпохи (64, 166). Так, современный калмыцкий [ү] соответствует [ь] СПМЯ и СПКЯ. Ср. СПМЯ, СПКЯ sür ‘смелость’, sülde ‘знамя’, ‘türki = ‘смазать’, büle ‘семья’, лит., торг., дерб., буз., цаат. сүр, сүлде, түрке =, бүле.

Помимо такой исконной фонемы [y] калмыцкий язык и говоры знают [y], образованный из заднерядного [u] СПМЯ в позиции перед гласным [i]. Ср. СПМЯ üsün 'волосы', qubilgan 'перерождение', qurim 'свадьба', šilüg 'стихотворение', лит., торг., дерб., буз., цаат. үсен, хувельен, хүрем, шүлег.

Также калмыцкие говоры знают [y], образованный в результате перелома гласного [(i)] под влиянием следующего [ь], ср. СПМЯ šilükei 'слонявый, ящур', šidün 'зуб, nidün 'глаз', ničügen 'голый', лит., торг., дерб., буз., цаат. шүлкэ; шүден, нүден, нүцкен.

Фонема [y] занимает особое место, в системе гласных фонем, где часто наблюдается расхождение говоров:

лит.	торг.	дерб.	буз.	цаат.	
өрүн	өрүн	өрүн	үрүн	өрүн	утро
үвел	үвел	өвел	өвел	үвел	зима
хув~хөв	хув	хөв	хөв	хув	часть, доля
бүдүн	бөдүн	бүдүн	бүдүн	бөдүн	толстый

По степени употребления узкого переднерядного [y] или среднего переднерядного [ø] в позиции перед губно-губным [м] и [в] А.Ш. Кичиков торгутский говор называл -говором, дербетский – ø-говором (121, с. 4).

лит.	дерб.	торг.	
сүме	сөме	сүме	храм
хөме=	хөме=	хүме=	собратъ
гүв=	гөв=	гүв=	опустошать

[э] – переднерядная неогубленная средняя краткая фонема. Встречается только в первом слоге слова: кэрдег 'ступень', эрк<sup>II</sup>: 'палец', кэрмен 'белка', тэрме 'решетка', сэрке 'козел'. Эта фонема соответствует фонеме [э] СПМЯ, СПКЯ.

СПМЯ	СПКЯ	калм. лит.	
erken	erken	эркен	порог.
emegel	eme:l	эмэ:л	седло
пемьг	пемьг	нэмер	убежище
пемнеi	пемнеi	нэмнэ:	попона
serikь	serikь	сэрхе	проснуться

Однако старописьменный монгольский [e] в современном калмыцком языке и его говорах нередко переходит в [ə, ʏ, и]. Ср. СПМЯ esi 'сватья', esigei 'войлок', ebügen 'старик', ebül 'зима', калм. лит., торг. ишкэ:, өвген, үвел, дерб. өвел, буз. өвел, эши ~ иши.

Академик Б.Я. Владимирцов отмечает, что халхаское наречие знает еще [é]. Это более передний открытый нелабиализованный гласный, на слух производящий впечатление звука, среднего между [e] и [и], например, в русских словах петух, пятак, биток... Монгольский письменный знает чередование [e] с [и], например: ei ~ II 'народ, государство', eldeb ~ ildeb 'разный, всякий', которое рассматривается автором как отражение прамонголо-тюркского состояния. Б.Я. Владимирцов пишет, что некоторые монгольские наречия сохранили это [é], восходящее к общемонгольско-тюркскому [\*é], напр., язык монгольских текстов квадратного письма, наречие торгутско-алтайского и некоторые другие (64, с. 148-149).

В другом месте Владимирцов отмечает, что при помощи [e (i)] в монгольской письменности обозначался какой-то гласный, существовавший в старом монгольском языке, средний между [e и ö]: по всей вероятности, это был нелабиализованный [ц], т.е. [ц], произносимый с минимальной губной работой (64, с. 151). Возможно, в современных калмыцких говорах по-разному проявляет себя этот слабоогубленный [ö] в словах типа дерб., икидерб., буз. эндер (<эне өдер) 'сегодня', торг., цаат. өндер или буз. эндьен (лит. өндген), кэл (лит. көл) 'нога'.

[и] – переднерядная неогубленная узкая краткая фонема, она встречается, как и все краткие гласные, только в первом слоге слова, например, ишкэ: 'кошма, войлок', ирмэ:г 'краешек', ичир 'стыд', жирмэ:хэ: 'мальки', живер 'крыло', жирельэ:н 'мираж'.

Краткая фонема [и] в литературном языке, торгутском говоре, цаатанском подговоре встречается только в первом слоге и только в словах переднего ряда, т.е. выступает как гласный звук переднего ряда. Однако в дербетском, бузавском говорах, также может выступать в отдельных случаях в функции нейтрального гласного, ср. дерб., икидерб. инцыха:хы 'ржать', ирва:тырхы 'знобить' буз. Гила:н – имя, лит., торг., цаат. инцехэ:хе, Гилэ:н, ирвэ:терхе (121, с. 10). Здесь дербетский, икидербетский, бузавский говоры повторяют особенности СПМЯ, где фонема [i] наблюдается в словах как

переднего, так и заднего сингармонического ряда, ср. СПМЯ *ira* = 'разрезать, располосовать', *inag* 'друг, дружба', *imna* = 'ставить метку', *ilagasun* 'мошкара', *inṡagala* = 'пыхтеть'. Однако следует отметить, что фонема [i] СПМЯ более тяготеет к словам переднего ряда, т.е. функционально, фонологически чаще выступает как гласный переднего ряда, что более всего наблюдается в словах калмыцкого литературного языка и его говоров. Краткая фонема [i] в СПМЯ встречается не только в первом слоге, но и в непервых слогах, где она сильно подвержена различным изменениям. Ср. СПМЯ *salkin* 'ветер', *nilbusun* 'слюна', *niṡugun* 'позвоночник', *niṡula* = 'сгибать', лит., дерб., буз. салькын, нулимсын, нурьын, нуьлы, торг., цаат. сэлкен, нүлемсен.

### Долгие гласные

Вопрос о долгих гласных в СПМЯ является дискуссионным. Одни ученые, в числе которых Г.И. Рамstedт (1908 г.), Б.Я. Владимирцов (1929 г.), Г.Д. Санжеев (1953 г.), отрицали наличие долгих гласных в общемонгольском праязыке, который лег в основу монгольского письменного языка. Другие ученые, в том числе Л. Лигети (1964), Н.Н. Поппе (1955), У. Djerfer (1964), Sh. Hattori (1961), Sh. Murajama (1970) предполагали существование первичных долгот в древнемонгольском языке. П.Ц. Биткеев, проанализировав материалы квадратной письменности монголов (1269 г.), памятники монгольской речи XIII-XVI вв., созданные среднеазиатскими и арабскими филологами, в частности, сочинение анонимного арабского автора 1245 г., труд Ибн Муханны (начало XIV в.), словарь Мукаддимат аль-Адаб, пишет, что нет сомнений в отношении бытования долгих гласных в монгольском языке XIII и начала XIV вв. В то же время он утверждает, что не все монгольские языки развивались синхронно, соответственно возникновение долгих гласных могло происходить в различных монгольских языках и наречиях в разное время (42, с. 140).

Однако независимо от времени образования долгих гласных, независимо от того, были ли первичные долгие гласные исходным моментом, видимо, был и комплекс 'гласный+согласный+гласный', и дифтонги.

Образование долгих гласных из древних звукокомплексов в результате выпадения интервокальных согласных – один из главных способов образования долготы (Б.Я. Владимирцов, Г.Д. Санжеев, Н.Н. Поппе). Говоры калмыцкого языка, как и литературный язык, знают долгие гласные, качественно не отличающиеся от кратких, но количественно звучащие гораздо дольше. Здесь длительность произношения имеет фонематическое значение, потому что выступает различителем слова, ср. дархы ‘давить’ – да:рхы ‘мерзнуть’, төрхе ‘рождаться’ – тө:рхе ‘блуждать’, көрхе ‘замерзать’ – кө:рхе ‘пениться, хвалиться’.

Современным долгим гласным калмыцкого языка соответствуют сочетания звуков, или, как их обычно называют (232, с. 121), долготные комплексы Г+С+Г (agu, igu, eгь, ајі и др.), ср. СПМЯ пайман ‘восемь’, obuga ‘куча, насыпь’, sibagun ‘птица’, sigürmeg ‘творожный хворост’, калм. лит. нэ:мен, ова: шову:н, шү:рмег. СПКЯ, занимая промежуточное положение, отражает переходный период образования долгих гласных, ср. СПКЯ түлиэн ‘топливо’, зөүн ‘игла’, хөин ‘овца’, ша:нцаг ‘клин’, калм. лит. түлэ:н, зү:н, хө:н, ша:нцыг.

Г.Д. Санжеев в своей работе подробно остановился на фонетическом составе и последовательности звуков в долготных комплексах и развитии их в ОПЯ. При этом в ОПЯ им выделяются ранний и поздний периоды. Ранний – примерно с XVII в. до середины XVIII в, поздний период – с середины XVIII в. Далее он показывает соответствие долготных комплексов СПМЯ и ОПЯ в раннем и позднем периодах (232, с. 94-96). Так, СПМЯ агула ‘гора’ – ойр. оула, уула, калм. уулы, СПМЯ аригун ‘чистый, священный’ – ойр. ариун, калм. эрү:н.

Много споров вызывает способ обозначения долгих гласных в ОПЯ при помощи диакритического знака долготы справа от строки.

Монгольский ученый Г. Жамьян пишет, что, принимая во внимание современное чтение старописьменных слогов – га -, – ге -, – ја -, – је - как – гā, – гē -, – jā - и – jē - (т.е. хагāн ‘царь’, дегēре ‘наверху’, јабугāд ‘уйдя’ и т.д.), можно сделать вывод о том, что разбираемый нами знак «-» в ‘ясном письме’ был не диакритическим обозначением долготы соответствующего гласного, писавшегося влево от вертикальной строки, а самостоятельной буквой, посредством которой передавался долгий [ā] (или по закону гармонии гласных долгий [ē]) после краткой гласной фонемы (98, с. 151).

Г.Д. Санжеев полагает, что этот знак (-) в 'в ясном письме' передавал не долгий – ā – или – ē, а ударный – а – или – е – (98, с. 152).

На наш взгляд, Г. Жамьян прав, когда пишет, что правильное определение знаков 'ясного письма' и его орфографии очень важно для исследования системы вокализма и ее исторического развития не только в ойратских говорах, но и во всех монгольских языках и диалектах (98, с. 152).

Отрицание значения долготы у знака 'удан', как нам кажется, ставит под сомнение существование долгих гласных в ОПЯ вообще.

«Несмотря на свою оригинальность и новизну, – пишет П.Ц. Биткеев, – положение Г. Жамьяна однако не находит полного практического подтверждения» (42, с. 135, 147). Тщательно проанализировав соответствующую монголоведную литературу и данные различных источников, он признает существование долгих гласных [ā, ḡ, ū, ē, ḡ, ū, ī] в ойратском языке, фонематически противопоставленных соответствующим кратким гласным (42, с. 147). Как видим, П.Ц. Биткеев оставляет за знаком (-) 'удан' его традиционное значение (обозначение долготы предыдущего гласного).

Следует также отметить, что говоры калмыцкого языка (бузавский) сохранили произношение хали:хе ~ халэ:хе 'смотреть', отраженное в ОП, вм. лит. хэлэ:хе (по данным информатора Кристины Эледжиевой).

Современный калмыцкий язык и его говоры имеют 9 девять долгих гласных, которые в основном развились, как известно, в результате выпадения интервокального согласного g, γ, i, w, а также удлинения второго гласного долготного комплекса Г+С+Г (231, с. 77; 263, 457-458; 217, с. 24; 252; 44, с. 17; 128).

В развитии долгих гласных и в их функциональной характеристике наблюдается кардинальное различие именно между письменными и бесписьменными монгольскими языками (82, с. 46).

Дифференциальный признак по длительности и краткости является одним из основных в системе гласных калмыцкого литературного языка и его говоров. Долгие гласные в них встречаются в любой позиции слова и являются результатом исчезновения интервокального согласного, реже – следствием удлинения второго гласного комплекса Г+С+Г. Процесс образования долгих гласных в разных монгольских языках на протяжении многих веков (XII-XIII-XIV

вв.) протекал неравномерно (82, с. 46). Так, долгий гласный [а:] калмыцких говоров соответствует в СПМЯ сочетаниям ага, уга, аја, іга, іја, ајі, например, ха:= (<qаgа) 'закрывать', а:дмыг (<аgаdаmаg) 'творожная масса', жола: (<žiluga) 'вожжи', ка: (<kija) 'адъютант, телохранитель', а:ны (<ајаgа) 'чаша', аца:н (асiгan) 'груз, поклажа', ма:лиг (<majilаg) 'чума'.

Долгий гласный [о:] соответствует в СПМЯ долготным комплексам ога, огу, ојі, встречающимся только в первом слоге = то:мсыр (<togamsar) 'ум, расчетливость', хо:сын (<qogusun) 'пустой', хо:рһу (<qojirgu) 'робкий'.

Долгий [у:] соответствует звукосочетаниям агу, угу, ігу, ујі и может встречаться во всех позициях слова, например, ду:н (<dаgun) 'голос, песня', ору: (<orugu) 'прибыль', шу:рһын (<sigurgan) 'буран, метель', у:ли = (<ujila=) 'плакать'.

Долгий гласный [э:] соответствует комплексам ајі, іge, ege, іje, eјі, үge, например, дэ:сен (<dajisun) 'враг, противник', бичэ:чи (<bičigeči) 'писарь, писатель', эрэ:сен (<eregesün) 'резьба, нарез', эрэ:ле= (<erijele=) 'черкать', өндэ:= (<öndeji=) 'приподниматься', чөлэ:н (<čölüge) 'досуг'.

Гласный [ө:] в СПМЯ соответствует сочетаниям öge, ögü, үge, ојі и встречается только в первых слогах, например, ө:де (<ögéde) 'вверх', нө:лүр (<nögülür) 'шерсть-линька', зө:ре (<zügeri) 'богатство', ө:мсен (<ojimasun) 'валяные носки'.

Гласный [ү:] калмыцкого лит. языка и его говоров соответствует комплексам үgü, egü, игү, ігу, үјі, ујі и встречается во всех позициях слова, например, күзү:н (<küzügün) 'шея', эрү:л (<eregül) 'здоровый, трезвый', шү:сен (<sigüsün) 'сок', бэрү:л (<barigul) 'ручка, держалка', бү:ле (<büjile) 'десны', хү:ге= (<qujige=) 'сквозить, сифонить'.

Гласный [э:] соответствует монгольским письменным сочетаниям ege, іge, ebe и встречается только в первых слогах слова, например, дэ:жі (<degeži) 'начатки пицци', тэ:рем (<tegermen) 'мельница', кэ:ле (<kebeli) 'живот, утроба'.

Долгий гласный [и:] восходит к долготным комплексам іgi, іјі, үјі, eјі, öјі, например, чи:рег (<čigirag) 'сильный, крепкий', жими:= (<žimiji=) 'сжать губы', ки:тен (<küjitün) 'холод, дил:= (<dejil=) 'победить', си:ке (<söjike) 'серьги'.

Кроме вышеперечисленных, также могут встречаться комплексы, содержащие интервокальные согласные [m, n, b], например, СПМЯ күтүн 'человек', qoni(n) 'овца', kebeli 'живот, утроба', калм. ку:н, хө:н, кэ:ле. Однако образование долгих гласных от данных комплексов является малопродуктивным.

Все ведущие монголоеды – Г.И. Рамstedт, Б.Я. Владимирцов, Г.Д. Санжеев – образование долгих гласных ставят в зависимость от выпадения интервокального согласного. Такое объяснение на определенном этапе развития монголистики помогало уяснить характер взаимодействия между такими языковыми явлениями, как выпадение интервокального согласного и образование долгого гласного, т.е. на определенном этапе прослеживается причинно-следственная связь – интервокальный согласный выпал и образовался долгий гласный. К сожалению, никто не пытался объяснить и даже не задавался вопросом – почему выпал интервокальный согласный. Как нам кажется, причинно-следственная связь, носит обратный характер, а именно: образование долгих гласных послужило причиной выпадения согласного. Если Б.Я. Владимирцов выпадение интервокальных согласных относит к дочингисовому периоду, то начало образования долгих гласных, видимо, надо отнести к еще более раннему периоду. Одной из основных причин образования долгих гласных в калмыцком языке и его говорах, да и в монгольских языках вообще, вероятно, следует считать нахождение согласного в слабой, интервокальной позиции и препозиции. Редукция интервокального согласного и последующее образование долгого гласного – это не простое механическое выпадение указанного согласного и не простое слияние двух гласных, а сложный и длительный фонетический процесс с наложением различных побочных явлений. Здесь следует упомянуть, например, закон сингармонизма, употребительность или неупотребительность различных звуков в той или иной позиции, характеристику интервокального согласного – смычность, проточность, звонкость, глухость и т.д. Следовательно, не всякое сочетание могло дать долгий гласный.

Однако выпадение интервокальных согласных и стяжение оставшихся гласных в один объясняется, с одной стороны, стремлением языка, особенно, надо полагать, агглютинативных языков, к сокращению звуковой оболочки слова, к экономии энергии на произ-



несение слова, слога, звука. С другой стороны, выпадение интервокального согласного является следствием его ослабления, которое в калмыцком языке и его говорах, да и вообще в монгольских языках, приняло характер всеобщего закона и послужило причиной образования системы долгих гласных. Монголисты (Б.Я. Владимирцов, Г.Д. Санжеев) всегда отмечают звонкость и проточность интервокальных согласных, что, по-видимому, обусловлено именно интервокальной позицией. Такое же мнение высказывает и Г.А. Баринаова, рассматривая редукцию интервокальных согласных в разговорной речи русского языка. В частности, она приходит к выводу, что ослаблению и выпадению в указанной позиции подвержены, главным образом, слабые согласные (звонкие, сонорные), смычка которых артикулируется с меньшим напряжением мышц активного органа, чем при произнесении более сильных глухих согласных. Звонким и сонорным легче утратить смычку, а, следовательно, и взрыв. А смычка и взрыв составляют весь взрывной согласный.

Фрикативные же согласные выпадают потому, что не имеют полной смычки. При убыстренном и небрежном произнесении некоторое расширение щели при артикуляции звонких фрикативных приближает их звучание к звучанию гласных, а несколько большее расширение может привести к полной утрате характерного для фрикативных звучания и к слиянию этих согласных с соседними гласными.

С наибольшей легкостью исчезают звуки, соединяющие в себе качества как сонорных, так и фрикативных. 'Если рассматривать выпадение интервокальных согласных с информационной точки зрения, — пишет далее Г.А. Баринаова, — то заметим, что выпадают, в основном, согласные, близкие к гласным... Это объясняется следующим. Выпадение одного элемента из цепи элементов, мало контрастирующих друг с другом, приводит к меньшей потере информации, чем выпадение из цепи элемента сильно контрастирующего с окружающими. Именно поэтому в интервокальном положении легче исчезают согласные, более близкие к гласным по звучанию и артикуляции' (26, с. 120).

Исследование Г.А. Баринаовой проливает свет и на причины редукции и выпадения интервокального согласного и последующее

образование долгих гласных в калмыцком языке и его говорах, а также в других монгольских языках.

Также следует отметить, что в слогах 'типа СГ все движения гласного, не противоречащие артикуляции согласного, начинаются с самого начала слога' (222, с. 125). Отсюда следует, что все артикуляционные движения второго гласного комплекса Г+С+Г, не мешающие артикуляции интервокального согласного, начинаются (начинались) с самого начала артикуляции указанного согласного. Таким образом, проточный интервокальный согласный проявляется в вокализованных оттенках, более того, будучи щелевым, он нисколько не препятствовал одновременной артикуляции следующего гласного, который, кроме этого, произносился еще в свое время, получая таким образом долготу звучания.

Из сказанного вытекает, что процесс образования долгих гласных из комплекса Г+С+Г начинался с редукции интервокального согласного и одновременного или более раннего удлинения второго гласного комплекса. Подтверждение сказанному мы находим в литературных данных о монгольском письменном языке. Так, например, еще А. Бобровников утверждал, что при чтении книг монголы произносят эти слоги (Г+С+Г – *Н.У.*) так, как они пишутся, с той только особенностью, что второй слог произносят долго, как показано русскими буквами (44, с. 17), а именно: агӯ, угӯ, огō.

Г.И. Рамстедт также указывает на традиционный способ чтения у монголов (книжный жаргон): 'daraky' читается дагāхү – х.-ург. Dāxā 'быть в состоянии нести; начальствовать', 'унаг'а' читается унагā – х.-ург. унā 'верховая лошадь' (217, с. 34).

В исторической хронике монголов 1240 года 'Сокровенном сказании' также можно найти примеры, свидетельствующие о начале образования долгих гласных в том языке, на котором написан этот памятник, ср. degüü 'младший' (128, с. 353).

Как уже отмечалось выше, о современном чтении старописьменных – га -, – ге -, – жа -, – је -, как – гā -, – гē -, – jā -, – jē – также пишет Г. Жамъян: – хагāн 'царь', дегēре 'наверху', јабугāд 'уйдя' (98, с. 151).

Б.Я. Владимирцов также признает удлинение вторых гласных. Однако он рассматривает его как следствие второстепенного ударения, падавшего на второй гласный (64, с. 216). Здесь следует от-

метить, что некоторые монголисты (Н.Н. Поппе) не без оснований утверждают, что в монгольском языке во всех его наречиях ударение на количество гласного не влияет (201, с. 69). Японский алтаист Сиро Хаттори также отмечает, что в научной литературе о наличии фонологически значимого противопоставления ударения в монгольских языках до сих пор не сообщалось. С другой стороны, по мнению ученого, все диалекты и языки знают фонологическое противопоставление кратких и долгих гласных (263, с. 157-158). В свою очередь, он предполагает, что причиной такого двойственного развития сочетаний этих звуков (Г+С+Г – Н.У.) является фонематическое различие долготы гласных, которые следовали непосредственно за (-\*q -), и то, что долгие гласные во вторых и последующих слогах произносились сильнее и отчетливее, чем краткие гласные в той же самой позиции, и они вызвали ослабление (-\*q -), который стоит прямо перед ними (263, с. 157-158).

Сиро Хаттори прав, когда утверждает, что долгота образовалась там, где за согласным в сочетаниях Г+С+Г наблюдается удлинение гласного. Только Хаттори это удлинение принимает за первичную, изначальную долгую гласную в прото-монгольском языке. На наш взгляд, как мы выше освещали, само удлинение вторых гласных в сочетаниях Г+С+Г и есть отражение начавшегося образования долгих гласных в монгольских языках. При этом образование долгих гласных первоначально наметилось при наличии интервокального согласного, входящего в сочетание Г+С+Г.

Интервокальный проточный согласный абсорбировался и в дальнейшем он вовсе утрачивал все свои артикуляционные особенности и бесследно исчезал. Далее образование долгих гласных шло так, как это освещается в традиционной монголистике.

Г.Д. Санжеев отмечает, что долгие гласные в подавляющем большинстве случаев являются результатом исчезновения интервокального проточного согласного, чаще [r, ɣ, j] и реже [w], а также следствием удлинения нормального гласного преимущественно в положении после [r, ɣ], особенно в составе разного рода суффиксов и окончаний (231, с. 77).

Как видим, Г.Д. Санжеев также признает удлинение вторых гласных, только он считает это удлинение одним из способов образования долгих гласных из комплекса Г+С+Г. Однако в своей более по-

здней работе 'Старописьменный монгольский язык' он отмечает, что в этом языке долгие гласные иногда обозначаются дублированным написанием одних и тех же гласных букв: уул (<\* угол < угул) 'коренной', дэгүү 'младший', билегүү 'точильный камень'.

Однако он считает, что вторые буквы писались для того, чтобы гү читался именно таким образом, а не в виде кү, т.е. чтобы вместо дегү или билегү соответственно не получилось декү или билекү (231-а, с. 34). В данном случае тем более не следует принимать во внимание орфографически не выдержанные написания типа даБуу вместо даБу 'песнь', появляющиеся по аналогии с написаниями типа дегүү 'младший' (231-а, с. 34).

Едва ли можно согласиться с тем, что удвоение гласных после г (дегүү) есть орфографический прием, применявшийся в старописьменном монгольском языке для отличия г от к. Скорее всего, здесь наблюдается проникновение элементов разговорной речи в письменный язык через все препоны орфографии. Удлинение гласного после [г], а не после [к], еще раз подтверждает, что оно происходит не всегда.

Удлинение гласных после [г] объясняется тем, что этот согласный, как сонант, не препятствует одновременной артикуляции как [г], так и следующего гласного, который вдобавок к тому, что он произносился вместе с [г], еще продолжает произноситься в свое время. Глухой же смычный [к] этого не позволяет. Он не может вокализоваться под влиянием следующего гласного, ибо основные его признаки — глухость, смычность (взрывность) и преобладание шума.

Что касается нарушения норм орфографии в старописьменном монгольском языке в словах типа дагуу вместо дагу, то следует сказать, что именно 'орфографически невыдержанные написания' проливают свет на состояние разговорного языка того времени, в данном случае — на состояние развития долгих гласных.

В дальнейшем, с развитием языка, вокализация интервокального согласного прогрессировала и соответственно стали слабеть, а затем вовсе перестали сближаться артикулирующие органы произношения щелевого звонкого согласного. От интервокального согласного ничего не осталось, сохранилась только наибольшая пауза между первым и вторым гласными бывшего сочетания Г+С+Г, ко-

тору называют 'хиатусом', 'зиянием' на месте выпавшего согласного. Со временем этот хиатус исчез, дав возможность двум гласным слиться воедино и образовать долгий гласный.

Качество образовавшегося долгого гласного в основном зависит от качества гласных, входивших в комплекс Г+С+Г. Старокалмыцкая письменность представляет наглядные примеры качественных взаимовлияний звуков, стягивающихся в один долгий звук. Таковыми являются старокалмыцкие письменные диграфы еу, оу, которые мы находим вместо ожидаемых еү, аү, образованных из бывших сочетаний егү, агү. Например, СПМЯ degü 'младший' – СПКЯ дөү вместо деү; СПМЯ čilagan 'камень' – СПКЯ чилоун вм. чилаун; СПМЯ dagun 'песня, пение' – СПКЯ доун вм. даун.

Если комплекс в качестве одного из компонентов содержит губные гласные [о, у, ө, ү] (ogu, oga, oji и т.д.), то эти гласные почти всегда сохраняют свое качество огубленности и в долгом гласном, встречаются в калмыцком языке и его говорах только в первых слогах, если образовавшиеся долгие гласные – [о:] или [ө:].

Гласные [о, ө], которые чаще всего выступают в комплексе в качестве первого компонента, всегда влияют на образовавшийся долгий гласный как по огубленности, так и по широте, например, СПМЯ ogučin 'углы рта, защечные мешки', ögede 'вверху, вверх', калм. о:чи, ө:де. Гласный [о] комплекса в зависимости от комбинаторных условий (если интервокальным согласным является [j], а вторым гласным – [i]) может образовать долгий переднерядный гласный [ө:].

Долгие гласные [о:, ө:] встречаются в говорах калмыцкого языка только в первых слогах.

Гласный [у] комплекса также сохраняет свои качественные характеристики во вновь образовавшемся долгом гласном в первом слоге слова: СПМЯ agula 'гора', sigur = 'рваться', калм. у:лы, шу:р =. В сочетании с гласным [а] этот гласный может образовать долгий [о:], ср. СПМЯ dagun 'песня' – калм. ду:н, доңь. В непервых слогах гласный [у] в сочетании с [а] уже не оказывает на него лабиализующего влияния, ср. СПМЯ dolugan 'семь', irugar 'дно', калм. дола:н, йора:л, хотя в СПКЯ эти гласные образовали долгий гласный [о:], который являлся результатом качественного взаимовлияния [у] и [а]. Так, приведенные слова писались тогда доло:н, йоро:л.

Эти формы СПКЯ скорее являли собой качественно неустановившиеся еще долгие гласные, которые окончательно оформились лишь в современном состоянии калмыцкого языка и его говоров как долгие [a:]. Эти долгие [o:] в СПКЯ, видимо, нельзя объяснять губной гармонией, ибо слово йоро:л первоначально содержало в первом слоге не [o], а [i], который в результате перелома, под влиянием промежуточного в процессе образования долгого гласного [o:] изменился в [o].

Гласный [y] сочетания Г+С+Г передавал свои основные качественные признаки долгому гласному также и в том случае, если первым гласным выступал [i] (igu), ср. СПМЯ akigun 'сухой, грубый' > калм. аку:н, а также в сочетании uji, ср. СПМЯ ujigan > калм. у:льа 'завихрения на воде'. Однако в последнем случае под влиянием переднерядного [i] слова могут произноситься в мягкорядном варианте, а иногда и в том, и в другом, ср. СПМЯ ujigur 'уйгур' > торг. у:ьыр ~ ү:ьер. Оба эти варианта являются внутриворными, варианты же ү:тхен ~ у:тьхын 'узкий, тесный' < СПМЯ ujigan носят межговорный характер, мягкорядный относится к торгутскому говору, а твердорядный вариант – к дербетскому.

Гласный [a] в сочетаниях aga, aja, iga, aji, uga в большинстве случаев сохранил свои основные признаки, только сочетание uga в непервых слогах в СПКЯ образовало долгий [o:], который также можно рассматривать как промежуточное явление качественно еще не установившегося долгого гласного, который в современном калмыцком языке и его говорах окончательно установился как долгий [a:], ср. СПМЯ žiluga > СПКЯ žоло: > калм. лит., торг., дерб. жола: 'вожки'.

Сочетания aji, ija могут иметь как твердо-, так и мягкорядное развитие, т.е. давать долгий [a:] и долгий [ə:], ср. СПМЯ tajilag 'верблюды трех лет', dajisun 'враг, противник', tarija 'посев', kijal= 'крушить', калм. лит., дерб., торг. та:лиг, дэ:сен, тэрэ:н, кал:=. Продуктивность этих вариантов в калмыцком языке и его говорах одинаковая.

Долгий гласный [y:] образуется в основном из комплексов ügü, egü, igü, üji, uji, igu. В сочетаниях ügü, igü, üji гласный [ü] сохраняет свои основные качественные признаки и в долгом гласном, ср. СПМЯ ügür 'товарищ, друг', üjiremeg 'мелкий', sigü = 'цедить', калм. лит., дерб., торг. ү:р, ү:рмег, шү:=.

Комплексы *igu, uji*, хотя и содержат в качестве одного из компонентов гласный заднего ряда [u], однако под палатализирующим влиянием [i] образуют долгий гласный *y:*.

Сочетание *egü* также образует долгий [*y:*], однако в СПКЯ образует промежуточную форму *öü*, свидетельствующую о качественном взаимовлиянии этих звуков в процессе образования долгого [*y:*]. Долгий гласный [э:] современного калмыцкого языка и его говоров соответствует СПКЯ долгому [э:], который восходит к сочетаниям *ige, eji, ege, ije, üge* СПМЯ непервых слогов слова, ср. СПМЯ *emegel* ‘седло’, *emije*= ‘стесняться’, *erbeji*= ‘поправляться’, СПКЯ *эмэ:л, эмэ:= эрбэ:=*, калм. лит. торг., дерб. *эмэ:л, эмэ:=, эрвэ:=*.

С развитием языка гласный [э:] непервых слогов в калмыцком языке и его говорах изменился в [э:], напр., *эрвэ:кэ*: ‘бабочка’, *тэмэ:н*: ‘верблюд’, *түрэ*: ‘голенище’.

Помимо этого калмыцкий язык и его говоры знают долгий [э:], возникший из сочетаний *aji, ija*, ср. СПМЯ *barijan* ‘арест’, *ǰilmaji*= ‘быть блестящим’, калм. лит., дерб., торг. *бэрэ:н, жилмэ:=*.

Долгий [э:] в непервых слогах образуется также из комплекса *üge*, что в других монгольских языках дает долгие [ө: э:], которые в калмыцком языке и его говорах соответствуют гласному [э:], ср. СПМЯ *örgüge* ‘дворец’, монг. *өргө:*, бур. *үргө:*, калм. лит., дерб., торг. *өргэ:*, СПМЯ *örügesün* ‘один из пары’, монг. *өрө:сөн*, бур. *үрө:ьен*, калм. лит., дерб., торг. *өрэ:сен*; СПМЯ *üdügeri* ‘ременные крепления’, монг. *үдэ:р*, бур. *үдө:ри*, калм. лит., торг., дерб. *үдэ:ре*.

Долгий [и:] образуется из сочетаний *igi, iji, üji, eji, öji*, в которых краткий [i], сочетаясь со всеми гласными переднего ряда, составляет второй компонент комплекса Г+С+Г и сохраняет свои качественные признаки. Комплексы *igi, iji, üji* дают долгий [и:] во всех позициях слова. Комплексы же *eji, öji* — только в первом слоге слова.

Долгий [э:] в калмыцком языке и его говорах встречается только в первых слогах и образуется из комплексов *ege, ebe, ige*, два последних являются непродуктивными.

Из сказанного выше об образовании долгих гласных явствует, что основную роль играют вторые гласные. На качество долгих гласных влияет, в первую очередь, огубленность одного из гласных комплекса, особенно если это гласные [о, ө]. По мере отдаления от начала слова влияние огубленности на образовавшийся долгий глас-

ный уменьшается. Так, долгие [o:, ə:] в калмыцком языке и его говорах встречаются только в первом слоге. Долгие [y:, y:], хотя и встречаются в непервых слогах, но частота употребительности их по сравнению с первым слогом несколько меньше, они нередко переходят в [a:, ə:, и:].

Из двух огубленных гласных доминирующее влияние на качество вновь образовавшегося долгого гласного оказывает тот гласный комплекса, который является более открытым, а такими среди губных являются [o, ə]. Однако здесь речь идет о первоначальных губных [o, ə] комплекса, а не о промежуточных сочетаниях огубленных, появившихся в процессе образования долгих гласных типа *egülen* > *өүлен* > *үүлен* 'облако'.

Степень открытости играет важную роль также при сочетании неогубленных гласных. Однако иногда качество образовавшегося из сочетания долгого гласного соответствует качеству менее открытого гласного. Такие исключения чаще всего бывают, если менее открытый гласный является ведущим, т.е. вторым.

### Метатеза

Кроме описанного выше способа образования долгих гласных из комплекса Г+С+Г, т.е. образования в результате редукции и исчезновения интервокального согласного, в калмыцком языке и его говорах наблюдаются случаи образования долгих гласных в результате метатезы данного согласного с одним из гласных (чаще первым) комплекса. Вследствие этого оказывались рядом два гласных, которые затем сливались в один долгий гласный. Интервокальный согласный, уйдя со слабой для него (интервокальной) позиции, сохранял основные свои качества. Образование долгих гласных в данном случае происходило при сохранившемся интервокальном согласном. Одним из наглядных примеров образования долгих гласных подобным образом является торг. *гуа* ~ *гаа*, дерб. *гоа* ~ *гоо* 'нет', которое встречается наряду с полной формой *уга* (< *угей*). Б.Х. Тодаева это же отмечает в монгольском языке – *те джургуне мудем гуа̄ мошегуне че муцем гуа̄*, 'он не умеет ни писать, ни читать' (247, с. 306). Также см. СПМЯ *ibegel* 'гармоничное соотношение годов рождения жениха и невесты', калм. лит., торг., дерб.



ивә:л; СПМЯ ile= 'посылать', amugulan 'мир, спокойствие', калм. лит., дерб., торг. илгә:=, калм. лит., дерб., торг. аму:лың ~ амьу:лың; русск. угореть, торг. го:ри:длехе; русск. очередь, калм. лит., торг., дерб. чэ:рүд; русск. огурцы, дерб. һу:рцыг, ср. СПМЯ qosigad 'по два', халх. хошго:д ~ хошо:д, СПМЯ nižiged, халх. нижгэ:д ~ нижэ:д 'по одному'.

Мысль об образовании долгих гласных в результате метатезы впервые высказана Г.Д. Санжеевым в его 'Грамматике калмыцкого языка', где он пишет, что слово soni 'ночь' в результате перехода гласного второго слога в первый слог приобрело вид soin, слово \*xоni 'овца' в том же порядке приобрело вид \*xоin. А так как в калмыцком языке дифтонг oi первого слога во всех случаях превратился в долгий õ, то и soin, и xоin превратились в сõ и хõп (229, с. 12-13).

Это явление находит подтверждение и в более поздних исследованиях лингвистов. Так, японский ученый Сиро Хаттори также признает роль метатезы в образовании долгих гласных. Однако и он, к сожалению, не придал этому должного значения, упомянув об этом лишь мимоходом (263, с. 461).

Следует отметить также еще один способ образования долгих гласных из комплекса Г+С+Г. Этот способ довольно близок к только что описанному и называется количественной метатезой. В лингвистической литературе долготы гласных, образовавшаяся в результате количественной метатезы, чаще всего называется то заместительной, то компенсирующей. Мы же, исходя из таких особенностей гласных калмыцкого языка и его говоров (да и вообще монгольских языков), как, во-первых, беглость (это относится к редуцированным гласным), во-вторых, сверхдолготы или полудолготы (о долгих гласных), полагаем, что в данном случае более соответствует название «количественная метатеза».

Образование долгих гласных способом количественной метатезы есть удлинение гласного (чаще первого слога) вследствие перехода количества произносительной энергии из одного слога в другой (чаще из непервого слога в первый) в результате начавшейся редукции гласных, следствием чего и является позиционная неустойчивость редуцированных гласных и способность их переходить из одного слога в другой. Ср. СПМЯ büрге 'блоха' калм. лит., торг., дерб., бү:рег; СПМЯ гоји = 'течь', калм. лит. дерб., торг.

ю:жи=; СПМЯ – еѣ – окончание исходного падежа, СПКЯ – э:це, калм. лит., торг., дерб. – а:сы, – э:се; СПМЯ manar ‘мы’, дерб. ма:ныр, СПМЯ tanar ‘вы’, дерб. та:ныр, СПМЯ taragai ‘редкий, жидкий (о волосах)’, калм. лит., торг., дерб. тарха:, цаат. та:рха; СПМЯ šagšabad ‘нравственность, обет духовных лиц’, калм. лит., дерб., торг. шагша:выд; СПМЯ mene ‘вот столько’, калм. лит., дерб., торг. ми:н.

Мысль об образовании долгих гласных в результате перехода количества или количественной метатезы была впервые высказана Г.И. Рамstedтом. Он писал, что ij письменного языка (как основное, так и возникшее из ig, ig) в середине слова сократилось в i или i, а следующий за ним гласный удлинился. Переход количества Г.И. Рамstedт с полным основанием считает ‘распространенным’ и ‘по-видимому, давним’. К сожалению, эту плодотворную мысль и Рамstedт, и другие исследователи высказали вскользь, не придавая ей должного значения.

Однако в тюркологии подобные явления чаще привлекали внимание ученых, но рассматривались под несколько иным углом зрения. Так, А.М. Щербак пишет, что односложным словам с долгими гласными тюркских языков соответствуют двусложные слова с обычными гласными в монгольских языках, ср. тюрк. көк ‘небо’, монг. письм. хūхе < kükā; тюрк. āб ‘охота’, монг. письм. аба (274, с. 35-36). Долготу этих гласных в тюркских языках К.Г. Менгес объясняет не как исконную, а как следствие количественной компенсации конечного гласного (152, с. 19). Мартин Рясянен скорее склонен считать, что тюркские языки отражают здесь исконное положение и что, например, монгольские языки утратили долготу (226, с. 62).

Однако ни в древнетюркских, ни в древнемонгольских языках в словах подобного типа, по всей вероятности, не было исконных долгих гласных. Долготу этих гласных можно объяснить только количественной метатезой, переходом количества гласного из одного слога в другой. Количественная метатеза есть результат начавшегося одновременно в языках двух противоположных (а возможно и двуединого) процессов – процесса образования долгого гласного и процесса редукции гласных. В том и в другом случае гласные теряют позиционную устойчивость и бывают готовы перейти в другой слог.

В подкрепление высказанной мысли можно привести беглый характер редуцированных гласных и неустойчивость длительности долгих гласных, которые могут выступать в полудолгих или, наоборот, в сверхдолгих оттенках. Если из двух долгих гласных в слове один произносится сверхдолго, то другой выступает в полудолгих оттенках. Ср. торг. харада 'ласточка', дерб. харада; дерб. хэльмег 'калмык', торг. хэлмег, торг., дерб. хэлемиг:н 'калмыка'.

Поэтому вряд ли случайно тюркологи связывают образование долгих гласных с редукцией гласных и называют долготу то 'заместительной', то 'компенсирующей'. Однако эти термины, по нашему мнению, не совсем точно отражают суть процесса и предполагают механическое удлинение гласных, при котором не учитываются ни позиционная неустойчивость неясных гласных, ни нестабильность длительности долгих гласных.

Таким образом, в примерах, приведенных тюркологами, конечные гласные, минуя согласные, стянулись с сильными, позиционно устойчивыми гласными первого слога и образовали с ними долгие гласные, которые видны в тюркских примерах (кṓк, āб). Там, где этого стяжения нет, нет и долгого гласного, но сохранены редуцированные гласные (монг. көке, аба). Следует отметить, что в данных тюркских примерах произошло полное стяжение. При неполном стяжении наряду с образовавшейся долготой может быть сохранен остаточный редуцированный гласный, например, СПМЯ bürge, «блоха», калм. лит., дерб., торг. бү:рег. При этом редуцированный гласный с абсолютного конца перешел в середину слова.

Таким образом, «заместительная» или «компенсирующая» долгота – это долгота, образовавшаяся от стяжения двух дистантных гласных – гласного полного образования плюс ослабленный гласный с сохранением бывшего интервокального согласного. В подобных случаях редуцированный гласный не просто выпал, а перешел в другой слог и образовал долготу. В словах, где есть что-то наподобие тюркской заместительной долготы, выпадения редуцированного гласного нет, а есть долгий гласный с ослабленной позицией.

Отсюда можно предположить, что закономерность возникновения долгих гласных под влиянием количественной метатезы свойственна не только монгольским, но и тюркским языкам.

Из всего сказанного можно констатировать, что процесс образования долгих гласных, возникнув под влиянием отмеченных яв-

лений, вызвал в одних случаях выпадение интервокального согласного, а в других – перемену позиции этого согласного с одним из соседних гласных, между которыми он находился. При этом выпадение и метатеза интервокального согласного оказывали прямое влияние на дальнейший процесс развития долгих гласных. Следовательно, образование долгих гласных в результате выпадения интервокальных согласных не есть единственный и обязательный путь: возможности его образования, как мы попытались показать выше, гораздо шире.

## Сверхдолгие гласные

Степень длительности долгих гласных в говорах калмыцкого языка, как уже говорилось, бывает различной и зависит от позиции их в слове, от количества слогов в слове, от стиля, от темпа речи, от открытости слога, от качества согласных (смычность, щелинность), с которыми могут сочетаться долгие гласные.

Количественная характеристика гласных звуков калмыцкого языка и его говоров, как и качество звуков, имеет фонематическое значение и позволяет отличать гласные большей длительности от соответствующих им кратких гласных. Это положение не относится к полудолгим и сверхдолгим вариантам долгих гласных, между которыми в торгутском говоре отсутствует противопоставление по краткости и длительности, здесь имеет место разная степень длительности, которая зависит от фонетических условий. При этом слова, различающиеся степенью длительности полудолгих и сверхдолгих гласных, как правило, не ограничиваются указанными особенностями.

Различная степень длительности долгих гласных торгутского говора носит оттенокый характер, но независимо от того, полудолгий это гласный или сверхдолгий, представителями торгутского говора воспринимается как долгий. Поэтому полудолгий оттенок носит межговорный характер: лит., дерб. үр «товарищ», торг. үр ~ ү:р; лит. дерб. хөн «овца», торг. хөн ~ хө:н. Однако достаточно просклонять эти слова по падежам, чтобы изменилось количество слогов, как полудолгие гласные приобретают долготу и межговорные различия исчезают: лит., дерб., торг. ү:ри:н, ү:ртә:, хө:нә:, хө:нде, лит. дерб. мә 'сельдь', зо 'хребет', лит., дерб., торг. мә:де, зо:ды.

Различное произношение полудолгих и сверхдолгих гласных представителями разных говоров влияет на ритмо-мелодическую характеристику говоров. Торгутский говор выступает как более протяжный, более мелодичный. В двусложных словах с кратким (нормальным) гласным в первом слоге исторические долгие гласные вторых слогов во всех говорах и в литературном языке воспринимаются как нормальные краткие гласные: така 'курица', ноха 'собака', хаха 'свинья', представители торгутского говора и цаганского подговора более склонны произносить така, ноха, хаха. При удлинении этих слов при помощи аффиксов, содержащих редуцированный гласный, эти (полудолгие) вторые гласные приобретают долготу и силу: ноха:ды, ноха:гы, така:ды, така:гы, хаха:ды, хаха:гы.

В многосложных словах, имеющих два и более долгих гласных в непервых слогах, один гласный произносится дольше, другие приобретают оттенок полудолгих: эрвэ:кэ ~ эрвэ:кэ 'бабочка', ула:да ~ улада: 'красноперка', шөрэ:кэ ~ шөрэ:кэ 'окунь', бота:ха ~ ботаха: 'судак', Кер:эжэ ~ Керэжэ: имя, Гора:жа ~ Гоража: – имя.

Долгие гласные первых слогов двух-, трех-четырёхсложных слов получают сверхдолготу, если в непервых слогах содержится долгий или редуцированный гласный. Например: дерб., торг. ду: 'младший' – ду:ьэ:н – ду:де; хө:н 'овца' – хө:нэ: – хө:нде. Второй долгий гласный в этих примерах несколько короче. Если после второго долгого гласного имеется редуцированный гласный, то он получает дополнительное удлинение.

Сильными позициями для образования сверхдолготы является не только соседство долгих гласных с долгими и краткими гласными, но и их нахождение перед редуцированными гласными. Например, бү:рег 'блоха', ду:рег 'полный', кү:рег 'хрупкий', ша:зья 'сорока', яма:н 'коза' – яма:нды 'козе'.

Если в многосложных словах за каждым долгим гласным следует редуцированный, то в слове будет столько сверхдолгих гласных, сколько было долгих. Например, ду – ду:нер – ду:нерэ:сен 'от младших', кү:кед – кү:кедэ:се 'от дочерей'.

Сверхдолгота чаще всего образуется за счет долгих и редуцированных гласных. Краткие гласные первого слога, как позиционно устойчивые, не удлиняются, не образуют сверхдолготу, например: дола:н 'семь', ула:н 'красный'.

Долгий гласный первого слога калмыцкого языка и его говоров в многосложных словах всегда выступает в сверхдолгом варианте, например, ту:ли 'сказка', то:сын 'быль', ху:чар 'старым', 'ху:ча:рын 'по-старому'.

Сверхдолгие и полудолгие гласные, как нам представляется, будучи следствием количественного и позиционного ослабления, сами страдают позиционной и количественной неустойчивостью. Возможность орфоэпических вариантов хара:да ~ харада:, сана:та ~ саната:, така:та ~ таката: говорит о подвижном, нестабильном характере сверх- и полудолготы.

В данных орфоэпических вариантах сверхдолгота предпоследнего слога отлична от сверхдолготы последнего. Если она ничем не примечательна и не отличается от обычной сверхдолготы, то сверхдолгий гласный последнего слога несколько короче и произносится с несколько большей силой и энергичностью. Поэтому такой конечный гласный, видимо, является не просто сверхдолгим, но и ударным. Соответственно с этим вышеприведенные слова можно передать как харада, саната, таката.

Долгий гласный первого открытого слога произносится сверхдолго, если за ним следует слог с долгим или редуцированным гласным. Например, ту:ла 'заяц', бэ:лэ: 'варежка', ху:рэ: 'сухой', су:һа: 'все еще сидит'.

Сверхдолгие гласные встречаются во всех слогах слова, кроме последнего, включая словоизменительные, словообразовательные аффиксы и стыки морфем, и никакой фонематической роли, отличной от долгих, не играют. Соблюдение сверхдолготы позволяет следить за правильностью произношения калмыцких слов. Ср. керэ:д 'мерзнуть', керэ:де 'пила', ширэ:д 'стегай', ширэ:де 'в столе'.

Эти примеры показывают, что немалую фонематическую нагрузку несут на себе не столько сверхдолгие, сколько редуцированные гласные, которые являются одним из необходимых условий существования сверхдолгих гласных: кө 'сажа' – көд 'сажи' (мн. ч.) – кө:де 'саже' (дат. пад.).

Сверхдолгие гласные – это варианты долгих гласных в конечных слогах, и их образование ничем не отличается от образования долгих гласных. Только сверхдолгие гласные, кроме всего прочего, подпитываются за счет произносительной энергии соседних

(чаще последующих) долгих или редуцированных гласных. Другими словами, это те же долгие гласные плюс переход количества из других слогов, как это имеет место при образовании долгих гласных способом количественной метатезы.

### Полудолгие гласные

В качественном отношении полудолгие гласные не отличаются от соответствующих кратких и долгих гласных, в количественном же отношении занимают промежуточное положение между названными гласными, о чем свидетельствует сам термин 'полудолгие'. Например, кө 'сажа', бө 'знахарь', мә 'сельдь', үр 'товарищ, друг', күн 'человек', хөн 'овца'.

Для дербетского говора более характерно развитие долгих и полудолгих гласных до уровня кратких – хөн 'овца', бу 'ружье', зо 'хребет'. Торгутский же говор, наоборот, сохраняет исторические долготы, отсюда он звучит более мелодично. Эта особенность может выступить как один из дифференциальных признаков говоров калмыцкого языка.

Полудолгие гласные по своей природе являются вариантами долгих гласных, которые соответствуют в СПМЯ сочетаниям Г+С+Г и дифтонгам. Для наглядности приведём некоторые примеры: СПМЯ күтүн 'человек', СПКЯ кү:н, торг. кү:н ~ күн, лит., дерб. күн; СПМЯ қонін 'овца', СПКЯ хө:н, торг. хө:н ~ хөн, лит., дерб. хөн; СПМЯ май 'сельдь', СПКЯ май, торг. мә:~мә:, лит., дерб. мә; СПМЯ үгүр 'товарищ', СПКЯ ү:р, торг. ү:р~үр, лит., дерб. үр.

В современном калмыцком языке полудолгие гласные отличаются некоторым непостоянством, в зависимости от этнической или региональной принадлежности говорящих, они выступают то в долгом, то полудолгом, то кратком вариантах. Чтобы определить количество гласного достаточно слово изменить так, чтобы слово приняло аффикс, содержащий гласный. При этом полудолгий гласный приобретает свою былую долготу. Если же слово содержит краткий гласный, то, сколько бы слово не изменяли, длительность краткого гласного не изменяется. Поскольку полудолгие гласные в основном наблюдаются в односложных словах, то причину их сокращения, видимо, придется объяснять отсутствием в калмыцком языке противопоставления долгих гласных кратким, т.е. длитель-

ность гласных односложных слов не имеет фонематического значения. Мы не найдем в калмыцком языке двух одинаковых односложных слов, которые бы отличались краткостью или длительностью своих гласных.

Как уже говорилось, полудолгие гласные являются вариантами долгих гласных, фонематической роли, отличной от долгих, не играют.

### Редуцированные гласные

В говорах калмыцкого языка, как и литературном языке, имеются редуцированные гласные, которые представляют собой звуки неполного образования и произносятся не совсем ясно, поэтому нередко называются неясными. Они встречаются в непервых слогах слова, например: хэ:сен 'котел, казан', шорьылжин 'муравей', көгелжирьен 'голубь'.

Редуцированные гласные в СПМЯ соответствуют кратким гласным полного образования, например: СПМЯ kögsin 'старый', торг., дерб. көкшин, СПМЯ semežin 'сальник', дерб., торг. сэмжин, СПМЯ orundug 'кровать', дерб., торг. орындыг.

Появление редуцированных гласных, видимо, следует отнести к XIII-XIV вв., как это отмечают в Б.Я. Владимирцов (64, с. 12-313) и Г.Д. Санжеев (231, с. 73-74). Редукция гласных и образование долгих гласных хронологически, вероятно, относятся к одному периоду, когда произошел количественный сдвиг гласных в сторону сокращения длительности или, наоборот, удлинения, хотя причины, вызвавшие их, совершенно разные. О причинах образования долгих гласных уже говорилось, о причинах же редукции разные ученые говорят по-разному. Ц.-Д. Номинханов (170, с.13-14), Б. Я. Владимирцов объясняет причину редукции отсутствием ударения в тех слогах, где это происходит. Л.В. Щерба (273, с.76), Д.А. Павлов (188, с.52), П.Ц. Биткеев (39, с. 74) называют в качестве причины ненапряженность артикулирующего аппарата. Однако остается неясной причина ослабления артикулирующего органа в момент произношения редуцированных гласных. Довольно подробно рассмотрены эти гласные в нашей предыдущей работе (252, с.78-95). Причину редукции мы видим в сингармонизме, по законам которого система гласных подразделяется на несочетаемые между собой группы:



1. гласные твердого ряда – [а, о, у (а, о, u)].
2. гласные мягкого ряда – [ө, ү, э (ö, ü, e)]
3. гласные нейтрального ряда – [и (i)].

Если учесть, что не все гласные каждого ряда употребляются в непервых слогах, где происходит редукция, то без того ограниченное число гласных, употребляемых в каждом ряду, будет еще меньше:

1. в мягкорядных словах: [ü, e]
2. в твердорядных словах: [а, u].

Минимальное число гласных в каждом ряду, встречающихся в непервых слогах, не требовало от говорящего, от носителей языка четкого и ясного их произношения. Было понятно, что если слово твердого ряда, то в непервых слогах обязательно должен быть или [а], или [u (y)], а в мягкорядных словах – [ü (ү)] или [e]. В результате нечеткого, небрежного произношения произошла качественная и количественная редукция. Отсюда в твердорядных словах произносится [ы], в мягкорядных словах – [e].

Нейтральнорядный, узкий, напряженный гласный [и], употреблявшийся как в словах твердого, так и мягкого рядов, в позиции после мягких согласных [л', н', д', т'], аффрикат [ж, ч], шипящего [ш] и йота [й] более или менее сохраняет свои качественно-количественные параметры.

Г.Д. Санжеев пишет, что гласные первого слога всегда находятся в релевантном положении, тогда как гласные в непервых слогах при известных условиях часто могут оказаться полностью нейтрализованными, т.е. лишенными фонематического значения, например, алуc~алас 'далекий', улус~улас 'страна'. Чередование в монгольском языке гласных [y~a] или [a~y] в непервых слогах не влияет на значение приведенных слов, тогда как изменения этих же гласных в первых слогах дают разные по значению слова (231 а, с. 29).

Так, можно объяснить причины редукции гласных непервых слогов ограниченным количеством гласных, отсутствием необходимости четко и ясно произносить гласные звуки. Помимо микро-, лингвистических факторов, действующих на редукцию гласных, возможны и макролингвистические. Так, Ю. Лыткин пишет, что живость, необыкновенная сжатость, удивительная беглость и кипучесть живого говора ойратов вполне выражали их жизнь, кипучесть

чую, деятельную (141). А. Бобровников также отмечает, что беглое произношение, а в разговоре выбрасывание гласных, бывает в коротких средних слогах (44, с. 36).

Что касается фонематического значения редуцированных гласных, то, видимо, следует отметить, что в основном произошла качественная редукция в последних слогах слова, например: үкер 'корова', тосын 'масло', элкен 'печень', тэрген 'телега'.

В многосложных словах нередко происходила и качественная, и количественная редукции. В подобных случаях неизбежны выпадение гласного, перераспределение слогов, т.е. изменение границ слогов, например: хулусун 'камыш' — хулсын, хурисха 'мерлушка' — хурсхы, садурхай 'носовые ходы' — садырха, сажиха 'трясти' — сажхы, семежин 'сальник' — семжин.

При редукции гласных более всего поражается их качественная сторона, основные артикуляционные признаки, характеризующие каждый гласный в отдельности, приобретаются общие для гласных заднего ряда и общие для гласных переднего ряда признаки. Так, гласные твердого ряда переходят в средний неогубленный [ы]. Здесь остается верным определение А. Бобровниковым качества редуцированных гласных как [ы] (44, с. 34), ср. тахы 'подкова', бахны 'столб' тосын 'масло', арнымжи 'аркан', хорьылжин 'свинец', орындыг 'кровать', зурмын 'суслик'.

Гласные мягкого ряда, редуцируясь, сходятся в средний неогубленный слабый [е]. Напр.: эке 'мать', тэрген 'телега', бү:рег 'блоха', ти:рең 'тырло', 'загон', мөргелдхе 'бодаться', төгрег 'круглый', кү:рег 'прелый, хрупкий'.

Нейтральный гласный [и(i)] в позиции после аффрикат [ж, ч], мягких согласных [л', н', д', т'], шипящего [ш] и [й] (йота) более всего сохраняет свои качественные и количественные признаки, например: СПМЯ gejiçi 'гость', торг., дерб., лит. ги:чи, СПМЯ giñsi= 'скулить', дерб., торг., лит. гиңши=: СПМЯ solir 'косой', торг., дерб., лит. солир. СПМЯ sonin 'новость', дерб. лит. сонин, торг. сөнен. В позиции после других согласных краткий [и] ведет себя в соответствии с гармонией слова. Как известно, подвергаются редукции краткие гласные непервых слогов. Говоры калмыцкого языка, в основном, не изменяют этому правилу, за исключением бузавского говора и икидербетского подговора, в которых иногда наблюдается

удлинение исторически кратких гласных: СПМЯ qamtagasun 'листва', дерб., торг., хамтыхсын, буз., икидерб. хамтыха: сын, дерб., торг., лит. гү:легхе, буз., икидерб. ги:лгә:хе 'заставить бежать', торг., дерб., лит. ьарыьхы 'выпускать', буз., икидерб. ьарья:хы. Такое удлинение кратких гласных в бузавском говоре и икидербетовском подговоре дербетского говора можно объяснить стремлением языка избежать скопления согласных.

Редуцированные гласные, как заместители полных гласных, в какой-то степени способствуют сохранению произносительной нормы слов, сохраняют фонематичность, т.е. смысло-словоразличительную функцию, например, СПМЯ йкүг 'корова', торг., дерб. үкер; СПМЯ күгене 'хорь', дерб., торг. күрне; СПМЯ күг='достать, добраться', торг., дерб. күрен 'как только добрался'. Фонематичность редуцированных гласных видна из современной калмыцкой орфографии, согласно которой редуцированные гласные лишены права обозначаться на письме. Необозначение указанных гласных вызывает скопление согласных, размывает границы слогов, затрудняет чтение, вследствие чего вырабатывается негативное отношение к языку, отсюда невладение родным языком. Необозначение на письме редуцированных гласных вызывает, в свою очередь, неправильное произношение слов, что порождает различные насмешки, а в результате – нежелание изучать язык. На всех конференциях, связанных с проблемами калмыцкого языка, поднимался вопрос о необходимости обозначения на письме редуцированных и долгих гласных, однако вопрос до сих пор не решен.

### Сингармонизм

Система гласных калмыцкого языка и его говоров, как во всех монгольских языках, разделяется на две несовместимые между собой внутри одного слова группы:

1. гласные заднего (твердого, мужского) ряда: а, о, у, ы,
2. гласные переднего (мягкого, женского) ряда: э, ө, ү, и, э.

Например, харада 'ласточка', эрвәкә 'бабочка', ботаха 'судак', шөрәкә 'окунь'.

Все словоизменительные, словообразовательные аффиксы соответственно этим группам гласных имеют твердорядные и мягко-

рядные варианты, ср. харадала 'с ласточкой', харадаһасы 'от ласточки'; эрвэкэлэ 'с бабочкой', эрвэкәһәсе 'от бабочки'.

Закономерность употребления в одном слове гласных одного (твердого или мягкого) ряда называется сингармонизмом. Сингармонизм подразделяется на губной и небный, или палатальный. Губной сингармонизм, или закон губного притяжения — эта закономерность употребления в непервых слогах огубленных гласных вслед за губным гласным первого слога. А гласный первого слога в монгольских языках, как известно, определяет систему гласных всего слова.

СПМЯ так же, как калмыцкие говоры, не знал губного притяжения, хотя академик Владимирцов допускает в отдельных случаях появление [о] и [ö] во втором слоге под лабиализующим влиянием [о] и [ö] первого слога (64, с. 316).

В СПКЯ наблюдались отдельные элементы губного притяжения, например, доло:н 'семь', олон 'много', болор 'хрусталь', төмөр 'железо'. Однако Г.Д. Санжеев объясняет это неясностью произношения указанных гласных, вынужденностью писать по первому слогу (231-а, с. 35). С этим можно было бы согласиться, если бы не данные мелких калмыцких подговоров, а именно уральского, оренбургского и исыккульского, в которых средние огубленные [о] и [ө] сохранились в непервых слогах, но не далее второго слога. Ср. лит., дерб., торг., буз. йора:л 'дно', урал. йорол; лит., торг., дерб., буз. нөкә:дер 'послезавтра', урал. нөкөдер; лит. торг., дерб., буз. хойу:рын 'оба, вдвоем', урал. хойорын (187, с. 49); дерб. сохылнә: 'ослепляет', торг. сохылна:, оренб. сохолна:, дерб. жолым 'молу-юрта', торг. жолмы, оренб. жолмо; дерб. эндэр 'сегодня', торг. өндөр, оренб. өндөр (120, с. 108-109).

Как видно из этих примеров, действие губного притяжения не распространяется далее второго слога, т.е. оно не распространяется на третий слог, на словообразовательные, словоизменительные аффиксы. В калмыцком литературном языке и его говорах отсутствуют аффиксы, содержащие средние огубленные гласные [о, ө]. Проявления огубленности в старописьменных памятниках, в говорах калмыцкого языка, видимо, явления одного порядка, а именно отражение какого-то периода истории развития сингармонизма в калмыцком языке.

В современном калмыцком языке и его говорах наблюдается небный, или палатальный сингармонизм, базирующийся на противопоставлении гласных заднего и переднего рядов, не осложненный губным притяжением, например, бүркэ:сен ‘крышка’, хада:сын ‘гвоздь’, гөрэ:сен ‘сайгак’, торья: ‘жаворонок’. При этом исключение составляет так называемый нейтральный гласный [и], который может находиться как в словах твердого, так и мягкого рядов. Ср. илэ:сен ‘мошкара’, Бадми:н ‘Бадмы’, килэ:сен ‘забота’.

Нейтральный гласный [и] почти так же древен, как и закон гармонии гласных, благодаря которому создалась стройная система гласных монгольского письменного языка, с правильным делением на два ряда. Здесь два гласных звука, близких друг другу и относящихся к двум разным рядам, слились воедино. Этот единый гласный, употребляясь в разных рядах, стал выполнять функцию и того, и другого гласного.

В первом слоге нейтральные гласные [и, и:], подчиняясь закону первого слога, выступают в калмыцких говорах соответственно своей природе как гласные переднего ряда – чирэ: ‘лицо’, билцег ‘кольцо’, ки:лег ‘рубашка’ и очень редко – как нейтральные гласные, что носит межговорный характер. Ср. торг. инцехэ:хе ‘ржать’, дерб. инцыха:хы; дерб., торг. Гилэ:н – имя, буз. Гила:н.

В непервых слогах эти гласные [и, и:] соответственно передают нейтральный долгий гласный и нейтральный редуцированный гласный, ср. Санжи имя – Санжи:н, эгчи ‘сестра’ – ‘эгчи:н’, модчи ‘плотник’ – модчи:н.

Долгий нейтральный [и:] не только просто встречается в словах обоих сингармонических рядов, он нередко служит перекидным мостиком, элементом примирения в одном слове гласных разных рядов, ср. Бадмы-имя-Бадми:н ‘Бадмы’ – Бадми:нэсе, Доржи имя – Доржиды – Доржи:Ге – Доржи:нде – Доржи:нэ:се.

Сингармонизм более или менее классической формы сохраняется в торгутском говоре и калмыцком литературном языке, где нейтральный гласный [и, и:] первого слога воспринимается как гласный переднего ряда. В бузавском и дербетском говорах за гласным [и, и:] первого слога могут следовать гласные твердого ряда – Гила:н, инцыха:хы. Помимо этого в дербетском говоре появился новый долгий нейтральный гласный [э:] дифтонгоидного происхож-

дения, ср. СПМЯ *manai* 'наш', *mogoi* 'змея', *takai* 'курица', дерб. *манэ:*, *моэ:*, *такэ:*.

Сингармонизм в монгольских языках Т. А. Бертагаев считает 'весьма древним', но не изначальным, а появившимся на какой-то определенной стадии развития (37, с. 137). СПМЯ знает только его палатальную форму. Современный калмыцкий язык, пройдя стадию СПКЯ и период образования уральского, оренбургского подговоров и языка каракольских калмыков, когда наблюдались элементы губного притяжения, также знает сингармонизм палатальной формы.

Однако следует отметить, что круг действия сингармонизма даже внутри одного калмыцкого языка и его говоров значительно расширился. Вначале он охватывал только краткие гласные, затем распространился на долгие. Укажем на сложный процесс образования долгих гласных и процесс редукции, истинной причиной которого и послужил сингармонизм, раздробивший систему гласных на мелкие несовместимые группы.

Изменился нейтральный гласный. Он теперь не только краткий, появился нейтральный долгий, нейтральный редуцированный гласный. Нейтральный долгий гласный также выполняет функцию соединительного гласного разных рядов внутри одного слова (Бадма – Бадми:н – Бадмин:нэ:се).

Нейтральные гласные нередко ошибочно называются гласными нейтрального ряда. Рядность обычно показывает место образования гласного, нейтральные гласные по месту образования являются переднерядными, однако по своей способности сочетаются с гласными заднего ряда и называются нейтральными. Даже заднерядный гласный [ы] русского языка воспринимается калмыками как гласный переднего ряда. Так, слова *лыж*, *акын* принимают переднерядные словоизменительные аффиксы: *лыж* – *лыжэ:р* (185, с. 94), *акын* – *акынэ:се*.

В калмыцком языке и его говорах гласные [и, и:] первого слога, можно сказать, не являются нейтральными, за исключением нескольких случаев. В некоторых слогах они полностью проявляют себя как нейтральные, независимо от долготы и редукции. Помимо этих нейтральных гласных, как отмечалось выше, дербетский говор знает нейтральный долгий гласный [э:] дифтонгического про-

исхождения, ср. лит., торг. ьаха: ‘свинья’, дерб. ьахэ:, лит., торг. ноха: ‘собака’, дерб. нохэ:, лит., торг. ьарна: ‘выходит’, дерб. ьарнэ: . Здесь нейтральный [э:] не успел повлиять на систему гласных всего слова и перевести его в мягкий ряд, как это наблюдается в икидербетском подговоре, ср. торг. мана: ‘наш’, дерб. манэ:, икидерб. мэнэ:, торг. дала: ‘много’, ‘океан’, дерб. далэ:, икидерб. дэлэ:.

Такой переход слова из твердого ряда в мягкий под влиянием дифтонгического [э:] также спорадически наблюдается и в бузавском говоре, и в цаатанском подговоре торгутского говора, ср. лит., торг. ьаха: ‘свинья’, така: ‘курица’, дерб. ьахэ:, такэ:, буз., цаат. ьэхэ:, тэкэ:.

Также в калмыцких говорах встречаются формы типа оржэ:нэ: ‘заходит’, су:жэ:нэ: ‘садится’, йовжэ:нэ: ‘уходит’. Здесь, видимо, нельзя говорить о нейтральном [э:], а скорее всего, это синтетическая форма сложных слов, не успевших ассимилироваться в один сингармонический ряд. Данное явление довольно распространено по всему языку и не носит диалектный характер.

В то же время следует отметить, что последняя форма словосложения в цаатанском подговоре нашла интересное решение. Здесь при сложении соединительного деепричастия (су:жи) и вспомогательного глагола (бэ:нэ:) образовалось слово су:жэ:нэ: ‘садится’ с нарушением сингармонизма, ср. в цаатанском подговоре – су:ж-и:нэ:, йовжи:нэ:, суржи:нэ: с заменой первого [э:] на нейтральный долгий [и:], ‘примиряющий’ две разные системы гласных в одном слове.

В литературном же языке соответствующие гласные подчиняются гармонии первого слова, напр., су:жа:на:, зогсча:на:, ьарча:на:.

## 2. Консонантная система

Система согласных калмыцких говоров в основном состоит из следующих фонем: [б, в, г, ь, д, ж, з, й, к, л, м, н, ң, п, р, с, т, х, ц, ч, ш].

По месту образования, или участию активных органов речи, система согласных состоит из губных, язычных, язычковых согласных. К губным относятся согласные [б, в, м, п]. Язычные согласные подразделяются на переднеязычные [д, з, л, н, р, с, т, ц, ш] среднеязычные [ж, й, ч], заднеязычные [г, к, х, ң]. К язычковым, или вулярным, согласным относится [ь].

## Губные согласные

Калмыцкие согласные [б] и [п] являются смычно-взрывными, эксплозивными двугубными согласными: [б] – звонкий, ненапряженный звук, [п] – глухой, напряженный. Звонкий [б] чаще встречается в начальной позиции – барыг ‘волкодав’, Болха (имя), бэрнэ ‘детская распашонка’, бөрег ‘нац. блюдо’, балта ‘пряник, печенье’.

Глухой [п] встречается в начале изобразительных, оноματοпоэтических слов: шалд-пилд ‘звуки шлепания’, пуф ‘фу!’ (выражение ощущения неприятного запаха).

В средней позиции слова звонкий [б] встречается в сочетании согласных мб, бб (вб): кэмби? ‘кто это?’, йумби? ‘что это?’, Бобба (имя), абба (обращение) ‘дядя, дядюшка’.

Употребление в середине слова звонкого [б] вне указанных сочетаний и глухого [п] носит межговорный характер, ср. урал., оренб., буз. аб ‘возьми’, абдыр ‘сундук’, кэпте= ‘лежать’, лит., торг., дерб. ав, авдыр, кэвте=. Лит., торг., дерб. ирвев ‘я пришел’, кэлвев ‘я сказал’, ду:лывыв ‘я пел’ в цаатанском подговоре торгутского говора передаются как иремб – ирембе, кэлемб –кэлембе, ду:лымб – ду:лымбы.

В уральском, оренбургском подговорах торгутского говора, в бузавском говоре в середине слова наблюдается употребление [п] перед глухими согласными, ср. лит., дерб., торг. хурывчи ‘наперсток’, авчикад ‘взяв’, кэвте = ‘лежать’, урал., оренб., буз. хорыпчи, апчика:д, кэпте.

В калмыцком литературном языке, дербетском, торгутском говорах звонкий [б] в конечной позиции переходит в согласный [в], ср. яв-яв гих ‘болтать’, хав-хав гих ‘клатать зубами’ (от холода).

Однако в уральском, оренбургском подговорах торгутского говора и бузавском говоре в конечной позиции согласный [б] сохраняет свои основные качества: шаб-шаб, шоб-шоб, чиб-чиб ‘кап-кап’.

Исторически согласные [б] и [п] соответствуют таковым СПМЯ и СПКЯ, ср.

СПМЯ	СПКЯ	дерб.	торг.	буз.	значение
bajinai	bajinai	бэ:нэ	бэ:нэ	бэ:нэ	имеется
kebeli	ke:le	кэ:ле	кэ:ле	кэ:ле	живот, утроба
kebesün	kebesün	кэвсен	кэвсен	кэвсен	жвачка
nilbusun	nilbusun	нулимсын	нүлемсен	нулимсын	слиона



Также в калмыцких говорах встречается глухой [п], выступающий вместо глухого напряженного [ф] заимствованных слов: пэ:дер 'Федор' (имя), коппы 'кофе', патър 'фатера, квартира', куппайкы 'фуфайка'.

[В] – билабиальный, звонкий, ненапряженный, щелевой согласный. В зависимости от возраста говорящего и от степени владения им русским языком, может наблюдаться губно-зубной вариант согласного [в], который более свойственен молодому поколению. Согласный [в] более всего встречается в середине и в конце слов, ср. авдыр 'сундук', өвдег 'колени', көвердег 'корпус, тело', килве 'наживка', дав~давы 'перевал', хав~хавы 'тюлень', сав~савы 'посуда', кев 'форма', кув 'маслобойка'.

В начальной позиции в калмыцких говорах согласный [в] не встречается, в заимствованных словах заменяется согласным [б], ср. бал 'вал', бар 'вар', бельвет 'вельвет'.

Исторически согласный [в] восходит к [b] СПМЯ и СПКЯ: qubi 'часть, доля, счастье', babagar 'лохматый', ebül 'зима' – дерб., буз. хөве, бавьыр, өвел, торг. хүве, бавьыр, үвел.

Перед глухими согласный [в] оглушается и звучит как глухой напряженный [ф], ср. дафтыхы 'повторять', дафсын 'соль', хафсын 'ребро'.

[М] – сонорный смычно-проходной, двугубный, носовой согласный встречается во всех позициях слова, напр., мэрген 'меткий', марья:н 'соревнование', мөрен 'лошадь', эмнег 'неук', тэмне 'цыганская игла', хүрме 'пир, свадьба', тэ:рем 'мельница', илдем 'лишай', эм 'лекарство'.

Согласный [м] соответствует [m] СПМЯ и СПКЯ

СПМЯ	СПКЯ	калм.	
möndür	möndür	мөндөр	'град'
temegen	teme:n	тэмэ:н	'верблюду'
emegeł	eme:l	эмэ:л	'седло'

Говоры калмыцкого языка знают [м], соответствующий в СПМЯ губно-губному [b]:

СПМЯ	СПКЯ	дерб.	торг.	буз.	
niłbusun	niłbusun	нулимсын	нүлемсен	нулимсын	'слеза'
nabčın	nabčın	намчин	намчин	намчин	'листва'
bečın	bečın	мөчин	мөчин	мөчин	'обезьяна'

## Язычные согласные

Переднеязычный [д] – смычно-взрывной (эксплозивный) звонкий согласный, как [д] русского языка, образуется смычкой кончика языка с верхними зубами. Согласный [д] в говорах калмыцкого языка встречается во всех позициях слова, напр., долда: ‘колобок, круглый’, өндер ‘высокий’, күкед ‘дети’, и соответствует [d] СПМЯ и СПКЯ, напр., СПМЯ *dulagan* ‘тепло’, *ebüdüg* ‘колени’, *irüged* ‘приидя’, СПКЯ *dula:n*, *öbüdüg*, *ire:d*, калм. дула:н, өвдег, ирэд.

Чередование д//с в дербетском и торгутском говорах носит межговорный характер (напр., дерб. дольхы ‘менять, обменивать’, торг. сөлхе), и в то же время в торгутском говоре существует выражение ‘эмен долиг кэхе’, т.е. совершить обряд откупа, выкупа, обмена души (жизни).

К чередованию д//с, видимо, также относится употребление аффикса мн. числа – с в торгутском говоре и аффикса -д в дербетском, ср. торг. кү:кес ‘девочки’, дерб. кү:кед. Звонкий [д] в положении перед глухим [т] теряет звонкость, ср. удын ‘ива’ – утта; будын ‘туман’ – бутта.

Согласный [т] – смычно-взрывной, глухой, напряженный, переднеязычный согласный образуется смыканием кончика языка с верхними зубами. Согласный [т] в калмыцком языке и его говорах встречается в начале и середине слова, напр., тарыг ‘варенец’, уты ‘длинный’, баты ‘крепкий’, шаты ‘сруб’. В калмыцких говорах согласный [т] сохранил основные свойства [t] СПМЯ и СПКЯ, в которых этот согласный встречался в тех же позициях, ср. СПМЯ *toга* ‘число’, *altan* ‘золото’, *akta* ‘мерин’, СПКЯ *to:*, *altan*, *akta*, калм. то:, алтын, акты.

Глухой согласный [т] межговорных различий не вызывает, исключение составляет такое слово, как дерб. дошхы ‘скользить; кататься’, торг. тошхы скользить; кататься’, в то же время торгутский говор знает слово доша:нды ‘лодка плоскодонка’ (скользящая по поверхности воды).

Согласный [з] – звонкий, ненапряженный, щелевой, переднеязычный согласный – встречается в начале и середине слова, напр., зараха ‘ежонок’, бзег ‘малярия’, зарин завсыр ‘рекламная пауза’.

Согласный [з] калмыцких говоров соответствует [ʒ] СПМЯ и

[z] СПКЯ перед всеми гласными, кроме [и], напр., СПМЯ gažar ‘земля’, žaḡim ‘некоторые’, üžekü ‘видеть, СПКЯ gazar, zaḡim, üzekü, калм. Һазыр, зәрем, үзхе.

[ž] СПМЯ в положении перед гласным [i] в калмыцком языке и его говорах развился в [ж], ср. СПМЯ žida ‘копье’, gežige ‘коса, затылок’, калм. җиде, гижиг. Однако не все [ž] СПМЯ в позиции перед [i] дали в калмыцком языке [ж], ср. СПМЯ žirgugan ‘шесть’, žirüken ‘сердце’, žiqa ‘воротник’, калм. зурһан, зүркен, захы.

Сохранение [з], видимо, можно объяснить ранним переломом гласного [i], еще до определения пути развития [ž], в словах же СПМЯ žilbudug ‘каракульча’, žaqaḡ ‘якорь’ žiluga ‘вожжи’, калм. жульвдыг, жажыр, жола: произошел поздний перелом гласного [i]. Сюда же, видимо, относится цаатанская форма жаһсын ‘рыба’.

Не поддаются объяснению дербетские слова зи ‘сбруя, украшение’, зивег ‘паз’, зивгелхе ‘делать паз’, зи:гке ‘пищать, визжать’, зиндемен ‘драгоценность, исполняющая желания’. Сохранение сочетания зи в первом слоге является дифференциальным признаком дербетского говора. Здесь, видимо, долго сохранялся твердорядный [i], поэтому не произошел переход ž > ж, не было перелома гласного [i].

Таким образом, сочетание **зи** является показателем дербетского говора, в торгутском говоре ему соответствует сочетание **жи**.

Согласный [с] – глухой, напряженный, щелевой, переднеязычный, зубной согласный встречается во всех позициях слова, напр., саңна ‘челка’, һосын ‘сапог’, ми:с ‘кошка’, кэвес ‘ковер’, тэңгес ‘море’.

Эта фонема соответствует [s] СПМЯ и СПКЯ, напр., sonur ‘чуткий’, küsel ‘цель, стремление’, žimes ‘ягода’, sedkil ‘мысль, душа’, калм. соһыр, күсел, жимсен, сэдкел. Согласный [s] СПМЯ в сочетании с гласным [i] в калмыцких говорах развился в щелевой переднеязычный [ш], ср. СПМЯ kesig ‘счастье’, esigei ‘войлок’, esi ‘черенок’, isige ‘козленок’, буз. дерб. торг. кишиг, ишкә:, иши, ишик.

Согласный [с] нередко выступает как аффикс мн. числа в торгутском говоре, особенно в его цаатанском подговоре, напр., кү:кес ‘дети, девочки’, көвү:с ‘мальчики’.

Даже аффикс мн. числа -муд, -мүд в цаатанском подговоре имеет форму -мус, -мүс, ср. үкермүс~үкермес ‘коровы’, кү:кесмес ‘дети,

девочки'. Как видно, в последнем примере наблюдается двойное мн. число, двойной аффикс мн. числа. Аффиксы мн. числа -с, -мус (-мыс), -мүс (-мес) являются диалектными особенностями торгутского говора, особенно его цаатанского подговора.

Согласный [л] – сонорный, смычно-проходной, боковой, переднеязычный согласный. Встречается во всех позициях слова, напр., Лаг (имя), лошкы 'колючка' мэклэ: 'лягушка', алыг 'пегий', тошил 'паслен', барул 'растратчик'.

Согласный [л] современного калмыцкого языка и его говоров соответствует [l] СПМЯ, напр., СПМЯ ebül 'зима', köl 'нога', alqum 'шаг', буз., дерб., торг. үвел, көл, алхым.

В мягкорядных словах, словах твердого ряда в сочетании с историческим гласным [i], также с мягкими согласными [ж, ч, ш] согласный [л] может быть мягким, напр., Лижи – имя, көгелжирье ен 'голубь', да:л'иц 'сума переметная', шорьыл'жин 'муравей'. Однако мягкий [л'] в калмыцких говорах не является самостоятельной смыслоразличительной фонемой. Возможно, поэтому бузавский говор допускает иногда неразличение мягкого лг.

В торгутском говоре наблюдается устойчивое чередование [л] с сонорным смычно-проходным переднеязычным носовым [н], напр., Наг – Нагга (<Лаг) – имя, Наган (<Лагань) – название города, навшиг (<лавшиг) 'ряса', кэрендхе (<кэрелдхе) 'ругать'.

Согласный [н-], сонорный смычно-проходной, переднеязычный носовой согласный, встречается во всех позициях слова, напр., нарын 'солнце', зандын 'сандал', үнен 'истина', нэрен 'имя', начин 'сокол', тан 'перламутр'.

Согласный [н] соответствует [n] СПМЯ и СПКЯ, напр., СПМЯ паран 'солнце', парин 'тонкий', nigur 'лицо', ünesün 'зола', СПКЯ паран, парин, пү:г, ünesün, буз., дерб., торг., нарын, нэрен, нү:р, үнсен, цаат. ниңүр 'двуличный'.

В калмыцком языке и его говорах конечный [н] в положении перед словообразовательными аффиксами бывает неустойчив и нередко выпадает, напр., яма:н 'коза' – яма:на:р; тэрген 'телега' – тэргэ:р – тэрги:ге – тэрегтэ: ; ьосын 'сапог' – ьоси:ге – ьоса:р – ьоста.

В позиции перед губно-губными [б] и [м] согласный [н] переходит в [м], напр., мөрен 'лошадь' – мөремб? 'лошадь ли?' кэн? 'кто?'

+ би – кэмби? ‘кто там?’, кто это?; ахин ‘брата’+ минь – ахимминь ‘брата моего’.

Эти изменения согласного [н] не носят дифференциального межговорного характера, они свойственны всему калмыцкому языку.

Согласный [р] – переднеязычный дрожащий (вариант), альвеолярный, сонорный согласный – встречается в средней и конечной позициях слова, напр., кэрег ‘дело’, түрген ‘овод’, хавдыр ‘опухоль’, кэвтер ‘лежбище, логово’, кэнчир ‘тряпка’.

Согласный [р] соответствует [г] СПМЯ и СПКЯ, напр., žarim ‘некоторый’, šerig ‘войско’, šigai ‘лицо’, üšügdür ‘вчера’ – буз., дерб., торг., зэрем, цэрег, чирэ, өцкелдүр.

В калмыцком языке и его говорах согласный [р] в начальной позиции слова не встречается, в словах же иноязычного происхождения в начальной позиции произносится такой же гласный, какой следует за начальным [р], напр., аракет ‘ракета’, ородин ‘родина’, Эрэсэ ‘Россия’, эрмонт ‘ремонт’, эрволюц ‘революция’, арадив ‘радио’.

В средней позиции слова согласный [р] отличается некоторой неустойчивостью, особенно если их в слове несколько. Неустойчивость [р] проявляется в том, что он или переходит в согласный [л] или выпадает вовсе. Например, СПМЯ orkiga= ‘реветь, кричать’, barkiga= ‘кричать’, kurkire= ‘рычать’, orki= ‘положить’, urtu ‘длинный’, калм. оркылхы - өркелхе, бөркелхе, күркелхе, окыхы, уты.

Согласный [ц] – глухой напряженный переднеязычный смычно-щелевой согласный (аффриката) – встречается в начальной и средней позициях слова, напр., цаа:н ‘белый’, цокхы ‘бить, ударять’, цэцгэ ‘цветок, цветочек’, эцег ‘отец’, билцег ‘перстень, кольцо’.

Согласный [ц] соответствует [č] СПМЯ и СПКЯ, например, СПМЯ čag ‘время’, ničügün ‘обнаженный’, čögen ‘немногочисленный’, šerig ‘войско’, üšügdür ‘вчера’, СПКЯ čag, ničügün, čögen, šerig, üšügdür, буз., дерб., торг. цаг, нүцкен, цө:кен, цэрег, өцкелдүр.

Согласный [ц] присутствует во всех калмыцких говорах, за исключением цаатанского подговора, в котором вместо него употребляется среднеязычный смычно-щелевой [ч], напр., чаа:н ‘белый’ (вм. лит. цаа:н), чэвер ‘чистый’ (вм. лит. цэвер), чэчикэ ‘цветочек’ (вм. цэцгэ), чуа:р ‘все’ (вм. цуа:р). Калмыцкий [ц], цаатанский [ч] соответствуют [č] СПМЯ, языка ‘Сокровенного сказа-

ния' – ѓалма 'аркан', ѓалдан 'неаккуратный', ѓнѓүг 'угол'. Среди калмыцких родов и племен цаатаны – единственные, кто сохранил особенности языка СПМЯ и 'Сокровенного сказания монголов'.

Согласный [ш] – щелевой переднеязычный согласный. Встречается во всех позициях слова – тоьыш 'крендель, баранка', буьыш 'кувшин', малиш 'седелка', шонтыл алыг 'удод', шѓлен 'бульон', ташмыг 'кнут', хошлың 'полсть, тесьма (спец.)'.

Этот согласный соответствует [š] СПМЯ и СПКЯ, напр., šibagun 'птица', šanaga 'половник', šatu 'сруб'.

Также калмыцкие говоры знают [ш], образовавшийся из [s] СПМЯ в позиции перед гласным [i], ср. sidegesün 'шов', silbi 'щиколотка', sigsirge 'ковырялка', silegebüri 'кочерга', буз., дерб., торг. шидә:сен, шилве, шигширье, шилә:вер.

### Среднеязычные согласные

Согласный [ж] – палатальный среднеязычный, звонкий, ненапряженный смычно щелевой согласный (аффриката) – встречается в начальной и средней позициях слова, напр., жола: 'вожжи', жакыр 'якорь', жульжуха: 'птенчик', жирьел 'жизнь, блаженство', жульвдыг 'каракульча'.

Согласный [ж] калмыцких говоров соответствует в СПМЯ ž в положении перед гласным [i], напр., СПМЯ žiluga 'вожжи', көнžиле 'одеяло', žižig 'маленький', žimes 'ягода', буз., дерб., торг. жола, көнжил, жижиг, жимсен.

СПМЯ ž в позиции перед гласным [i] в результате перелома или выпадения этого гласного нередко оказывается перед другими гласными, но и в этих случаях в основном сохраняет свое главное качество – палатальность, ср. СПМЯ žiguga 'иноходь', žiluga 'вожжи', žilubdug 'каракульча', буз., дерб., торг. жора, жола, жульвдыг.

Однако имеется немало случаев перехода [ž] в [з (z)] в результате регрессивной ассимиляции гласного [i], ср. СПМЯ žiga= 'показывать', žigasun 'рыба', kežije 'когда', žirüken 'сердце', žirgugan 'шесть', буз., дерб., торг. за', заьсын, кзээ', зүркен, зурьан.

Здесь интересно отметить, что в цаатанском подговоре СПМЯ žigasun 'рыба' встречается в формах заьсын, жаьсын, яьсын.

В дербетском говоре даже в сильной позиции перед гласным

[и] наблюдается сохранение [з], напр., зи: 'сбруя', зивег 'паз', зивгелхе 'делать паз', зи:гехе 'визжать, пищать', зиндемен 'драгоценность, исполняющая желаний'. Сохранение сочетания зи является дифференциальным признаком дербетского говора.

Представляют также интерес общекалмыцкие производные формы слова эзен 'хозяин' – эзенго 'бесхозный', эжго 'пустынный, безлюдный'.

Согласный [ч] – среднеязычный палатальный, заальвеолярный глухой смычно-щелевой согласный (аффриката) – встречается в начальной и средней позициях слова, напр., чичирхэ 'брызжейка', чонка 'волчонок', ичмэн 'ячмень', чичирьене 'облепиха', чирчи:хе 'быть в обтяжку', үкерчи 'пастух'.

Согласная фонема [ч] соответствует [č] СПМЯ в препозиции гласного [i], напр., СПМЯ bičig 'письмо', čikin 'ухо', čidür 'тренога, кандалы', čilagun 'камень', калм. бичиг, чикен, чөдер, чолу:н.

В калмыцком языке и его говорах наблюдается переход среднеязычного палатального [ч] в переднеязычный твердый [ц] под влиянием перелома или выпадения следующего гласного [i], напр., СПМЯ čigul= 'собирать', čidqumal 'слиток', čisun 'кровь', čidqagur 'литье', калм. цуглы=, цутхымыл, цусын, цутху:р.

Цаатанский подговор торгутского говора, как уже говорилось выше, сохранил č СПМЯ, языка «Сокровенного сказания монголов», несмотря на перелом следующего за [ч] гласного [i], ср. цаат. чөчүр 'лом, пешня', бучилхы 'кипеть', чө:кен 'несколько', чалмы 'аркан', чуьар 'все'.

Язык каракольских калмыков так же, как цаатанский подговор, не знает согласного ц, вместо которого употребляется согласный [ч]. Д.А. Павлов убедительно показал близость языка каракольских калмыков к цаатанскому подговору торгутского говора.

Согласный [й] – звонкий ненапряженный среднеязычный щелевой (палатальный) сонорный согласный – встречается в начале и середине слова, напр., ял ~ ялы 'штраф', яма:н 'коза', ялчи 'слуга', даян 'созерцание', юмын 'вещь, предмет', аюл 'стихия', йор 'предзнаменование', йилъел 'отличие'.

Согласный [й] соответствует [j] СПМЯ, например, bajnaj 'есть, иметься', ајага 'чашка', takija 'курица', јасун 'кость', öberijen 'сам', калм. бә:нә:, а:ғы, така:, ясын, эврә:н.

В калмыцком языке и его говорах в начале слова наблюдается [й] более позднего происхождения, соответствующий историческому [i], напр., СПМЯ *imagan* ‘коза’, *izagur* ‘корень’, *irügel* ‘благопожелание’, калм. яма:н, йозу:р, йөрә:л.

Здесь, видимо, произошел неполный, частичный перелом гласного [i], ибо он остался, йотировав заместивший его гласный звук. Слова *үзу:р* ‘конец, острие’ и *йозу:р* ‘корень, происхождение’ являются собой пример полного и неполного перелома гласного в одном и том же слове СПМЯ *izagur*.

В середине слова согласный [й], соответствуя [j] СПМЯ, входит в долготный комплекс (Г+J+Г) и участвует в образовании долгих гласных (см. выше).

В конечной позиции согласный [j] СПМЯ слился с предшествующим гласным и образовал дифтонг, который затем развился в долгий гласный, напр., СПМЯ *široi* ‘песок’, *mogai* ‘змея’, *toqai* ‘локоть’, торг., буз. шора:, моңа:, тоха:, дерб. шорә:, моңә:, тохә:.

### Заднеязычные согласные

Согласный [г] – звонкий ненапряженный смычно-взрывной заднеязычный согласный – встречается во всех позициях в слове, напр., гөңген ‘легкий’, гөлег ‘щенок’, кэвег ‘отрубь’, Гонга – имя, үнген ‘лисица’.

Этот согласный соответствует [g] СПМЯ, напр., *emege* ‘старуха’, *mergen* ‘меткий’, *tergen* ‘телега’, *gerel* ‘свет’, *biçig* ‘письмо’, калм. эмген, мэрген, тэрген, гэрел, бичиг.

В зависимости от сингармонической рядности слова согласный [г] может быть более продвинутым вперед в словах переднего ряда или отодвинутым назад в словах заднего ряда. Подвижность согласного [г] более всего проявляется в средней позиции слова, это особенно наглядно видно в употреблении соединительного согласного, когда к корню (основе), оканчивающемуся на гласный, наращивается аффикс с начальным гласным и появляется протетический согласный [г (ь)], напр., *кэ+г(ь)+э:д* – *кэгә:д* ~ *кэьә:д* ‘сделавши’, *цэ:+г(ь)+э:н* – *цэгә:н* ~ *цэ:ьә:н* ‘свой чай’. Характер этого протетического согласного – смычно-взрывной и щелевой – имеет дифференциальное значение. Смычно-щелевой [г] в середине сло-



ва более характерен для торгутского говора, а щелевой [ɲ] – для дербетского говора.

Согласный [к] – глухой напряженный смычно-взрывной заднеязычный согласный – встречается в начальной и средней позициях слова, напр., көшиг ‘полог’, кэрсен ‘лебеда’, күрне ‘хорек’, котру:шк ‘четушка’, кара:г ‘воображуля’, коста:лхы ‘пинать’.

Исторически согласный [к] соответствует [к] СПМЯ, напр., көке ‘синий’, kilgasun ‘волос’, ǰ güken ‘сердце’, okin ‘девочка’, kücin ‘сила’, калм. көке, килеьсен, зүркен, окын, күчин. В СПМЯ [к] в основном наблюдался в мягкорядных словах, в твердоядных же словах – в сочетании с гласным [i]. В современном калмыцком языке в результате регрессивных ассимилятивных процессов [к] употребляется со всеми гласными. СПМЯ kiragu ‘иней’, kija ‘телохранитель’, торг. кору, ка:, дерб. кирү:, ка:.

В цаатанском подговоре исторический [i] произносился в твердых оттенках, сохранившихся из СПМЯ или еще более раннего периода, когда еще не произошло слияния твердоядного [i] с мягкорядным [i]: СПМЯ tamaki ‘табак’, takira= ‘скрючить(ся)’, takim ‘подколенный сгиб’, торг. дерб. тэмке, тэкре=, тэкем, цаат. тамкы, такры=, таким.

Согласный [ɲ] – сонорный смычно-проходной заднеязычно-увулярный носовой звонкий согласный – встречается в середине слова перед согласными [г, к, х, ɲ] и несколько реже перед согласными [ш, н, с, з, д] и другими и в конце слова. Напр., сэцсен ‘чашка’, мэцнехе ‘охотиться’, шацшим ‘серые гуси’, гөцген ‘легкий’, хоцхы ‘колокол’, Хоңыр – имя.

По характеру согласных, с которыми может сочетаться согласный [ɲ], можно говорить о широте его места образования: начиная от переднеязычных, заднеязычных до увулярных. Поэтому наше определение по месту образования согласного ɲ как заднеязычно-увулярного не совсем верно, он более продвинул вперед.

Исторически согласный [ɲ] соответствует [ɲ] СПМЯ, напр., сөң] ‘тост’, saɲgasun ‘помет, экскремент’, ǰinɲen ‘жидкий’, bajasqalaɲ ‘радость’, ǰaɲǰim ‘дикие гуси’, калм. сөң, саңғысын, шиңц ген, байисхылың, шацшим.

В торгутском говоре согласный [ɲ] в положении перед [г (к, х, ɲ)] представляет сложный звук, который лучше передать как [ɲ+г],

т.е. он имеет эксплозивный отступ: аңг 'зверь', шаңг 'казна, государство', төңг 'коленная чашка'.

В дербетском говоре такой эксплозии нет и небная занавеска не поднимается, пока не прекращается поток воздуха – аң, шаң, төң. Однако достаточно появиться аффиксу, начинающемуся на гласный звук, как тут же появляется эксплозия и четко слышен [г]: аң – аңгин, шаң – шаңгин, төң – төңгин.

Произношение согласного [ң] с эксплозией [г] в торгутском говоре и без таковой в дербетском имеет дифференцирующее значение. Согласный [ң] в положении перед переднеязычными согласными не вызывает эксплозии, и межговорных дифференциальных расхождений не наблюдается.

В калмыцком языке нередко употребляется согласный [г] вместо [ң], напр., хоржинны ~ хоржигны= 'храпеть, хрюкать', күржигне= 'греметь' вм. күржиңне=, таржигны= 'тарахтеть' вм. таржиңны.

Здесь, видимо, произошло что-то наподобие деаффрикатизации, утраты носовой части согласного [ң]. При этом появление [г] вм. [ң] наблюдается даже перед переднеязычными согласными, где менее всего улавливалась вторая часть [г] согласного [ң].

Б.Я. Владимирцов также отмечал в халхаском, что [п̄ (ng)] теряет свой назальный элемент перед последующими носовыми согласными и превращается в заднеязычный смычный [г] (64, 348).

В калмыцком языке и говорах наблюдается переход переднеязычного [н] в заднеязычный [ң], например, СПМЯ sonus= 'слышать', uна= 'падать', супа= 'вытягиваться', калм. соңсы=, уңа= 'валить, ронять', суңуғ 'провода'.

Согласный [х] – целевой глухой заднеязычный согласный – употребляется в начальной и средней позициях слова, напр., хавыр 'весна', хайиг 'адрес', зараха: 'ежонок', цаяха: 'рак', тахы 'подкова', хү:рэ: 'напильник', хэрег 'застенчивый', хөрен 'двадцать'.

Исторически согласный [х] соответствует [q] СПМЯ, напр., qојаг 'два', qоrиgа 'комната', qаlаgун 'горячий', qоңqа 'колокольчик', čidqumal 'сплав, слиток', калм. хойир, хора:, халу:н, хоңхы, цутхымыл.

Как все заднеязычные, согласный [х] отличается большой подвижностью по горизонтали, которая зависит от рядности слова. В

словах мягкого ряда он бывает продвинутым вперед, например, хурме ‘пир, свадьба’, ху:рә: ‘сухой’, хә:рмег ‘разведенный творог’. В словах же твердого ряда бывает глубоко заднеязычным и даже увулярным, см. хол ‘пищевод’, ху:р ‘скрипка’, халлы ‘дорога’, ут-ху:р ‘черпалка’.

### Язычковые (увулярные) согласные

Согласный [ɣ] – увулярный смычный звонкий – встречается в начальной и средней позициях слова, напр., Һазыр ‘земля’, Һаха: ‘свинья’, Һулымты ‘очаг, печка’, Һалу:н ‘гусь’, Һуьсын ‘утка’, Заңы ‘журавль’.

Согласный [ɣ] соответствует [g] СПМЯ, напр., гаг ‘рука’, гаӟ ир ‘земля’, булаган ‘соболь’, толagai ‘голова’, гаӟ игун ‘горький’, калм. Һар, Һазыр, бульын, толһа, Һашун.

В начальной позиции слова согласный [ɣ] выступает как смычно-взрывной – Һасын ‘кол’, Һалун ‘гусь’. В средней позиции независимо от предшествующего звука выступает как проточный, напр., торһын ‘шелк’, хорһын ‘жир’, ша:зһа: ‘сорока’, Һанзыһы ‘торока’.

Перед глухими согласный [ɣ] оглушается и переходит в глухой проточный [x], напр., арыхсын (~ арьһсын) ‘аргал, кизяк’, балых-сын (~ балыһсын) ‘город’, захсын (~ заһсын) ‘рыба’.

Дифференциальных расхождений по этому согласному между калмыцкими говорами в основном не наблюдается. Исключение составляет бузавский говор, носители которого начальный [ɣ] нередко заменяют смычным [g], напр., галун, газыр, гашун. Слово же эндген ‘яйцо’ они, наоборот, произнесут с согласным [ɣ] – эндһен. Слово толһа ‘голова:’ по бузавски будет толха:.

### Долгие согласные

В современном калмыцком языке и его говорах наблюдаются двойные согласные, образовавшиеся, во-первых, в результате выпадения редуцированного гласного между близкими или одинаковыми по артикуляции согласными, например, СПМЯ гуһан ‘трехлетний’, үһен ‘истина’, калм. Һунн, үһнн.

Во вторых, удвоение согласных нередко бывает на стыке морфем, например, саны+на>санна ‘думает’, дасы+сын>дассын ‘при-

вычный', мэде+дег>мэддег 'знающий', мөрге+хе>мөрекке 'бодать', тосхы+хы>тосыккы 'строить', гэке+хе>гэкке 'кивать' и т.д.

Перечисленные и многие другие случаи образования долгих согласных являются результатом прогрессивной или регрессивной ассимиляции вследствие стечения согласных, которым более соответствует термин «двойные согласные». Помимо этого калмыцкий язык и его говоры знают случаи как бы самоудлинения согласных там, где, казалось бы, нет скопления, нет видимой причины удвоения согласных. Это позиционное удлинение обычного согласного наблюдается в интервокальном положении как в корневых, так и в аффиксальных слогах, например, в личных именах Чоппа, Кокка, Сакка, Бадда, Сэббэ, Шэббэ, Бобба и т.д., а также в именах нарицательных: ыавы ~ ыаппаш ~ каппаш 'карлик', гагга 'красивый, нарядный' (детское слово), акад ~ аккад 'удивительный, интересный', оддуд 'звезды', моддуд 'деревья', заппу 'фартук', чаппур 'цапля', коппы 'кофе', люббой 'любой'.

Из этих примеров видно, что удлинение (геминация) в основном происходит в положении между гласными, что наводит на мысль о взаимосвязи геминации с процессом образования долгих гласных из долготного комплекса Г+С+Г. Интервокальное положение согласного является слабой позицией, в которой согласные более всего подвержены ослаблению, редукции, утрате качественных и количественных признаков вплоть до полного исчезновения. Геминация интервокальных согласных, как кажется, происходит по причине необходимости укрепить эти согласные, оградить их от редукции, в конечном счете не дать образоваться долгим гласным.

Калмыцкий язык и его говоры, как и другие монгольские языки и диалекты, будучи менее консервативными в отношении долгих гласных, не очень стремились к сохранению интервокальных согласных, к сохранению первоначальных форм слова.

В тюркских языках, в которых образование долгих гласных не получило такого широкого развития, как в монгольских, можно найти достаточно примеров геминации интервокальных согласных — одной из эффективных мер против редукции интервокальных согласных и образования долгих гласных. Однако в тюркологии вопрос геминации интервокальных согласных еще не получил достаточного решения. Один из крупнейших тюркологов В. Банг писал,

что удвоение звука является книгой за семью печатями (226, с. 122).

Н.К. Дмитриев в своем исследовании двойных согласных в тюркских языках пишет, что происхождение туркменских и кумысских долгих согласных пока еще не объяснено (86, с. 262).

Ф.А. Абдуллаев, исследователь говоров узбекского языка, также отмечает, что причины, вызвавшие удвоение согласных (геминацию), пока еще не выяснены (2, с. 125). Исследователь фонетики тюркских языков А.М. Щербак пишет, что причины возникновения геминации остаются неясными (275, с. 104).

Указанные исследователи пытались разрешить проблему геминации согласных в интервокальной позиции. Близко подошел к решению Ф.А. Абдуллаев, указывавший, что генетически оба эти явления – долгота гласных и удвоение согласных – теснейшим образом связаны между собой и выполняют какую-то сходную функцию, что долгота гласных в огузском наречии нередко компенсируется в кипчакском удвоением согласных, но нередки и случаи, когда долгота гласных соответствует гласному обычной долготы: *ог.* и:ш, *кипч.* ыш ‘работа’; *ог.* а:д, *кипч.* ат ‘имя’; *ог.* ку:рь, *кипч.* курь ‘сухой’; *ог.* до:ль, *кипч.* толь ‘полный’ и т.д. (2, с. 130-131)

Далее автор отмечает, что в подавляющем большинстве случаев геминация происходит на стыке первого и второго слогов независимо от того, является ли второй слог корневым, или он относится к аффиксу, и объясняет это стремлением к укреплению первого слога, тенденцией к сохранению корневого вокализма. Однако затем автор отмечает, что с точки зрения укрепления вокализма корня значительный интерес представляют приведенные из узбекского языка примеры в работах проф. А.Г. Гулямова: зўрҒаттан ‘насилу’, кайтаттан ‘снова’, байаттан ‘с давних пор’ и т.д. (75, с. 126).

Стремления к сохранению корневого вокализма, конечно, отрицать нельзя, но в данных случаях, прежде всего, речь должна идти об укреплении интервокального согласного, чтобы сохранить облик слова, информацию и, конечно, корневой вокализм.

Что касается смыслоразличительной роли долгих согласных, то, как правильно подметили Ф.А. Абдуллаев и А.М. Щербак, в этом ничего особого нет, поскольку фонематичность долгих гласных является общепризнанной. Точно также должна быть признана фонематичность долгих согласных.

А.М. Щербак также справедливо предполагает, что геминация развилась как вспомогательное средство, обеспечивающее качественную устойчивость согласных в интервокальном положении, и является, таким образом, одной из форм выражения интенсивности: геминированные согласные более сильные и более устойчивые в качественном отношении, чем обычные согласные.

В отличие от Н.К. Дмитриева, справедливо утверждающего, что удвоенными могут быть или сонорные, или шумные глухие согласные, А.М. Щербак признает геминацию в основном за сильными шумными согласными, которые в интервокальном положении могут выступать только в геминированном виде, при отсутствии же геминации происходит ослабление сильных согласных и частичное озвончение, ср. чуваш. шăппăр ~ шăбăр 'метла', вĕттер ~ вĕдĕр 'сквозь' (275, с.104).

Однако причины геминации А.М. Щербак связывает не с развитием долготных комплексов Г+С+Г, а с ударением, с корреляцией разновершинных слогов со слогами с вершиной на консонантной части, которые, будто бы, обусловили появление геминат (275, с.137).

Н.К. Дмитриев удвоение согласных отмечает в корнях слов, ср. туркм. гарры 'старый', гары-мак 'стареть', кумык. оччан 'тмин', какка 'долина, балка', азерб. аддын 'шаг', эшшак 'осел', чуваш. суккăр 'слепой', чечче 'оспа', шакка 'стучи' и т.д. Также он отмечает удлинение в аффиксальных элементах и связывает это с определенными морфологическими категориями – склонением существительных, второй (субстантивной) формой прилагательных, сравнительной степенью прилагательных, причастиями, наречиями, глаголами и т.д. Во всех приведенных им примерах удлинение происходит именно в интервокальной позиции и не зависит от того, корень это или аффикс.

Как отмечает Н.К. Дмитриев, автор лучшей грамматики турецкого языка Ж. Дени слова аппе 'мама', yassi 'плоский', issi 'горячий' и другие связывает с особой экспрессией речи (86, с. 262).

Проф. А.Г. Гулямов, Т.И. Гаджиев также склонны объяснять геминацию экспрессией речи. Здесь следует признать, что в словах экспрессивно-оценочного, интонационно-эмоционального характера иногда действительно наблюдаются случаи удлинения звуков, ср. русск. большу-у-щий дом, хоро-о-ший парень, калм. ики-и тэнде 'там вдалеке', люб-бой күүн авхы 'любой человек возьмет'.

По этому вопросу Ф.А. Абдуллаев справедливо пишет, что основные причины возникновения геминации кроются не в стремлении придать эмоциональность речи, ибо, если исходить только из психологического фактора, то невозможно будет объяснить случаи удвоения, например, в числительных (йетть, сэккьз), а также в словах типа гечьч 'коза', саккал 'борода' (2, с.131).

Т.И. Гаджиев считает, что удвоение согласных в тюркских языках является морфологическим способом выражения грамматического значения, т.е. в своих истоках тюркская гемината была равносильна грамматическому показателю (6, с.129).

Попытка грамматизации долгих согласных вряд ли может найти поддержку, ибо трудно определить грамматическое значение в приведенных выше словах или при геминации конечного согласного корня (основы) при аффигировании: гөз 'глаз', гөззүм 'мой глаз', мун 'нос' – муннүм 'мой нос', йаҒын 'спина', йаҒыннүмз 'наша спина' (2, с.129). Из данных примеров видно, что геминаты никаких грамматических значений не имеют. Геминаты появляются только в интервокальном положении, ибо инпозиция для согласного – это слабая позиция, и чтобы сохраниться, чтобы не утратить свои основные качества, согласный должен геминироваться.

Некоторые ученые склонны возводить геминацию интервокальных согласных к прототюркскому языку (275, с. 137). Однако если исходить из наших позиций и рассматривать геминацию в связи с долгими гласными, то вряд ли можно с этим согласиться. По крайней мере, в языке орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века геминаты не обнаруживаются (8), хотя в памятниках более позднего периода они могли иметь место. Ф.А. Абдуллаев также предполагает, что такое удвоение согласных возникло гораздо позже (2, с. 129) и отмечает некоторое отражение их в письменных памятниках XIII-XIV веков, что вполне возможно, потому что образование долгих гласных из долготных комплексов Г+С+Г в монгольских языках акад. Б.Я. Владимирцов, Г.Д. Санжеев и другие относят также к XIII-XIV вв.

Из сказанного следует, что геминация интервокальных согласных – это один из путей развития долготного комплекса Г+С+Г. В монгольских языках это сочетание дало, в основном, образование долгих гласных, в тюркских языках – долгий гласный, в других – долгий согласный, в третьих – и то, и другое вместе.

В калмыцком языке удвоение согласных одинаково свойственно всем его говорам. Однако долгие гласные, геминированные согласные в интервокальной позиции почему-то более присущи торгутскому говору.

### Словесное ударение

Словесное ударение – это выделение одного из слогов в составе слова теми или иными фонетическими средствами.

Н.П. Яковенко, характеризуя ударение русского языка, пишет, что словесное ударение обычно имеет смешанный характер, т.е. обладает несколькими фонетическими качествами, причем одно из этих качеств доминирует. Этим преобладающим качеством и определяется тип словесного ударения, ударные гласные всегда длительнее безударных гласных (280, с.5).

Словесное ударение в монгольских языках, в частности в калмыцком языке и его говорах, является одной из сложнейших проблем, ибо разница между ударными и безударными слогами отчетливо не выражается. Видимо, этим объясняется то, что в монголистике существуют совершенно разные точки зрения. Положение усугубляется еще тем, что в монгольских словах помимо словесного ударения наличествуют долгие, краткие и редуцированные гласные, закон гармонии гласных, которые совершенно не смешиваются со словесным ударением и ослабляют выделительные средства ударения, лишают его организующего и централизующего влияния внутри слова, более того, доминируют над ударением.

Долгие гласные в монгольских языках, как известно, образовались из долготных комплексов Г+С+Г и никакого отношения к ударению не имеют. Ударение в монгольских языках лишено такого важного, если не основного, выделительного средства, как длительность. О качественной стороне долгих гласных в этой связи также нет необходимости говорить, ибо, как уже говорилось, долгий гласный – не есть ударный.

Что же касается качества гласных первого слога, то гласный начального первого слога, определяющий систему гласных всего слова, соответственно закону гармонии гласных, сконцентрировал на себе четкость, ясность произношения. Однако эти чет-



кость и ясность имеют свое объяснение и не имеют отношения к ударению.

Н.П. Яковенко, говоря о безударном первом слоге, отмечает, что здесь больше сохраняется основное качество звука и объясняет это именно начальным положением, что человек, намеревающийся произнести слово, подготавливает свои органы речи к произношению нужного звука. Поэтому качество начального гласного, даже безударного, должно сохраниться хотя бы относительно таким, каким оно бывает у типичного оттенка данной фонемы (280, с.8).

В словах калмыцкого языка и его говоров, кроме отмеченных долгих и гласных первого слога, нет других (кроме кратких редуцированных гласных непервых слогов) гласных, претендующих быть ударными в том понимании ударения, какое выработано по отношению к русскому языку.

Видимо, по этой причине возникло положение, что в калмыцком языке отсутствует словесное ударение. Одним из первых к такой мысли пришел Г.Д. Санжеев (229, с.5), затем Л.К. Герасимович на основе изучения ударения методами экспериментальной фонетики также пришла к выводу, что в монгольском языке не существует ударения, отчетливо воспринимаемого носителями языка (69, с.210).

Однако не все исследователи с этим согласны. Г.И. Рамстедт считает, что ударение в монгольском языке падает на первый слог, что оно является силовым и редуциацию гласных непервых слогов объясняет безударной позицией (217, с. 56). Б.Я. Владимирцов также склонялся к тому, что ударение падает на первый слог, и называл ударение силовым, динамическим (64, с. 97). Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеев, Б.Х. Тодаева также считали, что ударение в монгольском языке силовое, динамическое и падает на первый слог.

Помимо этого также существует мнение о двух ударениях: главном – на первом слоге и второстепенном – на последнем слоге слова. Так, Г.И. Рамстедт, Б.Я. Владимирцов допускали в некоторых случаях возможность появления ударения также на последнем слоге. Сложность проблемы порождает противоположные мнения – то напрочь отрицается ударение, то обнаруживаются целых два ударения (например, махын ‘мясо’, үкер ‘корова’, худыг ‘колодец’, хө:не ‘после’, хө:н ‘овца’, гүргелдэ ‘ящерица’, хорьылжин ‘свинец’). Следует отметить, что все исследователи ориентируются на глас-

ные ясного, полного образования, от которых, казалось бы, необходимо дистанцироваться с самого начала.

П.Ц. Биткеев скрупулезно проанализировав все существующие положения об ударении в монгольских языках, на основе экспериментальных данных приходит к мысли, что монгольским языкам свойственны два типа словесного ударения – качественное и музыкальное, что качественное ударение является главным и падает только на первый слог слова, музыкальное же ударение, характеризующееся повышением основного тона гласных, падает на последний слог слова.

Такой вывод объединяет все существующие положения об ударении в монгольских языках – и тех, кто был за первослоговое ударение, и тех, кто выступал за два ударения, и тех, кто отстаивал наличие ударения на последнем слоге (О.М. Ковалевский, А. Бобровников, А.М. Позднеев, В.Л. Котвич и др.).

Однако экспериментальные данные, констатируя синхронические особенности, нисколько не объясняют причины редукции гласных, которые нередко наблюдается в последнем слоге, куда якобы падает музыкальное ударение. Ударность и редукция, редукция и музыкальность. Насколько эти понятия совместимы между собой? На эти вопросы автор не дает ответа и не может ответить, поскольку он придерживается показаний записывающих устройств.

Даже в односложных словах (открытых и закрытых), в которых автор отмечает наличие одновременно двух ударений – качественного и музыкального, происходит сокращение гласных, о чем свидетельствует написание таких слов по существующей калмыцкой орфографии, которая односложные слова фиксирует с краткими гласными, например, хэн 'овца', дун 'голос, песня', сэн 'хорошо', бу 'ружье', зо 'хребет' вместо ожидаемых – хэ:н, ду:н, сэ:н, бу:, зо:.

Качественное ударение – это расчленение качества ударных гласных на качественную и долготную части. В противовес качественному или в дополнение к нему существует количественное ударение (уже на атомно-молекулярном уровне).

Неизвестно, как ведут себя гласный, слог и, наконец, слово, одновременные двумя ударениями, как ведут себя сами ударения, каждое в отдельности. Или, накладываясь друг на друга, образуют какой-то другой, новый тип ударения?

Если утрировать, то любое ясное произношение гласного будет качественным ударением, ибо других отличительных средств качественно ударные гласные не имеют, в отличие от гласных полного образования.

Гласные же первого слога калмыцкого языка и диалектов кроме функциональной сингармонической качественности никакими другими выделительными средствами не обладают, чтобы можно было их выделить как ударные.

Представляет интерес восприятие первослогового ударения представителями других языков, например, русского. Так, в советский период ведущие концерты монгольских артистов старались произнести их имена с ударением на первом слоге, отчего эти имена изменялись почти до неузнаваемости.

Наиболее привлекательным кажется мнение об ударении на последнем слоге, которое высказывалось О.М. Ковалевским, А. Бобровниковым, А.М. Позднеевым, В.Л. Котвичем. В какой-то степени допускали такую возможность Г.И. Рамстедт и Б.Я. Владимирцов.

А. Бобровников пишет, что повышение тона или ударение в монгольско-калмыцком языке бывает всегда на последнем слоге, что понятие ударения не должно смешиваться с понятием о долгом и кратком гласном, что ударение состоит в повышении тона, а долгота или краткость, ясность или неясность произношения зависят от других причин (44, с. 34).

А. Бобровников считает, что последний гласный слова, если он краткий, несмотря на повышение тона, произносится бегло и сжато и слышется как русское *ы* (*ахы, модын, эзын, нюдын*). Так, Бобровников объясняет калмыцкое ударение, так он трактует поведение калмыцкого ударного гласного, который, находясь под ударением, может утрачивать качественные и количественные характеристики.

К этому же пришел на основе экспериментальных исследований современный калмыцкий ученый П.Ц. Биткеев, если не брать во внимание одновременное первослоговое ударение.

Н.П. Яковенко отмечает, что согласные, начинающие ударный слог, длительнее согласных, начинающих безударные слоги, что эта удлиненность звучания ударяемого гласного и согласного, начинающего ударный слог, оказывает решающее влияние на долготу всего ударяемого слога (280, с.6).

Однако, если, по Бобровникову, ударный гласный может сокращаться, редуцироваться, из ударного слога остается этот несколько удлинённый согласный и редуцированный гласный, который в современной калмыцкой орфографии не обозначается на письме, то создается впечатление (возможно, на самом деле так), что ударение в калмыцком языке и его говорах падает на согласный звук, ср. унн 'правда, истина', үкр 'корова', тосн 'масло', торьн 'шелк', Элст 'Элиста'.

Руссифицированное произношение калмыцких слов с восстановлением редуцированных гласных, с силовым ударением ударных слогов очень наглядно показывает, куда падает словесное ударение, например, Элст – Элиста, Жацьр – Джангар, Хоцьр – Хонгор, терз – терзе, орндг – рундук, но мөрен – мерин. Русское произношение здесь выступает как определитель калмыцкого ударения, как об этом говорил в свое время Б.К. Пашков.

Таким образом, из всех вариантов определения ударения в калмыцком языке и его говорах более приемлемым является его определение как музыкального, тонового, падающего на конечную позицию слова. При наращении словоизменятельных, словообразовательных и других аффиксов ударение отходит на конец слова.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЛМЫЦКИХ ГОВОРОВ

По своему морфологическому строю калмыцкий язык и его говоры относятся к агглютинативному типу языков, характеризующемуся образованием форм слов путем присоединения (приклеивания) к основе или корню словоизменяемых, словообразовательных аффиксов, каждый из которых сохраняет свою морфологическую самостоятельность, т.е. имеет одно определенное грамматическое значение. Агглютинация, как особенность морфологического строя исследуемых говоров, представляет собой присоединение к корню или основе аффиксов, выражающих различные грамматические категории – склонения, числа, времени, глагольного вида и т.п.

Слова калмыцкого языка и его говоров, за редким исключением, в своем составе имеют гласные либо только заднего, либо только переднего ряда (закон гармонии гласных). В силу этого аффиксы в калмыцких говорах, иногда даже и частицы, содержащие в своем составе гласные полного образования, имеют два варианта – твердоярядный и мягкорядный, например, туьылму:д ‘телята’, гэрму:д ‘дома’ и т.д.

Префиксов в калмыцких говорах не имеется, их функцию берут на себя падежные и другие аффиксы и послелогии. Поэтому основными элементами, составляющими слово, являются корень, основа и аффиксы, присоединяющиеся всегда в постпозиции.

### 1. Имя существительное

Имя существительное – часть речи, характеризующаяся значением предметности, грамматическими категориями падежа и числа, синтаксическим употреблением в функции субъекта, объек-

та и предикативного члена и развитой системой словообразовательных моделей.

Существительные калмыцкого языка и его говоров и подговоров отвечают на вопросы кен? 'кто?' (относящийся только к людям) и юн? 'что?' (относящийся ко всем предметам, за исключением людей).

### Категория рода имен существительных

Выше не была отмечена категория рода имен существительных в калмыцком литературном языке, его говорах и подговорах, так как в них отсутствует категория грамматического рода и согласование слов в роде. Правда, в них наблюдаются лексические обозначения представителей того или иного пола, например, слово эре обозначает представителей мужского пола и может быть переведено как 'мужчина'. Это слово в сочетании с нарицательным именем, обозначающим животных, передает понятие 'самец', например, эре така: 'петух', эре ьалу:н 'гусак', эре ьаха: 'хряк, боров' и т.д. Аналогичное явление наблюдается в отношении слова эме 'женщина', также обозначающего животных женского пола в значении 'самка', ср. эме ьаха: 'свинья', эме така: 'курица'. Слово эме в данных сочетаниях нередко может заменяться словом кү:кен 'девочка', ср. кү:кен така: 'курочка', кү:кен ьалу:н 'гусыня'.

Помимо таких способов обозначения пола существуют специальные слова, обозначающие тот или иной пол, например, гү:н 'кобыла', ажирьы 'жеребец', бэ:сен 'двухгодовалая кобылица', сарва: 'двухгодовалый жеребчик'.

Относительно пола людей также существуют специальные слова, например, эке 'мать', эцке 'отец', көвү:н 'мальчик, сын', кү:кен 'девочка, дочь', ахы 'брат', экчи 'сестра'. Однако подобные слова не должны относиться к категории рода, это просто лексическое обозначение пола, хотя в русском языке они соответственно обозначаемому полу относятся к тому или иному роду.

Принадлежность к роду определяется не тем, какой пол обозначает то или другое слово, т.е. не лексическими показателями, а грамматическими, как, например, русское слово женского рода парта, где показателем грамматического рода является окончание

– а. Подобно этому в исследуемых говорах и подговорах, как и в литературном языке, для обозначения женского пола животных используются специальные аффиксы -гчин, -жин. Например, боры ‘серый’ – борыгчин ‘серая’, ьунын ‘трехлетний’ – ьунжин ‘трехлетняя’, ула:н ‘красный’ – ула:гчин ‘красная’.

Для обозначения пола животных в зависимости от возрастных особенностей, кроме аффикса -жин, обозначающего женский пол, также употребляется аффикс -нын (-нен), который, обозначая собой мужского пола, присоединяется к корню числительных, передающих возраст животных и называемых возрастными числительными. Например, ьунын ‘трехгодовалый’ – ьунжин ‘трехгодовалая’, дөнен ‘четырёхгодовалый’ – дөңжин ‘четырёхгодовалая’.

Аффикс -нын (-нен) в сочетании с теми же корнями употребляется и для обозначения возраста людей (детей) независимо от пола, при этом возрастные числительные выступают в атрибутивной функции, ср., ьунын наста ‘трехгодовалый, трехгодовалая’, дөнен наста ‘четырёхгодовалый, четырёхгодовалая’.

В функции определения слова с аффиксами женского рода -гчин, -жин утрачивают конечный -н, ср. харыгчин ‘вороняя, воронуха’ – харыгчи гүн ‘вороняя кобылица’, борыгчин ‘серая’ – борыгчи гүн ‘серая кобылица’. Исключение составляет слово өлегчин ‘сука, самка’, которое не обозначает ни масть, ни возраст, но женский пол и при сочетании с поясняемым словом прочно удерживает конечный -н, ср. өлегчин чон ‘волчица, волчиха’, өлегчин ноха ‘сука, самка собаки’, өлегчин барс ‘самка барса’.

В приведенных примерах, в которых и определение, и определяемое слово показывают принадлежность к женскому роду (полу), происходит как бы согласование в роде, как это наблюдается в русском языке. Однако для калмыцкого языка и говоров передача одной и той же категории и в определении, и в определяемом слове – большая роскошь. В языке наблюдается тенденция к разгрузке и опрощению, и в определении не обязательно употреблять показатель женского рода (пола), например, хар гүн ‘вороняя кобылица’, ула:н үкер ‘красная корова’. Также существуют другие способы передачи категории женского рода, например, Доржи – Доржима, Бальжир – Бальжирма, Нигмер – Нигмэ ~ Ниггэ, Лижи – Нижэ, Басыг – Баса, Босхымжи – Босха, Һучин – Һуча, Һэрэ – Һу:ра, Саңьжи – Саңья.

Также существуют чисто мужские и женские имена: мужские — Манжи, Түрвэ, Пүрвэ, Эрдне, Эдег, Сакка, Сарыцг, Даңка, Андюш, Жажуш, Бошлан, Чингис, Алдыр, Мэрген; женские — Кэрмен, Булын, Гэрел, Нүдлэ, Киштэ, Ганжа, Энгел, Кокка, Бадма, Аңжа, Бобба, Шарин, Халлы, Дошан, Буга, Ма:та.

Все вышесказанное относится к предметам одушевленным и касается биологического различия пола, не распространяясь на неодушевленные, как это мы наблюдаем в русском языке. Однако от этого язык не страдает, подобно тому как не страдает русский язык от того, что глаголы настоящего и будущего времени не согласуются с подлежащим в роде, ср. Маша идет, Миша идет, корова придет, поезд уйдет. В данных примерах уже по подлежащему видно, о чем идет речь, к какому полу или роду относится слово-подлежащее, поэтому нет необходимости показывать, акцентировать род слова-подлежащего в других членах предложения. Здесь, надо полагать, действует закон экономии. В исследуемых говорах, как и вообще в калмыцком языке, также нет необходимости употреблять специальные аффиксы для обозначения пола (рода) слова, выступающего в функции подлежащего и других членов предложения, ибо достаточно того, что на это указывает само подлежащее. В этом отношении калмыцкие говоры и литературный язык экономичнее и русского и других языков, в которых имеется развитая категория рода и вытекающие отсюда целые системы деления слов, склонения, согласования и т.д.

Однако следует отметить, что в монгольских языках, видимо, когда-то существовала категория лексико-грамматического рода, не связанная с передачей биологического пола. Акад. Б.Я. Владимирцов (64, с.126-127) отмечает, что существует значительное количество парных слов, отличающихся только тем, что одни из них принадлежат заднему ряду, другие — переднему, сохраняя одно и то же или же близкие значения. При этом слова твердого ряда обозначают мужской род, а слова мягкого ряда — женский, например, цаьан 'белый' — цэгэн 'белая, светлая, прозрачная', цолы — чөлэн 'досуг', давшихы — дэвшихе 'лезть, подниматься', арсылың 'лев' — эрселең 'лев особой породы' (должно быть — 'львица'), ьатылхы 'переходить, переправляться' — гэтелхе 'миновать', аадмыг — ээдмег 'творог', чадхы — чидхе 'мочь', хада:хы — гэдэ:хе 'выпрям-



ляться'. Следует заметить, гласные твердого ряда в монголистике называются мужскими, гласные переднего (мягкого) ряда – женскими. Соответственно этому и слова являются мужскими или женскими. Эдуард Тейлор отмечает, что язык всегда делает замечательно меткое различие между сильным и слабым, суровым и мягким, грубым и нежным, когда противопоставляет как мужское и женское (141-а, с.216). Эти слова можно отнести и к монгольским языкам; в частности, к калмыцкому языку и его говорам. Такая простая сингармоническая форма категории рода в монгольских языках нередко помогает пролить свет на темные места в развитии языка. Так, в калмыцком языке существует слово ирвес 'тигр', также имеется выражение 'чидлень арвус'. Затемненное значение этого выражения проясняется при сингармоническом противопоставлении арвус – ирвес. Отсюда можно сделать вывод, что арвус – это тигр, самец, а ирвес – тигрица, самка.

Как можно заметить, категория рода, базирующаяся на сингармонизме, охватывала и именные, и глагольные части речи и была довольно-таки распространенной в монгольских языках. Однако она не получила дальнейшего развития, ибо базировалась на фонетико-лексической основе и предполагала наличие в словарном фонде хотя бы двух форм (мужского и женского) каждого слова. Это увеличило бы объем всего словарного фонда в два и более раза. Язык не мог допустить такого раздувания лексики. Ему легче было отказаться от категории рода, что он и сделал.

Грамматические формы, аффиксы женского рода -гчин, -жин – показатели полового биологического рода – не получили дальнейшего развития, остались в ограниченном числе слов. Так, лексико-грамматическая категория рода была загублена на начальном уровне.

Деление лексики монгольских языков на слова мужского и женского родов, возможно, породило так называемый женский язык, в котором, вероятно, первоначально употреблялись только слова женского рода.

### **Категория числа имен существительных**

В говорах калмыцкого языка, как и в литературном языке, имена существительные имеют два числа – единственное и множественное.

Единственное число, указывающее на единичность, цельность, неделимость вещей и явлений, специальных формантов не имеет. Отсутствие у существительного какого-либо показателя числа, аффикса множественности свидетельствует о том, что имя находится в единственном числе.

Множественное число характеризуется различными аффиксами, которые наращиваются на основу единственного числа. К аффиксам мн. числа относятся – му:д (мү:д), -у:д (-ү:д), -чу:д (-чү:д), -ныр (-нер), -д, -с.

Употребление этих аффиксов строго дифференцировано и зависит от конечных звуков основ существительных и от семантики, вернее от того, обозначает ли это имя человека или же другое явление или предмет, независимо от того, одушевленный он или неодушевленный. Так, например, аффикс -ныр (-нер) употребляется с именами существительными, обозначающими только людей.

ед. число

авьы – дядя (по отцу)

номты – ученый

малчи – скотовод

экчи – сестра

мн. число

авьыныр – дядья (по отцу)

номтыныр – ученые

малчиныр – скотоводы

экчиныр – сестры

Исключение составляет слово нэ:днер, которое употребляется в сочетании нэ:днер хө:н ‘овцематка’.

В СПМЯ этот формант употреблялся в словах, оканчивающихся на гласные звуки и обозначающих разумные существа, напр., ахапар – ‘старшие, братья’, екепер ‘матери’, теңгерінер ‘небожители’. Последнее слово в современных говорах не употребляется во множественном числе, сохранило за собой значение ‘небо’. Небожители же обозначаются как – дэ:дес, дэ:деси:н олын бурхыд, из былых тэңгерінеров сохранились Дэ:чи Тэңгер ‘Бог войны’, Окын-Тэңгер ‘Дева-богиня’.

Аффикс -му:д (-мү:д) употребляется с основами, оканчивающимися на согласные, на краткий и скрытый гласный.

ед. число

түлкү:р – ключ

шил – стекло

мн. число

түлкү:рмү:д

шилмү:д

у:лы – гора  
ьунын – трехгодовалый бык  
цаны – сани

у:лму:д  
ьунму:д  
цанму:д

В СПМЯ этому аффиксу соответствует форма *nugud*, которая употреблялась для обозначения множественного числа всех имен существительных. В торгутском говоре старописьменная форма *нуьуд* (*nugud*) утратила значение мн. числа. В выражении кир нуьуд слова воспринимаются как синонимы, отсюда можно услышать образное выражение: *нүднэ нуьудинь келэрн долаж өсклэв* ‘Я вырастила его, слизывая своим языком грязь с глаз его’ вместо ожидаемого: *нүдн нуьудинь келэрн долаж өсклэв* ‘я вырастила его, облизывая глаза (его) языком’.

Аффикс -у:д (-ү:д) употребляется с основами, оканчивающимися на согласные г (к), ц (ңг), например:

ед.число

барыг – волковдав

хайиг – адрес

сөң – тост

шодың – шленка (порода овец)

тайиг – трость

мн.число

баргу:д

хайгу:д

сөңгү:д

шодыңгу:д

тайгу:д

Аффикс -у:д (-ү:д) исторически, видимо, восходит, так же как и -му:д (-мү:д), к старописьменному монгольскому *nugud*, который при присоединении к словам, оканчивающимся на согласные, утрачивал свой начальный согласный. Так, в грамматике А. Попова встречаются следующие примеры: *барсу:д* и *барс ногот* ‘тигры’, *эмү:д* и *эм ногот* ‘лекарства’, *болму:т* и *бол ногот* ‘рабы’ (199, с.48). Следует отметить, что А. Попов аффиксы -у:д, -му:д, ногот дает параллельно, не выводя первые два из последнего (да перед ним и не стояла подобная задача). К тому же, вероятно, в то время образование форм -у:д, -му:д из *nugud* еще не было полностью завершено и они употреблялись параллельно с еще существовавшей формой *nugud*. А. Бобровников также отмечает формы *ну:д* и *нуьуд*, только он вторую выводит из первой посредством принятия первым слогов *ьу* и *гу* (44а, с. 26). Здесь автор не обращает внимание на долгий гласный формы *нууд* (*ну:д*), который мог образоваться

только из долготного комплекса Г+С+Г (ugu) более древней формы *lugud*, а не наоборот. Автор не отмечает связи -у:д с нуьуд, хотя видит в нем вариант -ну:д. Это, видимо, следует объяснять тем, что формант -у:д (-ү:д), утратив начальный согласный н, потерял сходство с -ну:д и тем более с нуьуд, который даже и не считался исходной формой -у:д (-ү:д), -му:д (мү:д).

Аффикс -чу:д (-чү:д) употребляется для обозначения собирательного множества, обозначающего людей, и образует соответствующие формы в основном от имен прилагательных и имен существительных, например:

ед.ч.	мн.ч.
хары – черный	харчу:д – ‘чернь’
ике – большой	икчү:д – большие, взрослые
байан – богатый	байачу:д – богатые, богачи
өвген – старик	өвгчү:д – старики
гэрген – жена, женщина	гэрегчү:д – женщины

Г.Д. Санжеев также отмечал наличие аффикса -чуд (-чүд) в старописьменном монгольском языке (231а, с.60). Данный аффикс, по всей вероятности, является сложным, состоящим из аффикса -ч (< чи) и -у:д (-ү:д). Еще А. Бобровников отмечал, что слова, оканчивающиеся на -чи, производные от качественных имен и от имен народов, во множественном числе меняют чи на слог чут, например, мергечи ‘стрелец’ – мергечиуд, баячи ‘богач’ – баячиуд, моңьолчи ‘монгол’ – моңьолчиуд (44а, с. 84). Аффикс -ч ~ -чи (< чи), так называемый аффикс деятеля, обозначает специальность, профессию людей, носителя тех или иных качеств, свойств, например, малчи ‘скотовод’, туьылчи ‘телятник’, асра:чи ‘кормилец’, шогчи ‘шутник’.

Слова с аффиксом деятеля -ч ~ -чи употребляются с аффиксом мн. числа -ныр (-нер): эмчинер ‘врачи’, тосха:чныр ‘строители’. Однако в литературном языке, говорах и подговорах формант -чи нередко сочетается с аффиксом мн. ч. -у:д (-ү:д) и образует как бы новый аффикс -чу:д, -чү:д, который в народе употребляют не совсем правильно, напр., гэрген ‘жена, женщина’ – мн.ч. гэрегчү:д ‘женщины’, эмген ‘старуха’ – эмегчү:д, бэре ‘сноха’ – бэрэ:чү:д ‘снохи’. На самом деле эти слова должны переводиться как ‘спе-

циалисты по женщинам, старухам и снохам' подобно тому, как слова төмерчү:д переводятся как 'специалисты по металлу, кузнецы', модчу:д 'плотники, специалисты по дереву'.

Аффикс -д употребляется для обозначения множественного числа имен существительных, оканчивающихся на гласный звук и согласный -н.

<u>ед.число:</u>		<u>мн.число:</u>
ду:н – голос, песня		ду:д
көвү:н – мальчик, сын		көвү:д
тэмә:н – верблюд		тэмә:д

А.Ш. Кичиков отрицает наличие аффикса -д в торгутском говоре (121, с.27), с чем, конечно, согласиться трудно. Аффикс -д имеется во всех калмыцких говорах и подговорах, однако степень употребительности его разная. В торгутском говоре этот аффикс пассивен и часто заменяется на -с. Будучи малоактивным в 'чистом виде' он нередко выступает в соединении с другими аффиксами, например, с -у:д (-ү:д), и образует двойное множественное число: хө:д ~ хө:дү:д 'овцы', өвгед ~ өвгедү:д 'старики', эмгед ~ эмгедү:д 'старушки'.

В старописьменном монгольском языке этому аффиксу соответствует -d, который употреблялся со словами, оканчивающимися на дифтонг и согласные -r, -n, -sun. Например, СПМЯ nöküür 'товарищ' – nöküüd, burqan 'бог' – burqad, modun 'дерево' – modud, balgasun 'город' – balgad, noqai 'собака' – noqad.

Аффикс -с употребляется для образования множественного числа имен существительных, оканчивающихся на гласный звук, например:

<u>единств.число:</u>		<u>множеств.число:</u>	
зэнге	-	'новость'	зэнгес
а:бы	-	'чашка'	а:быс
залу:	-	'мужчина'	залу:с
төгә:	-	'колесо'	төгә:с

В торгутском говоре это активный аффикс и часто подменяет аффикс -дербетского и бузавского говоров, а также звук [д] в дру-

гих аффиксах. Например, буз., дерб. көвү:д ‘мальчик’, торг., цаат. көвү:с, буз., дерб. эмгед ‘старухи’, үкермү:д, торг., цаат. эмгес, үкермү:с. Однако под влиянием литературного языка, существующей орфографии и сплошной грамотности населения чувствуется процесс нивелировки диалектных особенностей калмыцкого языка.

Аффикс -с соответствует старописьменному монгольскому -s, являющемуся, по словам Г.И. Рамстедта, древнейшим образованием в алтайских языках, с помощью которого образовалось множественное число от имен, оканчивающихся на гласный звук и на дифтонги (218, с. 57), например, žida ‘копье’ – židas, inži ‘приданое’ – inžis, süme ‘храм’ – sümes, žirmagai ‘малек, мелкая рыба’ – žirmagas, gaqai ‘свинья’ – gaqas. В СПМЯ аффиксы -s и -d употреблялись почти в одинаковых грамматических условиях, но со временем аффикс -s, видимо, чаще стал употребляться в торгутском говоре, а аффикс -d – в дербетском. Оба аффикса являются общекалмыцкими, хотя в современном языке по степени употребительности в том или другом говоре они выступают одним из дифференциальных признаков калмыцких говоров.

Следует отметить, что некоторые формы множественного числа старописьменного монгольского языка в калмыцких говорах воспринимаются как формы единственного числа и могут принимать аффиксы множественного числа. Например, СПМЯ nökür ‘товарищи’. В современных буз., дерб., торг. нөкед ‘товарищ’ – нөкедмү:д ‘товарищи’. СПМЯ païži ‘друг, приятель’ – païžinaг ‘друзья, приятели’, буз., дерб., торг. нэ:жи – нэ:жинер (также существует нэ:жи – нэ:хен). Форма нэ:днер (< païžinaг) в сочетании нэ:днер хэ:н обозначает ‘овцематка’. Обозначение овцы словом, связанным с человеком, да еще во множественном числе, показывает благоговейное отношение калмыков к овце.

## **Категория склонения имен существительных.**

### **Простое склонение**

В калмыцких говорах имена имеют три типа склонения: простое склонение, двойное и притяжательное. Притяжательное склонение бывает двух видов: лично-притяжательное и безлично-притяжательное, или возвратное. Падежные окончания произносятся и

воспринимаются неотделимо от основы, подчиняются закону гармонии гласных и зависят от открытости и закрытости основы. В заимствованных же словах, где отсутствует закон гармонии гласных, ориентируются, в основном, по твердости или мягкости последнего гласного в слове.

В калмыцких говорах и подговорах имеется девять падежей: именительный, родительный, дательно-местный, винительный, орудный, соединительный, совместный, исходный, направительный.

В старописьменном монгольском языке падежные аффиксы писались отдельно от склоняемого слова и не всегда подчинялись гармонии гласных, лишь завися от открытости и закрытости основы имени.

**Именительный падеж.** Имена существительные в этом падеже не имеют падежного аффикса и не утрачивают конечный -н, как это нередко наблюдается в современном монгольском языке. Исключения могут составить имена существительные во множественном числе, когда конечный -н перед аффиксами множественного числа часто выпадает, например, хө:н 'овца' – хө:д 'овцы', тэмэ:н 'верблюд' – тэмэ:д 'верблюды'. Именительный падеж является одним из консервативных падежей и часто совпадает с основой имени. Еще в старописьменном монгольском языке этот падеж не имел отличительной частицы и, как и в исследуемых говорах, служил основой для других падежных форм.

**Родительный падеж** имеет аффиксы -а: (-э:), -а:н (-э:н), -и:н, -ы:н, -н. Употребление этих аффиксов, как уже было сказано, зависит от конечного звука основы и сингармонической рядности. Так, формант а: употребляется со словами, оканчивающимися на согласный и относящимися к твердому ряду, например, бора:н 'метель' – бора:на 'метели', ызыр 'земля' – ызра 'земли', хошу:д – хошу:да: 'хошудский, хошуда', торьын 'шелк' – торьына: 'шелка'. Вариант -э: употребляется со словами переднего ряда, например, үкер 'корова' – үкрэ 'коровы', кэрмен 'белка' – кэрменэ: 'белки', цэрег 'войско' – цэргэ: 'войска', үвел 'зима' – үвлэ: 'зимы', дөрвэд 'дербет' – дөрвэдэ: 'дербета'.

Аффикс -а: -э: восходит к старописьменному -ай (-ой), -ей (-өй), встречавшемуся после согласных, и -най (-ной), -ней (-нөй), употреблявшемуся после гласных, например, дөү 'младший брат' –

дөүней, шанг 'казна' – шаңхай, базар 'земля' – базарай и пр. (44-а, с. 90-91).

Аффикс -а:, -э: более свойствен литературному языку, бузавскому, торгутскому говорам. В дербетском говоре старописьменные монгольские ай, -эй и др. развились одинаково независимо от сингармонизма в один долгий гласный -э:, который употребляется в словах обоих рядов, что является нарушением гармонии гласных, особенно в словах заднего ряда. Например:

буз.	дерб.	торг.	значения
ьосна:	ьоснэ:	ьосна:	сапога
зурымна:	зурымнэ:	зурымна:	суслика
баьуда:	баьудэ:	баьуда:	багудский

Наряду с аффиксом -а:, -э: в калмыцких говорах и подговорах наблюдается также формант -и (-и:), который принимают имена, оканчивающиеся на согласный -н. Этот формант используется для придания речи некоторой торжественности, книжности, т.е. употребляется в высоком стиле, например, ду:ни 'песни', модни 'дерева', мөрни 'коня', аду:ни 'табуна', өвесни 'травы'.

В старописьменном монгольском аффиксу -и (-и:) соответствует -и (-й), который также употреблялся со словами, оканчивающимися на -н, например, СПМЯ паган-и 'солнца', ејен-й 'господина', йпеп-й 'истины', буз., дерб., торг. нарни, эзни, үнни (44, с. 89). Старописьменный монгольский -и в калмыцких говорах, как и в литературном языке, утратил огубленность и выступает как неогубленный -и.

В калмыцком языке аффикс -и (-и:) употребляется не всегда оправданно.

Аффикс -а:н, -э:н употребляется со словами, оканчивающимися на краткий (неясный) гласный и согласный, кроме н, например, У:ш 'Убуш' – имя – У:ша:н, сары 'луна, месяц' – сара:н, Бадмы – имя – Бадма:н, үвел 'зима' – үвлэ:н. Этот аффикс является особенностью торгутского говора калмыцкого языка и цаатанского подговора.

Однако цаатанский подговор и торгутский говор не одиноки в монгольском мире, аффикс -а:н, -э:н встречается, правда, разной степени активности и продуктивности, в диалектах и говорах дру-



гих монгольских языков, например, в эхирит-булагатском и боханском говорах бурятского языка (37, с. 14) и в ордосском диалекте (231, с. 158).

Родительный падеж -а:н, -э:н в довольно активной форме наблюдается в языке донских калмыков-бузавов, напр., в словах типа мин'э:н 'мой', чин'э:н 'твой', в фамилиях Ушанов, Лиджанов, свидетельствуя о торгутском происхождении части бузавов.

Формант -а:н, -э:н, как считает А. Бобровников, образовался из конечной гласной основы плюс аффикс родительного падежа -ин, который принимали существительные, оканчивающиеся на краткие гласные, например, старописьменный калмыцкий эцэкэ 'отец' – эцэкэин, экэ'мать' – экэин (44, с. 88), торг. цаат. эцкэ:н, экэ:н. Формант -а:н, -э:н в торгутском говоре встречается параллельно с аффиксом -и:н, не уступающим по своей употребительности.

Формант -и:н употребляется во всех калмыцких говорах и подговорах в словах, оканчивающихся на согласные, кроме *н*, и неясные гласные, например, хаши 'двор, ограда' – хаши:н, бизендег 'паслен' – бизендги:н, борцы 'вяленое мясо' – борци:н, бэрэ:д 'молодухи' – бэрэ:ди:н, эмгед 'старухи' – эмгеди:н.

Формант родительного падежа -и:н соответствует старописьменному монгольскому *ин*, который писался отдельно от изменяемого слова, не гармонировал с ним по рядности, не имел соединительных согласных. Ср. СПМЯ *дем* 'помощь' – *дем-ин*, *ага* 'брат' *ага-ин*, *ганзуга* 'торока' – *ганзуга ин*, буз., дерб., торг. дэми:н, ахи:н, ьанзыьи:н.

Также этот аффикс принимают односложные слова, оканчивающиеся на неогубленные долгие гласные, при этом соединительный согласный носит межговорный отличительный характер. В бузавском и дербетском говорах встречается соединительный согласный [ь], а в торгутском – [г (реже -ь)], напр., буз., дерб. мэ: 'сельд' – мэ:ьи:н, Зэ: 'р. Урал' – Зэ:ьи:н, ша: 'ревматизм' – ша:ьи:н, торг., цаат. мэ:ги:н, Зэ:ги:н, ша:ги:н.

В словах же, оканчивающихся на огубленные долгие гласные, как и в словах, оканчивающихся на неогубленный гласный, встречается аффикс -н, например, эдл-аху: 'хозяйство' – эдл-аху:н, тому 'грипп' – тому:н, хаму: 'чесотка' – хаму:н, ср. торг. эдл-аху:ги:н, тому:ги:н, хаму:ги:н.

Родительный падеж также знает аффикс -н в многосложных словах, оканчивающихся на долгий гласный, кроме у:, ү:, например, көрә: 'пила' – көрә:н, зара: 'еж' – зара:н, көдә: 'степь' – көдә:н, төгә: 'колесо' – төгә:н, бура: 'лоза' – бура:н, така: 'курица' – така:н. Аффикс -н соответствует старописьменному монгольскому -п, который употребляется со словами, оканчивающимися на дифтонги, развившимися в современных калмыцких говорах в долгие гласные, ср. СПМЯ *dalai* 'море, океан' – *dalain*, *mogai* 'змея' – *mogain*, *gaqai* 'свинья' – *gaqain*, *Altai* 'Алтай' – *Altain*, калм. дала:н, моға:н, ыаха:н, Алта:н.

Слова же, оканчивающиеся на долгие огубленные гласные -у:, -ү:, в бузавском и торгутском говорах через соединительный согласный принимают аффикс -и:н, например нау: 'изъян' – нау:ги:н, баху: 'зоб' – баху:ги:н.

Дербетский же говор, как уже отмечалось, различия огубленных неогубленных долгих гласных не знает, везде используя аффикс -н.

Семантика родительного падежа широка и разнообразна, однако, если сказать кратко, то это выражение отношений между именами: родительный принадлежности, например, сурьу:льчи:н өдерле 'дневник ученика', отношения части и целого – модна: хамтха:сын 'листья дерева', родительный выделительный – нэге дөрөвнә: 'одна четвертая' и т.д.

**Дательно-местный** падеж не носит в себе диалектных различий и образуется при помощи аффиксов -ды, -де, -ты, -те.

Формант -ды, -де употребляется со словами, оканчивающимися на гласные и согласные, кроме в, г, р, с, д, ш, к, х, ч (121, с. 34), напр., хора: 'комната, перегородка' – хора:ды, дөрә: 'стремя' – дөрә:де, бэре 'сноха' – бэрде, гэрел 'свет' – гэрелде, агы 'навар' – агды, ыосын 'сапог' – ыосынды.

Формант -ты, -те присоединяется к основам, оканчивающимся на согласные г, р, если за ними нет неясных гласных, и согласные в, с, д, ш, к, х, ч независимо от того, есть ли за ними неясный гласный или нет, например, зөрег 'смелость, отвага' – зөрегте, бү:рег 'блоха' – бү:регте, хавыр 'весна' – хавырты, төмер 'металл, железо' – төмерте, зөв 'право' – зөвте, цав 'трапеца' – цавты, тарвыс 'арбуз' – тарвысты, бүс 'пояс, ремень' – бүсте, жиде 'пика' – жидте, ачи

‘внук’ – ачиты, деша ‘наковальня’ – деште, хош ‘стан’ – хошты, сүке ‘топор’ – сүкте, захы ‘воротник’ – захты, тэке ‘дикая лошадь’ – тэкте.

Формант -ды (-де) / -ты (-те) современных калмыцких говоров соответствуют старописьменному монгольскому -dur (-tur), который употреблялся со всеми словами независимо от сингармонической рядности, от открытости и закрытости основы и писался отдельно от склоняемого слова, по-видимому, и произносился отдельно, ср. СПМЯ тага ‘подкова’ – тага-dur, sibege ‘крепость’ – sibege-dur, serke ‘козел’ – serke-dur, буз., дерб., торг. тахты шивэ:де, сэркете.

Синтаксическая функция дательного падежа заключается в том, что имена в этом падеже служат в предложении косвенным дополнением, обстоятельством места и времени.

**Винительный падеж** образуется при помощи аффиксов -и:ге, -а:гы (-э:ге), -гы (-ге).

Формант -и:ге присоединяется к основам, оканчивающимся на неясные гласные и все согласные, например, буз., дерб., торг. торье ын ‘шелк’ – торье:ге, бэке ‘чернила’ – бэки:ге, сэге ‘навес’ – сэги:ге, мөңген ‘деньги’ – мөңги:ге, бэрсен ‘ферзь, дамка’ – бэрсин:ге.

Формант -и:ге в калмыцких говорах в положении перед лично-приятжательными частицами часто утрачивает слог -ге, ср. буз., дерб., торг. мөңги:ге ‘денег’ – мөңги:м ‘моих денег’ – мөңги:чи ‘твоих денег’ – мөңги:тен ‘ваших денег’; ьари:ге ‘руку’ – ьари:м ‘мою руку’ – ьари:чи ‘твою руку’ – ьари:нь ‘его руку’.

Аффикс винительного падежа -и:ге по отношению к калмыцким говорам является нейтральным, вернее, универсальным для всех говоров. Во отличие от него формант -а:гы (-э:ге) считается особенностью торгутского говора, хотя в дербетском говоре он также встречается, но частота употребления делает его отличительным признаком торгутского говора. Этот формант так же как и и:ге, присоединяется к основам, оканчивающимся на неясные гласные и все согласные, например, торг. нэген ‘один’ – нэгэ:ге, олын ‘много’ – ола:гы, хойир ‘два’ – хойра:гы, чи ‘ты’ – чама:гы, би ‘я’ – нама:гы, цуа:р ‘все’ – цуа:ра:гы, буз., дерб. нэги:ге, олы:гы, хойри:ге, но чама:гы, нама:гы, цуа:ра:гы.

Из приведенных примеров можно допустить, что формант -а:гы (-э:ге) наряду с -и:ге был свойствен всему калмыцкому языку, однако со временем изменилась частотность их употребления в разных говорах. За бузавским и дербетским говорами, в основном, сохранился формант -и:ге, а торгутский, как более консервативный, сохранил оба форманта -и:ге, -а:гы (-э:ге), использующиеся с одинаковой активностью.

Долгий гласный а: (э:) этого форманта можно объяснить сочетанием краткой гласной основы и долгого гласного [и:] форманта -и:ге. Н.Н. Поппе отмечает наличие аффикса винительного падежа -а:гы (-э:ге) в аларском говоре. Он утверждает, что основы, оканчивающиеся на краткий гласный, образуют винительный падеж при помощи аффикса -їе, долгий і которого сливается с конечным гласным основы, причем  $\ddot{a} >$  дает  $\ddot{a}$ ,  $\ddot{o} >$   $\ddot{o}$  и т.д.: екё 'мать' – екёје, ьүлгä 'ведро' – ьүлгäје. (201, с.81).

Основы на -н, если последний является устойчивым, образуют винительный падеж так же, как основы на согласный, например, Цаба:н – имя – Цаа:ни:ге; Эренжэ:н – имя – Эренжэ:ни:ге; мэрген 'стрелок' – мэргени:ге.

При неустойчивом -н последний утрачивается и винительный падеж образуется в зависимости от предшествующего гласного, т.е. как от основы на долгий или краткий гласный. Например, тэрген 'телега' – тэрги:ге, сэмжин 'внутренний жир, рубашка' – сэмжи:ге, ьунын 'трехгодовалый бычок' – ьуны:гы ~ ьуни:ге, чөлэ:н 'досуг' – чөлэ:ге.

Винительный падеж образуется также при помощи аффикса -гы (-ге), употребляемого после основ, оканчивающихся на долгий гласный и на -н, который имеет перед собой долгий гласный, например, шааа: 'альчик' – шааа:гы, та:ва: 'сковорода' – та:ва:гы, бүрү: 'бычок' – бүрү:ге, аду:н 'табун' – аду:гы, чолу:н 'камень' – чолу:гы, сэлэ:н 'село' – сэлэ:ге, тэрэ:н 'посев, хлеба' – тэрэ:ге.

При употреблении при имени в винительном падеже лично-притяжательных частиц м, чи (чин), тын (тен) и т.д. перед ними появляется соединительный гласный и:, ср. зура: 'план' – зура:гы 'плана' – зура:ги:м 'мой план' – зура:ги:чи 'твой план' – зура:ги:тен 'ваш план'; зара: 'еж' – зара:гы 'ежа' – зара:ги:м 'моего ежа' – зара:ги:чи 'твоего ежа'; тэрэ:н 'посев' – тэрэ:ге 'посева' – тэрэ:ги:м 'моего посева' – тэрэ:ги:тен 'вашего посева'.

Здесь возможно допущение двойного винительного падежа, когда основа последовательно принимает форманты: -гы (-ге) + -и:ге. При наращении лично-притяжательных частиц, как уже говорилось, формант -и:ге утрачивает слог -ге, оставляя долгий гласный [и:].

Аффиксам винительного падежа -и:ге, -гы (-ге) в СПМЯ соответствуют -i (после согласных), ji (после гласных), например, СПМЯ mündür 'град' – mündüri serel 'память, сознание' – sereli, sir 'краска' – siri, dösi 'наковальня' – dösjii, kete 'кремень' – keteji, kürene 'хорек' – küreneji, буз., дерб., торг. мөндри:ге, серли:ге, шири:ге, дөши:ге, кэти:ге, күрни:ге.

Особенности винительного падежа СПМЯ более или менее сохранились в бурятском языке, ср. бур. булан 'угол' – булангие, ьалхин 'ветер' – ьалхиие, түлээн 'дрова' – түлээе. В калмыцких же говорах формант винительного падежа -гы (-ге) имеет относительно позднее происхождение, он появился первоначально в словах, оканчивающихся на гласный вместо СПМЯ -ji и возник, видимо, после образования в этом аффиксе долгого гласного и редукции конечного гласного, а затем по аналогии с этим экспандировал на закрытые и другие слова. Об относительно позднем происхождении согласного [ɣ] в аффиксе винительного падежа свидетельствует тот факт, что он без ущерба для информации может исчезать перед местоименными частицами или просто так, ср. мөрен 'конь' – мөри:ге 'коня' – мөри:м 'моего коня', дахы 'доха' – дахи:ге 'доху' – дахи:м 'мою доху' – дахи:нь 'его доху'; чи 'ты' – чама:гы 'тебя' – чама: 'тебя', би 'я' – нама:гы 'меня' – нама:

Также следует отметить, что винительный падеж может образоваться без употребления какого-либо аффикса, совпадая при этом с именительным падежом, который также отличается отсутствием падежного показателя, например, үкер 'корова' – үкер 'корову', тахы 'подкова' – тахы 'подкову', гэр 'дом' – гэр 'дома'.

В подобных случаях винительный отличается от именительного тем, что в предложениях маркирует дополнение, а не подлежащее. Например: Кеер үкер идшлж йовна 'Корова пасется в степи', Көвүн үкер тууж йовна 'Мальчик гонит корову'.

При образовании безаффиксного, или неоформленного винительного падежа слова, оканчивающиеся на -н, в отличие от именительного, утрачивают этот конечный -н, ср.

имен. пад.

яма:н 'коза'  
ялмын 'тушканчик'  
кэрмен 'белка'  
тэрэ:н 'посев'

вин. пад.

яма: 'козу'  
ялмы 'тушканчика'  
кэрме 'белки'  
тэрэ: 'посев'.

В связи с этим следует еще раз отметить, что винительный падеж отличается некоторой независимостью от аффиксов: он может образоваться без какого-либо аффикса или утрачивать его в позиции перед лично-притяжательными частицами, или утрачивать его независимо от комбинаторно-позиционных условий, например, чама: 'тебя' вм. чама:гы, нама: 'меня' вм. нама:гы.

Как нам представляется, винительный неоформленный чаще применим в торгутском говоре, в то время как дербетский говор зачастую прибегает к винительному оформленному. Но это суждение основано на мало уловимых особенностях.

**Орудный падеж** в калмыцких говорах в основном образуется при помощи аффиксов -а:р (-э:р), -һа:р (-гэ:р ~ Һэ:р).

Формант -а:р (-э:р) употребляется со всеми основами, оканчивающимися на все согласные и неясные гласные, например, күрзе 'лопата' – күрзэ:р 'лопатой'; хог 'сор, мусор' – хога:р 'мусором'; то:рцыг 'тюбетейка' – то:рцыга:р 'тюбетейкой', зэңге 'весть' – зэңгэ:р 'вестью'; төре 'проблема' – төрэ:р 'проблемой'.

Этот формант употребляется также с основами на неустойчивый -н, имеющий перед собой неясный гласный, например түрсен 'икра' – түрсэ:р 'икрой', гилевсен 'чешуя' – гилевсэ:р 'чешуей', киревтен 'шпагат' – киревтэ:р 'шпагатом'.

Формант -һа:р является вариантом -а:р, употребляемым с соединительным согласным. Его принимают основы на долгие гласные и на неустойчивый -н с предшествующим долгим гласным, например, така: 'курица' – така:һа:р 'курицей', баху: 'зоб' – баху:һа:р 'зобом', чолу:н 'камень' – чолу:һа:р 'камнем'.

В словах мягкого ряда употребляется формант -гэ:р (-һэ:р), например, тэрэ:н 'хлеба' – тэрэ:гэ:р ~ тэрэ:һэ:р 'хлебами', дэрэ: 'стремя' – дэрэ:гэ:р ~ дэрэ:һэ:р 'стремением', бүрү: 'бычок' – бүрү:һэ:р 'бычком'. Аффиксы орудного падежа имеют межговорные отличия, различаются и соединительные согласные. В дербетском го-

воре употребляется в качестве соединительного согласного проточный вулярный -ь-, в то время как в торгутском превалирует заднеязычный смычный согласный -г-.

Аффиксы орудного падежа калмыцких говоров соответствуют аффиксам орудного падежа СПМЯ *jar (jer)* после основы на согласный, *bar (ber)* – после основы на гласный и дифтонг, ср. СПМЯ *bilegü* ‘точило, брусок’ – *bilegü -ber* ‘точилом, бруском’, *del* ‘грива’ – *del -jer* ‘гривой’, *namur* ‘осень’ – *namur-jar* ‘осенью’, *žalagu* ‘муж, мужчина’ – *žalagu -bar* ‘мужем, мужчиной’, буз., дерб., торг. *бүлү:гэ:р*, *дэлэ:р*, *намра:р*, *залу:һа:р*.

В образовании орудного падежа торгутский говор последовательно следует за другими монгольскими языками и диалектами. Дербетский же говор, помимо общемонгольского -а:р (-э:р), в орудном падеже может иметь еще аффикс -у:р (-ү:р).

Известно, что орудный падеж на -а:р (-э:р) указывает на орудие действия, на материал и стоимость, на место, время и образ действия, например, *тэ:гэ:р* ‘по степи, степью’, *Элисте:р* ‘через Элисту’, *на:һа:р* ‘по этой, ближней стороне’, *хо:рында:һа:р* ‘по середине, между’, *халһа:р* ‘дорогой, по дороге’, *уса:р* ‘водой, по воде’, *жимэ:р* ‘по тропинке, тропой’, *чаңһа:р* ‘сильно’, *шүрү:тэ:һэ:р* ‘сильно, резко’. В дербетском говоре эти слова могут иметь форму *тэ:гү:р*, *Элистү:р*, *на:һу:р*, *хо:рында:һу:р*, *чаңһу:р* и т.д.

Семантику орудного падежа (обозначение места и образа действия) А.Ш. Кичиков относит к направительному падежу (121, с.41), что представляется не совсем оправданным. Отнесение локального значения к направительному Г.Д. Санжеев также считает несправедливым и выделяет его в особый неопределенно-местный, или расширительно-местный падеж. (231, с. 176). По его мнению, местный и дательно-местный падежи отличаются от неопределенно-местного тем, что они указывают на место точно, как бы мысля его в одной точке, а не приблизительно и не по линии.

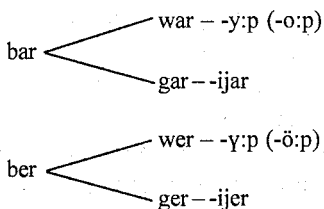
Конечно, найти объект, если известно, что он находится в степи (*тэ:гте*), так же трудно, как невозможно определить путь, если сказать: *тэ:гү:р* (или *тэ:гэ:р*) иррев ‘я приехал по степи, я приехал степью’. Поэтому вряд ли дательно-местный ‘указывает на место точно’, скорее он просто указывает на место. Когда говорят: ‘*тэ:гте*’ – ‘в степи’, то имеется в виду вся степь, аналогично ‘*ту:ндыр-*

ты' – 'в тундре' (также подразумевается вся тундра, а не какая-то определенная точка).

Орудный падеж в отличие от дательного-местного, который несколько пассивно указывает на место, обозначает не только место, но и предполагает какое-то действие. А. Бобровников утверждает, что посредством этого окончания (-у:р, -ү:р) образуются частицы, описывающие путь, по которому совершается движение или образ действия (44, с. 191-192).

Г.И. Рамstedт аффиксы орудного падежа -bar, -gar, -ijar относит к более древней форме \*-war, а -ber, -ger, -ijer возводит к форме \*-wer и в свою очередь древнейшим из них считает -wer (218, с. 54).

В сущности, соглашаясь с Г.И. Рамstedтом, можно предложить несколько иной вариант решения. Поскольку в монголистике историческая фонетика не знает перехода  $w > b$ , но в то же время часты случаи перехода  $b > w$ , возможно предположение, что -war, -wer развились соответственно из -bar и -ber и составляют параллель с -gar, -ijar и -ger, -ijer. Схематически это можно передать так:



Торгутский говор, видимо, раньше также имел в орудном падеже аффикс -у:р (-ү:р). Об этом свидетельствуют уже омертвевшие формы: дэ:гү:р 'надменный, гордый', сары 'луна, месяц' – сару:л 'лунный, светлый'. Да и приведенная выше схема и СПМЯ форма -bar (-ber) говорят об общих исходных корнях формантов орудного падежа калмыцких говоров. Поэтому расхождения в употреблении аффиксов -у:р (-ү:р), -а:р (-э:р) не являются исконными. Торгутский говор утратил огубленный вариант аффиксов орудного падежа, сохранив отдельные реликтовые слова (дэ:гү:р и др.), закрепив за этим падежом только один аффикс -а:р (-э:р). Дербетский же говор сохранил огубленный и неогубленный варианты аффикса орудного падежа. Однако с появлением направительного падежа с аффик-



сом -у:р (-ү:р) (< уру: 'вниз') и в связи с внешним сходством, омонимичностью аффиксов орудного и направительного падежей функции орудного падежа на -у:р (-ү:р) стали механически приписывать направительному падежу, сохранив за орудным только вариант на -а:р (-э:р). Произошло смешение падежей, хотя по функции, по значению они совершенно расходятся.

Если имя в орудном падеже отвечает на вопросы кэнэ:р? 'кем?', йу:на:р? 'чем', альдаа:р ~ альдау:р? хамаа:р ~ хамау:р? 'где, по какому месту?', то имя в направительном падеже в калмыцких говорах отвечает на вопросы кэнэ:д ~ кэнү:р? 'к кому?', йу:на:д ~ йу:ну:р 'к чему?'.

**Соединительный падеж** в калмыцких говорах образуется при помощи аффикса -ла: (-лэ:), который употребляется со всеми основами, например, ахы 'брат' – ахла: 'с братом', эке 'мать' – эклэ 'с матерью', Саныл (имя) – Санылла: 'с Саналом', ту:ла: 'заяц' – ту:ла:ла: 'с зайцем', түнге 'корень' – түнглэ: 'с корнем'.

Аффикс -ла: (-лэ:) в СПМЯ соответствует форманту -luga (-lüge), употребляющемуся со всеми основами, ср. СПМЯ qonin 'овца' - qonin -luga 'с овцой', imagan 'коза' - imagan -luga 'с козой', gürügesün 'сайгак' - gürügesün -lüge 'сайгаком', modun 'дерево' - modun -luga 'с деревом', буз., торг. хө:нлэ:, яма:нла:, гөрэ:сенлэ:, модынла:, дерб. хө:нлэ:, яма:нлэ:, гөрэ:сенлэ:, модынлэ:.

Соединительный падеж не требует усечения основы, как это наблюдается при образовании винительного падежа. В соединительном падеже сохраняется даже неустойчивый -н, ср. мөрэн 'конь' – мөрэнлэ: 'с конем', ө:мсен 'валенные чулки' – ө:мсенлэ: 'с валенными чулками'.

В данном падеже торгутский и бузавский говоры строго соблюдают сингармонизм и с одинаковой частотностью используются и вариант -ла:, и вариант -лэ:, восходящие к -luga ~ -lüge.

В дербетском же говоре со всеми основами употребляется только формант -лэ:, восходящая к СПМЯ -lüge, например, мөрэнлэ: 'с конем', модынлэ: 'с деревом', ьосынлэ: 'с сапогом'.

Семантика аффикса -ла: (-лэ:) – совместность, одновременность, соучастие в действии – не всеми носителями калмыцких говоров четко и ясно воспринимается, и в разговорной речи они нередко подменяют аффиксом -та: (-тэ). Одновременность (одно-

моментность) совершения действия также не совсем четко понимается. Например, хойир часла: 'в два часа'. Хурыг хойир часла: эклэ:д, хойир часты болвы. 'Собрание в два часа началось и длилось два часа'.

Калмыцкие говоры также знают *совместный падеж*, который образуется при помощи аффикса -та: (-тэ:), присоединяемого ко всем основам, оканчивающимся как на гласный, так и согласный, например, дэвел 'шуба' – дэвелтэ: 'с шубой, имеющий шубу', кэрсен 'бурьян' – кэрестэ: 'с бурьяном', мөндер 'град' – мөндертэ: 'с градусом', зала: 'кисть' – зала:та: 'с кистью', занчи 'бурка' – занчита: 'с буркой', тахы 'подкова' – тахта: 'с подковой'.

Имя в совместном падеже отвечает на вопросы кэнтэ:? 'с кем?', йу:та:? 'с чем?'. Первый из этих вопросов, касающийся разумного существа, человека, содержит конечный -н (кэн? 'кто?') и предполагает сохранение конечного -н в склоняемом слове независимо от говорных особенностей, например, Яма:н – имя – Яма:нта: 'с Яманом', Хөрен – имя – Хөрентэ: 'с Хорином', Кэрмен – имя – Кэрментэ: 'с Керменом'. Второй вопрос йу:та? (< йу:н?) 'с чем?' утратил свой конечный -н и предполагает утрату его в склоняемом слове, например, мөсен 'лед' – мөстэ: 'со льдом', тосын 'масло' – тоста: 'с маслом', мөңген 'деньги' – мөңгетэ: 'с деньгами'. В зависимости от вопроса совместный падеж может то сохранять, то утрачивать конечный -н склоняемого слова.

Аффикс совместного падежа -та: (-тэ:) можно назвать аффиксом обладания, он обозначает то, чем владеют, например, улан залата така 'курица с красным гребнем', хар бэктэ ручк 'ручка с черной пастой'. Аффикс -та: (-тэ:) калмыцких говоров соответствует СПМЯ -tai (-tei, -toi), который наряду с -luga (-lüge) считается аффиксом соединительного падежа (44, с. 98-99). Алексей Бобровников не различает эти два падежа. Такое слабое разграничение этих падежей в какой-то мере сохранилось до наших дней. Имя с аффиксом соединительного падежа -ла: (-лэ:) обозначает соучастника при выполнении какого-либо действия (Ахла: кү:ндхе 'разговаривать с братом'). Аффикс же совместного падежа -та: (-тэ:), как уже упоминалось выше, имеет значение обладания, владения чем-либо: ахта: 'с братом (имеет) брата'.

В разговорном языке вместо вопроса йу:та: ‘с чем?’ нередко употребляется комбинированный вопрос йу:нта (йу:нла+йу:та), но имеющий значение соединительного падежа.

Бузавский и торгутский говоры соблюдают гармонию гласных при употреблении аффикса совместного падежа -та: (-тэ:). Дербетский же говор в обоих сингармонических рядах пользуется только формой -тэ: (модтэ:, уга:тэ:, гэртэ:).

**Исходный падеж** в калмыцких говорах образуется при помощи аффикса -а:сы (-э:се), который, указывая на исходную (отправную) точку движения, обозначает также время, материал, из которого сделан предмет, соответствует предлогам русского языка из, с, от, за и другие.

Формант -а:сы (-э:се) употребляется с основами на все согласные и неясные гласные, например, балыьсын ‘город’ – балыьсына:сы ‘из города’, хотын ‘селение’ – хотна:сы ‘из селения’, модын ‘дерево’ – модна:сы ‘из дерева’, гэре ‘дом’ – гэрэ:се ‘от дома’, тэрме ‘решетка’ – тэрмэ:се ‘за решетку’.

Основы на долгий гласный перед аффиксом исходного падежа принимают соединительный согласный -ь-, -г-, отчего аффикс принимает вид -ья:сы (-ьэ:се), -га:сы (-гэ:се), например, хала: ‘жесть’ – хала:ья:сы ~ хала:га:сы ‘из жести’, бура: ‘лоза’ – бура:ья:сы ‘из лозы’, дөрэ:ья:се ~ дөрэ:гэ:се ‘из лестницы’.

Аффикс исходного падежа калмыцких говоров соответствует аффиксу исходного падежа СПМЯ -еёе, который употреблялся со всеми основами, ср. СПМЯ qagan ‘хан’ – qagan -еёе ‘от хана’, sara ‘луна’ – sara -еёе ‘от луны’, qurugun ‘палец’ – qurugun -еёе ‘из пальца’, erken ‘порог’ – erken -еёе ‘от порога’, буз., дерб., торг. ха:на:сы, сара:сы, хурьына:сы, эркенэ:се.

Бузавский и торгутский говоры, соблюдая гармонию гласных, используют оба варианта аффикса: -а:сы, -э:се. Дербетский говор старается во всех словах употребить мягкорядный вариант -э:се.

Соединительные согласные -ь-, -г-, как всегда, имеют межговорные признаки: ь – в основном, присущ дербетскому говору, г – торгутскому.

Имя в **направительном падеже** в калмыцком литературном языке отвечает на вопросы кэнү:р? ‘к кому?’, йу:нур ‘к чему’, альдара:н? ‘куда?’, хамара:н? ~ ха:ра:н? ‘куда’. Данный падеж образуется при помощи форманта -у:р (~ ү:р), присоединяемого к основам

на конечный согласный и неясный (редуцированный) гласный, например, мөрөн 'лошадь' – мөрнү:р 'к лошади', арыслыңг 'лев' – арыслыңгу:р 'ко льву', ьол 'река' – ьолур 'к реке', ү:ден 'дверь' – ү:днү:р 'к двери', но сурьуль 'образование' – сурьулю:р 'к образованию', тоти 'попугай' – тотю:р 'к попугаю'.

Формант -ьу:р (ьү:р), -гу:р (-гү:р) принимают основы на долгий гласный: дөрэ: 'лестница' – дөрэ:ьу:р ~ дөрэ:гү:р 'к лестнице', Кару (имя) – Кару:ьу:р ~ Кару:гу:р 'к Кару', сава: 'палка' – сава:ьу:р ~ сава:гу:р 'к палке', кэрэ: 'ворона' – кэрэ:ьу:р ~ кэрэ:гү:р 'к вороне'.

Как уже не раз говорилось, соединительный -ь – чаще является показателем принадлежности к дербетскому говору, -г – к торгутскому, хотя -г – перед аффиксом, к присоединяемым основам на согласный -ң не носит межговорный характер, например, көвөң 'вата' – көвөңгү:р 'к вате', довың 'холм' – довыңгу:р 'к холму', да:лиң 'сума' – да:лиңгу:р 'к суме'.

В СПМЯ калмыцкому -у:р (-ү:р) соответствует urugu, который писался отдельно от склоняемого слова, не зависел от гармонии гласных, от открытости и закрытости основы, например СПМЯ күтүн 'человек' – күтүн urugu 'к человеку', сақал 'борода' – сақал urugu 'к бороде', ағула 'гора' – ағула urugu 'к горе', теңгі 'небо' – теңгі urugu 'к небу', – буз., дерб. кү:нү:р, сахлу:р, у'лу:р, тэңгү:р.

Г.Д. Санжеев направительный падеж относит к разряду ограниченного распространения и формант -рү ~ -рү̄ представляет как усеченную форму послелога-наречия урү 'к, вниз по'. Направительный усеченной формы он считает известным почти всем монгольским языкам и диалектам, кроме классического, например, бур. голрү 'вниз по реке, к реке'; халхаск. хадрү 'к скалам', усрү 'в воду'. Когда Г.Д. Санжеев говорит 'почти о всех монгольских языках и диалектах', кажется, он не включает калмыцкие говоры и отмечает ойратские диалекты уже в связи с формантом -үр ~ үр̄.

Однако, как кажется, калмыцкие говоры разделили судьбу других монгольских языков и диалектов и когда-то имели аффикс -рү ~ -рү̄. Об этом свидетельствуют омертвевшие формы на:ра:н 'сюда, ближе', ца:ра:н 'туда, дальше', которые А.М. Позднеев передает как на:ру, ца:ру. Сюда же, кажется, можно отнести ардара:н 'назад, на север', хора:н 'назад', өмэрэ:н 'вперед, на юг', ура:ла:н 'вперед',

игэрэ:н 'сюда', тигэрэ:н 'туда', хамара:н? ~ ха:ра:н? 'куда?', альдара:н? 'куда?' и другие словоформы, которые являются общекалмыцкими, не относящимися к тому или иному говору. То, что подобные слова, формы в сознании носителей языка нисколько не связываются с направительным падежом, говорит о том, что они очень давно пережили направительный падеж на -рӯ ~ -рӯ̄. Возможно, этому способствовало то, что предки калмыков когда-то имели свою письменность, свой литературный язык (164, с. 19-31).

В приведенных выше словах следы направительного падежа прослеживаются внутри основы на гласный. В закрытых основах на согласный, вероятно, этого нет. Это же наблюдается в других монгольских языках, в которых формант рӯ, рӯ̄ произносился отдельно от склоняемого слова, отчего некоторые ученые предлагают писать его отдельно (231, с. 176).

Затем калмыцкие (ойратские) говоры стали использовать более удобопроизносимый формант -у:р, -ү:р, восходящий также к СПМЯ уругу. Формант -у:р, -ү:р оказался универсальным как для открытых, так и закрытых основ. Он легко и свободно произносился вместе со склоняемым словом как одно единое целое. Таким он сохранился в современном калмыцком дербетском говоре. Универсальность, легкость произношения -у:р, -ү:р, надо думать, и позволили Г.Д. Санжееву назвать данный падеж 'собственно направительным падежом'.

Схему развития форманта направительного падежа в калмыцких говорах можно представить в виде уругу > урӯ > рӯ (рӯ̄) ~ -у:р (-ү:р).

Формант направительного падежа -у:р (-ү:р) является особенностью дербетского и бузавского говоров. В дербетском говоре это очень активный и широкораспространенный аффикс. Он часто используется в значении дательного падежа, например, буз., дерб. гэрү:р 'к дому' — гэрү:р орхы 'войти в дом', школур 'к школе' — школу:р орхы 'войти в школу' вм. лит. гэрте орхы, школды орхы.

Формант -у:р (-ү:р) в дербетском говоре нередко используется в функции орудного падежа, например, тэгү:р 'по степи', ө-моду:р 'по лесу'; лит. тэ:гэ:р, ө-мода:р.

Формант -у:р (-ү:р) в функции орудного исторически, видимо, был свойствен всему калмыцкому языку, например, в торгутском

говоре наблюдаются омертвевшие формы: дэ:гү:р 'высокомерный', сару:л 'светло', арһу:л 'тихо, медленно'.

Наряду с указанным формантом -у:р (-ү:р) калмыцкие говоры имеют другой аффикс направительного падежа – -а:ды, -э:де, употребляющийся с основами на согласные и неясные гласные, например, ү:ден 'дверь' – ү:днэ:де 'к двери', тэвце 'полка' – тэвцэ:де 'к полке', эрег 'берег' – эргэ:де 'к берегу', ирвес 'тигр' – ирвэсэ:де 'к тигру'.

Направительный падеж на -а:ды (-э:де) употребляется иногда, как и направительный на -у:р (-ү:р), в функции дательного падежа, например, гэрэ:де орхы 'войти в дом' в м. гэрте орхы; хотна:ды ору:лхы 'загнать во двор', в м. хотынды ору:лхы.

А.Ш. Кичиков предполагает, что формант -а:ды (-э:де) 'мог произойти путем присоединения аффикса дательного падежа -ды (< ду) к древнейшему показателю местного падежа -а: ~ -е:' (121, с.40).

С таким предположением вполне можно было бы согласиться, тем более что понятие направленности движения в СПМЯ часто передавалось дательно-местным падежом. Однако, как известно, образование аффикса направительного падежа -у:р (-ү:р) восходит к послелогу-наречию ugugu > урү 'к вниз по чему-либо'. (231, с.175, 225; 36а, с. 8).

Подобно этому аффикс -а:ды (-э:де), как думается, восходит к СПМЯ послелогу-наречию ögede > ө:де 'вверх, к, который является антонимом урү, например, ugula ögede 'на гору, к горе', modun ögede 'к дереву', gol ögede 'к реке'.

Направительный падеж на -а:ды (-э:де), вернее ө:де, нашел отражение в словаре Г.И. Рамстедта (218а, с. 288).

Г.Д. Санжеев пишет, что антонимом описанного выше уруг – уруу 'вниз' является наречие-послелог ögede, бур. өөдэ, халхаск. өөд, ордос. öдö, ойратск. ööd 'вверх, в' (по направлению снизу), который в сочетании с глаголом бол=~боло= 'стать, сделаться' образует речение өөде болхы со значениями: 1. 'умереть' (т.е. подняться в небеса), 2. 'поправляться, отправиться' (после болезни, разорения и вообще бедствия) и 3. 'подняться с места'. Автор приводит и другой пример: классич. ögede үгей, халхаск. өөдгүй, бур. өөдэгүй 'бесперспективный, безнадёжный; такой, который не оп-

равится, на которого нечего рассчитывать; такой, из которого ничего не получится' (213, с. 226). Все эти слова также можно отнести и к калмыцким говорам.

Г.Д. Санжеев отмечает наличие послелога *өөде* в халхаском, ордоском, ойратском (СПКЯ), классическом и бурятском языках. В этих языках *өөде* еще сохраняет форму и функцию послелога. В торгутском говоре он, кроме послеложной функции, выполняет роль падежного аффикса. При этом он утратил огубленность гласного *өө* и подчиняется гармонии гласных, чего нельзя сказать о послелоге.

В Большом академическом монгольско-русском словаре (47а, с. 31) также отмечается двойное употребление *өөд*: послелог в значении 'вверх, наверх, выше, к, на, по, в' в разговорной речи часто превращается в аффикс '-аад, -ээд, -оод, -өөд': *наад өөд хар* 'смотри на меня', *салхи өөд* 'против ветра', 'на ветер'. В «Калмыцко-русском словаре» (109а, с. 419) также зафиксирован переход послелога *өөде* в -а:ды (-э:де).

Г.Д. Санжеев, признавая абстрактное значение *уруу* 'к', вообще, отрицает общее значение направления у *өөде* (213, с. 226). Конечно, он мог не знать о падежном аффиксе -а:ды (-э:де) в торгутском говоре с общим значением 'к', например, *гэрэ:де* 'к дому', *нүкнэ:де* 'к яме', *тэнгрэ:де* 'к небу' или просто не связывал -а:ды (-э:де) с *өөде*.

Общее значение 'к' не зависит от статуса *өөде* (послелог или падежный аффикс), ср. халхаск. *үхэх илжиг чонын ам өөд* 'осел, которому суждено погибнуть, лезет волку в пасть' (54а, с. 94), калм. *хувцта күн хүрм өөд* 'имеющий одежду – да на пир' (256б, с. 190).

Послелог *өөде* наравне с *уруу* издавна употребляется в монгольских языках для обозначения направленности движения. Подтверждением этому служит наличие его в монгольской исторической хронике 1240 года 'Сокровенное сказание монголов', например, *ciledu... Onan-muren oede dutaaba*. 'Чиледу умчался вверх по Онану-реке' (§ 55) *Kerulen-muren huruu erin otba* 'отправился вниз по Керулен-реке'. (§ 94) *Erkin oede ino anburu daariju* 'На знатных нападая' (§ 105) *qutuq oede ino ququru daariju* 'напав на святыни, разметать' (§ 105). В последних двух примерах послелог имеет значения 'на', 'к', которые не связаны с движением вверх.

Послелог *өөдө* в значении направленности действия активно употребляется в калмыцком героическом эпосе 'Джангар', например,

Арвн хойр сүрәнъ  
Амн өбд деврэд,  
Арвн цагъан хургънъ  
Альхн талнь уумлдэд ирв.

'Двенадцать отваг его  
Ко рту его подступили  
Десять пальцев его  
К ладони спешно собрались'.  
(стр.138, 101, 28, 37, 325)

Амргин хар цурхин бийнь  
Алгн туңьлг дала өөдән  
Булхад орад одв

'А исполинская черная щука  
нырнула и ушла  
в прозрачные воды океана'.  
(101a, с.353)

Эзн Жаңьртагъан хойрулн  
Хар Кинэсин дән өөд орад ирв.

'Вдвоем с господином Джангаром  
приехали на бой с Кара Кинесом'.  
(101a, с.355)

Здесь послелог *өөд* имеет общее значение направления, без топографического оттенка 'вверх'.

Как уже говорилось, оба послелога, оба форманта встречаются с одинаковой частотностью и в 'Сокровенном сказании', и в эпосе 'Джангар'.

В высоком стиле современного литературного языка вместо ожидаемой общепризнанной литературной формы на -у:р (-ү:р) иногда употребляется послелог *өөдө*. Так, например, народный поэт Калмыкии Сян-Белгин Хасыр употребляет этот послелог, когда хочет передать торжественность, важность описываемого события:

Ниинцъу  
негнэ төлэ  
Ниидэр  
амулгин төлэ  
Тенгр өөд  
күнд ьаран  
Тег дундан  
кошн өргнэв

За дружное  
единство  
За всеобщее  
спокойствие  
К небу  
тяжелую руку свою  
Среди степи я  
до онемения подниму.  
(239, 153)



Другой народный писатель Константин Эрендженов, тонкий знаток языка, пишет: 'Чееж бийнь теңгр өөд нисэд, ууц бийнь ызрт унад...' 'грудная часть улетела на небо, задняя – на землю упала' (279а, с.101).

Из всего сказанного вытекает, что аффиксы направительного падежа являются очень древними, не уступающими по возрасту другим падежным формам. Следует отметить, не все падежные формы в ходе языкового развития были изучены одновременно.

В современном торгутском говоре основы, оканчивающиеся на гласный, не принимают форманта -а:ды (-ә:де). Слова на гласные сочетаются с послелогом тал, например, ноха: 'собака' – ноха: тал 'к собаке', дөрэ: 'лестница' – дөрэ: тал 'к лестнице', өргэ: 'дворец' – өргэ: тал 'ко дворцу', мэклэ: 'лягушка' – мэклэ: тал 'к лягушке'.

### Двойное склонение имен существительных

Кроме простого склонения калмыцкие говоры знают также двойные падежи, которые образуют двойное склонение, при котором склоняемой основой является не именительный падеж, как при простом склонении, а какой-либо косвенный падеж, который, принимая аффиксы другого падежа (падежей), образует двойное (тройное) склонение.

Наиболее активным в образовании двойного склонения в калмыцких говорах является родительный падеж, который может принимать аффиксы всех остальных косвенных падежей и даже может образовать двойной родительный падеж, например, ахы 'брат' – ахи:н 'братьев, братний' – ахи:нэ 'брата, братьев, братний'. В силу своей активности родительный падеж как бы является основой двойного склонения и часто передает значение принадлежности чего-либо кому-, чему-либо, выраженное основой склоняемого слова. При этом наслаивается дополнительное значение, присущее другим падежам, форманты которых присоединяются к форманту родительного падежа, например,

Род.	күрегнэ:	үкри:н
Дат.	күрегнэ:де	үкри:нде
Вин.	күрегнэ:ге	үкри:ни:ге

Оруд.	күрегнэ:гэ:р	үкри:нэ:р
Соед.	күрегнэ:лэ	үкри:нлэ:
совм.	күрегнэ:тэ	үкри:нтэ:
исход.	күрегнэ:гэ:се	үкри:нэ:се
напр.	күрегнэ:гү:р	үкри:нү:р.

Другим наиболее продуктивным в образовании двойного склонения в калмыцких говорах является совместный падеж, который также может сочетаться почти со всеми косвенными падежами, например,

род.	мөртэ:н	мөнгтэ:н
дат.	мөртэ:де	мөнгтэ:де
вин.	мөртэ:ге	мөнгтэ:ге
оруд.	мөртэ:һэ:р	мөнгтэ:һэ:р
соед.	мөртэ:лэ:	мөнгтэ:лэ:
совм.	мөртэ:тэ:	мөнгтэ:тэ:
исход.	мөртэ:һэ:се	мөнгтэ:һэ:се
напр.	мөртэ:һү:р	мөнгтэ:һү:р

Следующим по степени активности образования двойного склонения является дательно-местный падеж, который часто образует двойной дательно-местно-исходный падеж, например, энде 'здесь' — эндэ:се 'отсюда', тэнде 'там' — тэндэ:се 'оттуда', көкенде 'в грудях' — көкендэ:се 'из грудей'. Дательно-местно-исходный падеж передает 'значение из, изнутри чего-либо (сосуда, помещения, объекта и т.д.)'.

Образование двойного склонения от остальных падежей менее продуктивно и носит спорадический характер. Могут встречаться образования следующего типа: хойра:һа:рын 'обоими, двумя' (вин.-оруд.), хойра:һа:сын 'из двоих, от обоих' (вин.-исх.), цугта:һа:сын 'со всех' (совм.-вин.-исх.), цуһа:ра:һа:сын 'со всех' (оруд.-вин.-исх.), гэр тала:сын 'со стороны своего дома, от своего дома' (направ.-исх.), гэр тала:һа:рын 'со стороны своего дома; по той стороне, где дом' (напр.-вин.-оруд.).

В СПМЯ двойное склонение также имело место. Так, в 'Сокровенном сказании монголов' можно встретить следующие выражения: *tore-deče qaqašaba!* 'расстался я с властью!' (дат.-мест.-исх.); *Uyile-deče hiriceba bi* 'долг я отверг!' (дат.-мест.-исх.) (128, § 178),

Altan büse – in qorqı – dača ‘от пряжки золотого пояса’ (дат.-мест.-исх.) (128, § 238).

Ал. Бобровников из двойных падежей отмечает только родительный-исходный, родительный-местный и местный-исходный падежи (44, с. 195, 196, 197). Нет уверенности, что число двойных падежей в СПМЯ и СПКЯ ограничивалось только названными падежами, однако увеличение числа двойных падежей, как и правомерность выделения их в особый разряд ‘двойное склонение’, вполне оправданно, тем более, что с развитием двуязычия появляется необходимость находить соответствия сложным приставкам (префиксам) русского языка типа из-за, из-под, по-над, изнутри и др.

Двойное склонение калмыцких говоров не имеет диалектных, межговорных особенностей, отличных от простого склонения, о которых уже говорилось выше.

### Лично-притяжательное склонение

Говоры калмыцкого языка знают также лично-притяжательное склонение, особенность которого заключается в том, что к падежным формантам присоединяются еще лично-притяжательные частицы, выражающие принадлежность предмета тому или иному лицу, например, дэгтер ‘книга’ – дэгтерем ‘моя книга’ – дэгтерчин ‘твоя книга’ – дэгтерень ‘его книга’ – дэгтертен ‘Ваша книга’ – дэгтермиден ‘наша книга’. Каждая частица соответствует местоимению определенного лица, так, частицы единственного числа -минь, -м соответствуют притяжательному местоимению первого лица мини ‘мой’. Частица -чи ~ -чин восходит к притяжательному местоимению чини ‘твой’. Частица -нь ~ -ни соответствует историческому притяжательному местоимению третьего лица ину ‘его, их’.

Частица -миден соответствует притяжательному местоимению первого лица множественного числа -мадна ~ мана ‘наш’. Частица -тен ~ -тын соответствует местоимению второго лица мн. числа – тана ‘ваш’. Частица -нь ~ ни соответствует историческому притяжательному местоимению третьего лица ину ~ ану ‘они’.

Употребление лично-притяжательной частицы наблюдается во всех падежах, ср.:

им.	үкерчин	‘твоя корова’
род.	үкри:нчин	‘твоей коровы’
дат.	үкертчин	‘твоей корове’
вин.	үкри:чин	‘твою корову’
оруд.	үкрә:рчин	‘твоей коровой’
соед.	үкерлә:чин	‘с твоей коровой’
совм.	үкртә:чин	‘с твоей коровой’
исх.	үкрә:счин	‘от твоей коровы’
напр.	үкрү:рчин	‘к твоей корове’.

Местоименные частицы -м, -минь, -миден, -нь употребляются со всеми основами – на долгий, неясный гласный и согласный. К основам на гласный они присоединяются без изменений, при этом сохраняются неясные гласные конца слов, ср. така: ‘курица’ – така:м ~ така:минь ‘моя курица’ – така:миден ‘наша курица’ – така:нь ‘их, его курица’; тэке ‘козел’ – тэкем ~ тэкеминь ‘мой козел’ – тэкемиден ‘наш козел’ – тэкень ‘их, его козел’.

При присоединении к основам на согласный перед частицами появляются соединительные (неясные) гласные, например, гэр ‘дом’ – гэрем ‘мой дом’, гэремиден ‘наш дом’ – гэрень ‘его, их дом’; үзег ‘перо’ – үзгем ‘мое перо’ – үзгемиден ‘наше перо’ – үзгень ‘его, их перо’; хаза:р ‘узда’ – хаза:рым ‘моя узда’ – хаза:рынь ‘их, его узда’.

В словах же на согласный, имеющий перед собой неясный гласный, часто происходит перестановка последнего, т.е. этот неясный гласный обнаруживается между конечным согласным и лично-притяжательной частицей, например, кэвес ‘ковер’ – кэвсем ‘мой ковер’ – кэвсемиден ‘наш ковер’ – кэвсень ‘их, его ковер’; туьыл ‘теленок’ – туьлым ‘мой теленок’ – туьлымиден ‘наш теленок’ – туьслынь ‘их, его теленок’.

В именительном падеже конечный неустойчивый -н перед лично-притяжательными частицами -м, -миден, -нь всегда выпадает, например, мөрен ‘конь’ – мөрем ‘мой конь’ – мөремиден ‘наш конь’ – мөрень ‘его, их конь’; хувцынь ‘одежда’ – хувцым ‘моя одежда’ – хувцымиден ‘наша одежда’ – хувцынь ‘его, их одежда’. А.Ш. Кичиков считает, что показателем третьего лица слов, оканчивающихся на -н, является его переход согласного в среднеязычный (или палатальный) -н’. (121. с.44)

Трудно согласиться с этим положением, потому что принадлежность предмета третьему лицу ни в калмыцком языке, ни в его говорах не передавалась палатализацией конечного согласного, независимо от того, [н] это или еще какой другой согласный. Тем более при устойчивом [н] наблюдается не палатализация [н], а употребление частицы -нъ, которая сочетаясь с конечным [н] основы, образует один долгий палатализованный -ннь, например, ахи:н 'брата' – ахи:ннь 'его брата'. Поэтому, как кажется, неустойчивый [н] исхода основы в позиции перед лично-притяжательной частицей третьего лица -нъ утрачивается, например, хе:н 'овца' – хе:нъ 'его овца', эмген 'старуха' – эмгень 'его старуха'.

Представляет интерес то, что в торгутском говоре частица нь иногда употребляется без палатализации, вернее, вместо нь произносится н, ср. яма:д 'козы' – яма:дын 'их, его козы'; ьар 'рука' – ьарын 'его рука'; бэре 'сноха' – бэрен 'его сноха'.

Отсутствие палатализации в частице н, видимо, можно объяснить общим отсутствием палатализации согласных в торгутском говоре, ср. инэ:хе 'смеяться', дерб. ин'э:хе (ин'а:хы); торг. инег 'друг', дерб. ин'ег. Как говорится, и в малом отражается общее. К тому же не следует забывать, что кроме местоимения *inu* существует еще форма *апу*, которая также часто встречается в 'Сокровенном сказании монголов' и которая с неменьшим успехом могла образовать лично-притяжательную частицу -н. Да и *inu*, с другой стороны, могла дать и не дать -нъ, т.к. гласный [i] мог не палатализовать последующий согласный, ибо он стоит в препозиции и произносится отдельно: *i-nu*. Чтобы форма *inu* могла дать -нъ, необходимо, чтобы произошла редукция гласного и перераспределение слогов *inu* > *in* > -нъ, но и в этом случае препозиция [i] вызывает сомнения.

Также частица нь помимо притяжания передает значение части целого, например, өрэ:лень 'половина его...', тавынь 'пять, пятеро из...', ьосна: түрэ:нъ 'голеннице сапога', хувцына: ханцынь 'рукав одежды', чэ:нги:н хоңша:рынь 'носик чайника'.

Лично-притяжательные частицы второго лица единственного и множественного чисел -чин (-чи), -тын (-тен) употребляются со всеми основами как на гласный, так и согласный, в том числе и на неустойчивый -н, который перед данными частицами сохраняется,

ср. тахы 'подкова' – тахчин 'твоя подкова' – тахтын 'Ваша (ваша) подкова', ноха: 'собака' – ноха:чин 'твоя собака' – ноха:тын 'Ваша (ваша) собака', бахны 'столб' – бахынчин 'твой столб' – бахын-тын 'Ваш (ваш) столб', гэрген 'жена' – гэргенчин 'твоя жена' – гэргентен 'Ваша жена'.

Конечный неясный гласный при этих частицах утрачивается или переходит к середине слова, происходит изменение, перестройка структуры слова, слога.

Как известно, лично-притяжательные частицы – это местоимения, утратившие лексическую самостоятельность и фонетико-морфологическую форму. Однако наряду с полным переходом местоимений в частицы калмыцкие говоры знают неполный такой переход, ср. ду: 'младший (брат, сестра)' – ду:м 'мой младший (-ая)' – ду:минь 'мой младший (-ая)' – дүүмиден 'наш младший (ая)', гэрчин 'твой дом'.

Говоры калмыцкого языка также знают двойное (тройное) притяжание, которое передается сочетанием притяжательного местоимения и имени существительного в лично-притяжательном склонении с соответствующей частицей например, мини: үкрем, үкрем мини:, үкрем минь 'моя корова моя коровушка', чини: үкерчин 'твоя корова', теруэ: үкренъ 'его корова', мана: үкермиден 'наша корова'.

Двойное, тройное притяжание представляет собой аналитическую или переходную форму образования притяжательного склонения, наглядно демонстрирующую, как и каким образом, в какой степени шло это образование.

При употреблении лично-притяжательных частиц -минь, -чин дополнительно приобретается уменьшительно-ласкательный оттенок значения, например, Эренценминь 'Эренценушка, Эренценушка мой, Эренценушка ты мой'; кү:кенминь 'доченька, доченька моя'.

В СПМЯ данной форме соответствует сочетание «склоняемое слово плюс притяжательное местоимение», например, Еџike џino Nagu-Bajan ajuu 'Nagu-Bajan твой отец'. Еџike mino 'отец мой', gagџa koun ino 'единственный сын его', tergen-eџe ino 'из телеги его', tergen-tür ano 'в телегу их', bidano џerigüd 'наши войска' (128, с. 205, 92, 205, 145, 145).

Как видно из примеров, местоимения употреблялись отдельно от склоняемого слова и сохраняли полную самостоятельность. Однако с развитием языка они утратили самостоятельность и прим-

кнули к склоняемому слову. Оказавшись в непервых слогах, они утратили качество и количество своих гласных и превратились в частицы, которые наблюдаются в современных языках и диалектах.

Из всего сказанного видно, что лично-притяжательное склонение калмыцких говоров не отличается от такового в литературном языке.

### Безлично(возвратно)-притяжательное склонение

Безлично-притяжательное склонение калмыцких говоров, как и лично-притяжательное, не имеет больших отклонений от норм литературного языка. Безлично-, или возвратно-притяжательное склонение отличается от простого склонения тем, что передает значение возвратности, которое в русском языке передается возвратным местоимением 'свой'.

Показателем возвратного притяжания является частица -а:н (-э:н), которая употребляется со всеми падежными формами, кроме формы именительного падежа. Если падежные формы оканчиваются на гласный (например, соединительного, совместного падежей), то эта частица приобретает соединительные согласные ь и г, первый из которых чаще встречается в дербетском говоре, а второй – торгутском. Однако в эпоху нивелировки и с учетом интервокальной позиции, видимо, перспективней проточный вариант указанных согласных. В орудном и исходном падежах частица -а:н (-э:н) утрачивает гласный и приобретает форму -н. См. примеры:

род.	эвдеги:нен	'своего колена'
дат.	эвдегдэ:н	'на своем колене'
вин.	эвдегэ:н	'своего колена'
оруд.	эвдегэ:рен	'своим коленом'
соед.	эвдеглэ:ь (г)э:н	'со своим коленом'
совм.	эвдегтэ:ь (г)э:н	'со своим коленом'
исход.	эвдегэ:сен	'с своего колена'
напр.	эвдегү:рен	'к своему колону'

В именительном падеже частица возвратного притяжания не употребляется.

В торгутском говоре основой соединительного падежа возвратного склонения служит форма его простого склонения, в то время как в дербетском говоре употребляется форма двойного склонения, а именно форма соединительно-орудного падежа, например, торг. үренлэ:гэ:н 'со своим дитятей', дерб. үренлэ:рен, торг. көвү:нлэ:гэ:н 'со своим сыном', дерб. көвү:нлэ:рен; торг. машинлэ:гэ:н 'со своей машиной', дерб. машинлэ:рен.

В родительном падеже частица -а:н (-э:н) так же, как и в орудном, и исходном падежах, утрачивает гласный и принимает форму -н, например, Һаха: 'свинья' – Һаха:н 'свиньи' – Һаха:нын (Һаха:нн) 'своей свиньи', үкер 'корова' – үкри:н 'коровы' – үкри:нен (үкри:нн) 'своей коровы', гэр 'дом' – гэри:н 'дома' – гэри:нен (гэри:нн) 'своего дома', мал 'скот' – малы:н 'скота' – малы:нын (малы:нн) 'своего скота'.

Как видно, здесь за формантом родительного падежа следует частица возвратного склонения -н (-ын, -ен).

Однако в словах, оканчивающихся на согласный [н], к форманту родительного падежа, оканчивающемуся на гласный присоединяется два нн (-нын, -нен) безличного или возвратного притяжания. Получается как бы двойное притяжание, например, тэрген 'телега' – тэрегнаэ: 'телеги' – тэрегнаэ:нен (тэрегнаэ:нн) 'своей телеги', мөрен 'конь' – мөрнэ: 'коня' – мөрнэ:нен (мөрнэ:нн) 'своего коня', хотын 'село' – хотна: 'села' – хотна:нын (хотна:нн) 'своего села'.

Представители дербетского говора калмыцкого языка слабо различают родительный падеж вообще, возвратное склонение, в частности, произнося двойные нн в палатализованной форме: тэрегнаэ:н'н', мөрнэ:н'н', хотна:н'н', что сближает её с лично-притяжательной формой родительного падежа с частицей третьего лица -нь.

Носители торгутского говора, наоборот, слабо улавливают палатальность частицы третьего лица -нь в родительном падеже лично-притяжательного склонения, и происходит смешение с возвратным склонением. Тем не менее в разговорной речи и те, и другие прекрасно понимают друг друга благодаря общему контексту и недоразумений никогда не бывает.

Помимо сказанного, родительный падеж возвратного склонения может быть оформлен, правда, гораздо реже, при помощи полной формы частицы -а:н, -э:н, например, үкри:нэ:н 'своей коровы', ахи:нэ:н 'своего брата'.



Родительный падеж на -а:н (-э:н) безлично-притяжательного, или, как его еще называют, возвратного склонения, как кажется, является отражением более древнего состояния языка. А.Ш. Кичиков также отмечает родительный на -а:н (-э:н) в оренбургском подговоре торгутского говора и также считает его сохранившейся формой СПКЯ (120, с. 211).

То, что родительный падеж возвратного склонения на -а:н (-э:н) имелся в СПКЯ, видно из грамматики Алекс. Бобровникова, который наряду с другими формами возвратного склонения дает и форму на -а:н (-э:н), например, сүки:не:н 'своего топора', далаина:н, далаиһа:н 'своего океана', са:даги:на:н 'своего лука' (44, с. 104-105, 113-114).

Частицы безлично-притяжательного, возвратно-притяжательного склонения могут употребляться также при двойном склонении. Употребление той или иной формы или варианта этой частицы зависит от последнего падежного аффикса. Так, например, если последним аффиксом двойного (тройного) склонения является аффикс исходного падежа, то, как при простом возвратно-притяжательном склонении, присоединяется -н. Например, гэртэ:сен 'из своего дома', хавтыха:сын 'из своего кармана', көвү:нэ:дэ:н 'у своего сына', көвү:нэ:тэ:гэ:н 'с семьей своего сына'.

## 2. Имя прилагательное

Имя прилагательное в калмыцких говорах – это часть речи, которая обозначает качество, свойство, признак предмета, явления, действия. Как видно, границы функционирования калмыцких прилагательных гораздо шире и могут охватывать пределы наречия, ср. сэ:хен кү:кен сэ:хен билнэ: – 'красивая девушка красиво танцует', сэ:н кү:кен сэ:н бэ:нэ: 'хорошая девушка хорошо живет'. Здесь прилагательное с-э:н 'хороший' на русский язык переводится соответственно особенностям русского языка – в первом случае как имя прилагательное, во втором – как наречие. На самом деле, это одно и то же качественное слово, одно и то же прилагательное, переводимое то как прилагательное, то как наречие. С другой стороны, значение прилагательных расширяется в сторону субстантивности, ср. цаһа:н 'белый, белизна', ула:н 'красный, красно-

та' ср. цасын цаа:н ү:лен 'белоснежное облако'. Универсальность значений прилагательных в монголистике рассматривают только в связи с существительными, другие связи практически не учитываются. В то же время прилагательные должны рассматриваться как самостоятельная часть речи, отвечающая на вопросы: ямыр? яма:ра:н? 'какой?', алькы? альдыкы? 'который?'. кэнэ:?, юуна:? 'кого, чей?'.  
Несмотря на мнения известных ученых, имя прилагательное, как представляется, имеет категорию склонения. Также к морфологическим особенностям, видимо, следует отнести словообразовательные аффиксы прилагательных (-нху, -лиг и т.д.), напр., харыңу: 'темный', махлиг 'плотный, полный', бэрег 'прижимистый'.

Также признаком прилагательных является их препозиция по отношению к поясняемому слову — цаа:н цасын 'белый снег', китен мөсен 'холодный лед', хотя при образовании сложных слов прилагательное может быть и в постпозиции: үкер хар 'скворец', древнебурят. ихе ула:н 'февраль', бага ула:н 'март', дерб. дэр хар, торг. согту бор 'белена'.

Поскольку прилагательные чаще других частей речи выступают в функции определения и не принимают при этом падежные аффиксы, сложилось мнение, что прилагательные не склоняются. Однако имена существительные, имеющие категории склонения, числа, в атрибутивной функции также утрачивают эти особенности, ср. модын гэрмү:д 'деревянные дома' (букв. дерево — дома), үкер хармуд 'скворцы' (букв. корова черные).

В калмыцких говорах, как и в литературном языке, при употреблении не только сочетания прилагательного (определения) с поясняемым словом, а любого сочетания слов, при простом перечислении однородных членов предложения, при склонении сложных составных числительных грамматически оформляется только последнее слово. Прилагательное же (определение), занимая всегда препозицию, грамматически никогда не оформляется. Поэтому, видимо, нельзя сказать, что прилагательные в калмыцких говорах и литературном языке не склоняются, только склонение прилагательных не следует выдавать за склонение существительных.

Синтаксически имена прилагательные могут употребляться в функции определения, подлежащего, сказуемого и других членов предложения, например, уты кэлен хо:л бо:дыг, уты хорма кел бо:дыг 'длинный язык за горло душит, длинная пола ноги вяжет'.

Орчилынды хурвын юмын цаа:н (загадка) 'В мире три вещи белые'. Сэ:нэ:се сэ:н 'лучший из лучших'.

В зависимости от того, какой член предложения поясняет прилагательное, нередко определяется его синтаксическая функция: перед подлежащим и дополнением – определение, перед сказуемым и обстоятельством – это наречие.

Имена прилагательные по своему лексико-грамматическому значению в калмыцких говорах, как и в литературном языке, подразделяются на два разряда – на качественные прилагательные и относительные.

### Качественные прилагательные

Данный разряд слов обозначает качество, свойство, характер, признак предметов и явлений, например, ула:н альчу:р 'красный платок', ноа:н өвсен 'зеленая трава', көке зэнкер 'синий купорос', күнде ша:выр 'тяжелая колотушка', хурцы уха:н 'острый ум', мэрген үге 'меткое слово'.

Качественные имена прилагательные по своей морфологической структуре могут быть первичными, т.е. производными (хары 'черный', шары 'желтый', көке 'синий'), и вторичными, т.е. производными (зөрмег 'настойчивый, упрямый', зөрегтэ: 'смелый, храбрый', эрклү: 'капризный', э:мтхэ: 'трусливый', үргемтхэ: 'пугливый', уха:та: 'умный', уха:рлыг 'задумчивый').

Качественные прилагательные могут выражать различную степень интенсивности того или иного качества или сравнение, например, улвыр 'красноватый', ула:выр 'красноватый', ула:н 'красный', йир ула:н 'очень красный', ув-ула:н 'красный – прекрасный', дэгед ула:н 'чрезмерно красный', ула:на:сы ула:н 'краснее красного', эн-ү:нэ:се ула:н 'краснее этого', ула:н дадыг, ула:н явыр, ула:н балмы 'очень красный', цусын ула:н 'крово-красный'.

Однако не все качественные прилагательные могут образовать сравнительную степень или выражать большую или меньшую интенсивность качества, признака, свойства, например, прилагательные, обозначающие масть животных: кэ:р мөрен 'гнедая лошадь', харыгчи гү:н 'вороная кобылица'.

Качественные прилагательные, называя признак, могут обозначать и противоположные понятия, образуя антонимы: сэ:н 'хоро-

ший' – му: 'плохой', өндер 'высокий' – маштык 'низкий', цэвер 'чистый' – бузыр 'грязный', тарьын 'жирный' – эцсен 'худой, нежирный'; махлиг 'плотный' – ярья 'костлявый', турыцца: 'тощий'.

Качественные прилагательные калмыцких говоров подразделяются на отдельные семантические группы, обозначающие:

1) цвет – хары 'черный', цаа:н 'белый', бу:рыл 'седой', цо:хыр 'пестрый', цэнкер 'голубой', чү:кел 'фиолетовый', ноа:н 'зеленый';

2) внешность, характер, психический склад людей – сә:хен 'красивый', ьольшиг 'скромный', кэвлү:н 'стройный', тэнег 'глупый', кө:ркен 'милый', кү:рсег 'общительный', олымба: 'находчивый', чадымба: 'умелый', шунымба: 'старательный', ичимьә: 'застенчивый';

3) меру, объем, степень качества – уты 'длинный', ахыр 'короткий', бод 'крупный', ахы 'старший', гүн 'глубокий', хә:р 'мелкий', нәрен 'тонкий', өткен 'густой', шицген 'жидкий', бөдү:н 'толстый', у: 'широкий', ү:тхен~ у:тьхын 'узкий', нимген 'тонкий', зуза:н 'толстый';

4) вкус, запах – әмтә:(хен) 'сладкий', ьашу:н 'горький', ишклен 'кислый', шүвтер 'запах мочевины', үмкә: 'вонючий', күкер 'запах сероводорода', ношу:н 'терпкий, вяжущий вкус';

5) физические, телесные качества людей, животных, предметов и явлений – күдер, баты 'крепкий, прочный', чаңьы 'крепкий, сильный', эцсен, ярья: 'худой, тощий', тарьын 'жирный', дүлә:, таңсхы 'глухой', добльц 'хромой', сохыр 'слепой', мә:ьег 'кривоногий', гилжиьер 'кривошей', маңхыьыр 'большелобый', жиртехер 'с ввалившимися глазами';

6) форму – хавтха: 'плоский', шовьыр 'остроконечный', ьо: 'прямой', төгрег 'круглый', гилгер 'гладкий', шүрү:н 'шершавый', монхыр 'выпуклый', дорвелжин 'четырёхгранный', уту:лыц 'продолговатый', на:нььыр 'плоский' (о носе).

## Степени сравнения качественных прилагательных

Качественные прилагательные калмыцких говоров знают четыре степени сравнения: 1) положительная, 2) сравнительная, 3) превосходная и интенсивная, 4) уменьшительная.

1. Положительная степень – такая форма прилагательных, при которой они выступают в нейтральном значении: хары 'черный',

боры 'серый', сә:н 'хороший', хурдын 'быстрый', ки:тен 'холодный', халу:н 'горячий', кэвлү:н 'изящный, стройный', кэрсү: 'умный, смысленный'.

2. Сравнительная степень прилагательных калмыцких говоров образуется аналитически, синтаксически при сопоставлении качества двух и более предметов и явлений, обозначенных именами в именительном и исходном падежах, т.е. выражает степень качества одного предмета, явления по отношению к другому. Например: Нарын сара:сы халу:н 'Солнце жарче луны', Бал шикрәс эмтә:хен 'Мед слаще сахара', Бал эмтә:хен, бала:сы нә:р эмтә:хен 'Мед сладок, сон слаще меда', Сурсын му:, сурси:ге эсе өгхлә:, тэрү:нә:се му: 'Просить плохо, но просимое не дать – того хуже'.

3. Превосходная степень прилагательных отражает высшую степень качества и передается посредством символического удвоения корня, т.е. первого слога с прибавлением согласного [б(в)], например, хары 'черный' – хаб-хары 'черный-пречерный', ула:н 'красный' – уб-ула:н 'красный – прекрасный', цаа:н 'белый' – цаб-цаа:н 'белый-пребелый'. Такая форма интенсификации качественных прилагательных утрачивает свою употребительность и наблюдается в языке старшего поколения независимо от говорной принадлежности. Также используются специальные усилительные слова (йир 'очень', дэгед 'слишком, чересчур', хамги:н, эмти:н 'самый', бэрке 'очень'), среди которых некоторые непереводимы (даг, дадыг, ду:д, дү:д, цал). Например, йир ике 'очень большой', дэгед сә:хен 'слишком красивый', хамги:н кө:р 'самый хвастливый', эмти:н чидлтә 'самый сильный', бэрке түрү 'очень трудный', хар даг 'черный-пречерный', ноа:н дадыг 'зеленый-презеленый', ду:д цаа:н 'белый-пребелый', цал бу:рыл 'седой-седой'.

В употреблении усилительных слов в торгутском говоре особых отличий от литературного не наблюдается. В дербетском наблюдается более частое употребление слова дэгед, его форм дэгэд, дэгүд в значении 'очень' (значение 'чрезмерно, чересчур, слишком' отсутствует). Из слов со значением 'самый' в дербетском говоре наиболее употребительным является слово эмтин, например, эмтин күнде 'самый трудный, самый тяжелый', эмтин ик 'самый большой', эмтин хол 'самый далекий, самый дальний'.

Кроме выражения высшей степени качественные прилагательные могут выражать различную интенсивность проявления каче-

ства. Для этого могут быть использованы аффиксы -выр (-вер), -втыр (-втер), -вцыр (-вцер), -цыр (-цер) со значением неполноты качества, которое может быть передано в русском языке с помощью аффикса -оват, -еват, например, цаа:н 'белый' – цаа:выр 'беловатый', сулы 'слабый' – сулывтыр 'слабоватый', көке 'синий' – көкевцер 'синеватый', хары 'черный' – харцыр 'черноватый'.

Все перечисленные аффиксы, видимо, являются вариантами – вцур (<бцур), хотя ни А.А.Бобровников (44, с. 66), ни Н.Н.Поппе (203, с. 108), ни Г.Д.Санжеев (231а, с. 55) не приводят этот аффикс. Чаще рассматривают аффикс – бтур и аффиксы -бир, -бур, -бүр, не сводя их в один аффикс, хотя все они имеют одно значение.

Калмыцкие говоры, как уже говорилось выше, знают слова-интенсификаторы типа даг, дадыг, ду:д, ду:д, цал, например, хар даг 'очень черный', шар даг 'очень желтый', көке дадыг 'синий-синий', ду:д цаа:н 'совершенно белый', цал бу:рыл 'совсем седой'. Высшая степень качества также передается через сочетание качественного прилагательного с названием предмета-носителя качества, например, цусын ула:н 'кроваво-красный', цасын цаан 'снежно-белый', көке мөсен 'синий лед' (в смысле 'холодный, как лед').

Уменьшительно-ласкательная степень качественных прилагательных калмыцких говоров образуется при помощи -хын (-хен): эмтэ: 'живой' – эмтэ:хен 'сладенький', сэ:н 'хороший' – сэ:хен 'хорошенький', му: 'плохой' – му:хын 'плохонький, плоховатый'.

Обычно считается, что высшая степень качественных прилагательных передается также путем редупликации, т.е. повторения, основ, например, цаа:н-цаа:н хө:д 'белые-белые овцы', өндер-өндер моду:д 'высокие-высокие деревья'.

В приведенных примерах наблюдается повторение одной и той же основы и поясняемое слово стоит во множественном числе. Повторение качественных прилагательных, как кажется, помимо усиления значения также передает множественное число. Здесь проявляется одна из редких особенностей калмыцких говоров – согласование прилагательных (определения) с поясняемым словом в числе и приведенные примеры лучше перевести как 'белые овцы', 'высокие деревья'.

Редупликация также имеет место, когда основа при повторении меняет свой начальный согласный, напр.; бор-мор 'что-либо серое',

цаа:н-маа:н 'что-либо белое'. Изменение согласного размывает значение основного слова и делает его приблизительным.

## Склонение качественных прилагательных

Качественные прилагательные калмыцких говоров имеют категорию склонения. Различают простое, двойное, лично-притяжательное и возвратное склонения. Межговорные отличия в склонении прилагательных не наблюдаются.

### *Простое склонение:*

Им.	ула:н	красный
Род.	ула:на:	красного
Дат.	ула:нды	красному
Вин.	ула:ни:ге	красного
Оруд.	ула:на:р	красным
Соед.	ула:нла:	с красным
Совм.	ула:нта:	с красным
Исх.	ула:на:сы	из, от красного
Напр.	ула:ну:р	к красному

### *Двойное склонение:*

Им.	ула:н	
Род.	ула:на	красного:
Дат.	ула:на:ды	красному
Вин.	ула:на:гы	красного
Оруд.	ула:на:а:р	по красному
Соед.	ула:на:ла:	с красным
Совм.	ула:на:та	с красным
Исх.	ула:на:а:сы	из, от красного
Напр.	ула:на:а:у:р	к красному

### *Лично-притяжательное склонение:*

Им.	ула:ным	мой красный
Род.	ула:на:м	моего красного
Дат.	ула:ндым	моему красному
Вин.	ула:ни:м	моего красного
Оруд.	ула:на:рым	моим красным
Соед.	ула:нла:м	с моим красным
Совм.	ула:нта:м	с моим красным
Исх.	ула:на:сым	из, от моего красного
Напр.	ула:ну:рым	к моему красному

Форма родительного падежа ула:на:м 'моего красного' в живом разговорном языке почему-то произносится ула:на:мм, т.е. с долгим согласным [м], вернее, с долгой геминированной частицей первого лица.

### *Возвратно-притяжательное склонение:*

Возвратное склонение образуется при помощи частиц -а:н, -э:н, -н, присоединяемых к падежным аффиксам.

Им.	ула:н	красный
Род.	ула:на:нын	своего красного
Дат.	ула:нда:н	своему красному
Вин.	ула:нан~ула:ни:гэ:н	своего красного
Оруд.	ула:на:рын	своим красным
Соед.	ула:нла:ьа:н	со своим красным
Совм.	ула:нта:ьа:н	со своим красным
Исх.	ула:на:сын	из, от своего красного
Напр.	ула:ну:рын	к своему красному

Частица -н встречается в родительном, орудном, исходном и направительном падежах. В произношении эта частица всегда имеет перед собой неясный гласный. В родительном падеже эта частица выступает в геминированной форме.

Винительный падеж возвратного склонения дается в двух формах, первая из которых соответствует современной произносительной норме, вторая – СПКЯ, спорадически может встречаться в современных говорах.

Винительный, соединительный и совместный падежи перед частицей -а:н, -э:н приобретают соединительные согласные ь, г, которые носят межговорный характер. Соединительный согласный ь чаще употребляется в дербетском говоре, согласный г чаще наблюдается в торгутском говоре.

В функции определения качественные прилагательные не имеют падежных аффиксов, которые в основном принимают поясняемые слова, например, ула:н альчу:р 'красный платок' – ула:н альчу:ри:н 'красного платка' – ула:н альчу:рты 'красному платку' и т.д.



Соединительный падеж в дербетском говоре в отличие от бузавского и торгутского имеет аффикс -ларын, -лэрен: ула:нла:рын 'вместе с красным'. Здесь -ла, -лэ является аффиксом простого склонения, н – частицей возвратного склонения, непонятно происхождение элемента -р-.

### Относительные прилагательные

Данный разряд слов опосредованно называет признак предмета и указывает на различные отношения:

1) к предмету – модын гэр 'деревянный дом', төмер халлы 'железная дорога', алтын си:ке 'золотая серьга', модта Һазыр 'лесистая местность', нарна гэрел 'солнечный свет', эрги:н хулсын 'прибрежные камыши', нарта одер 'солнечный день', хурта намыр 'дождливая осень';

2) к лицу, личности – ахи:н ки:лег 'братова рубаха', эчки:н костюм 'отцов костюм', эгчин альчур 'сестрин платок', а:ви:н махла: 'дедова шапка';

3) к месту, местности – тэ:ги:н халлы 'степная дорога', Һазри:н тэмсен 'земляные овощи', эндеке кү:кен 'здешняя девушка', тэндеке күрген 'тамошний жених';

4) ко времени – үди:н хоты 'полуденная еда, обед', асхына зэнгес 'вечерние новости', хаври:н хөкрөм 'весенние шутки', хөрнэ хөкрөм 'шутки двадцатого числа' (о непогоде весной, в двадцатых числах марта), эндерке о:шиг 'сегодняшние легкие', маңдыркы ө:кен 'завтрашнее сало';

5) к действию – татдыг яршиг 'выдвижной ящик', эврэ:н йовдыг комбайн 'самоходный комбайн', келэр гү:дег машин 'велосипед' (букв. ногами бегающая машина), бодынцыг малтыдыг машин 'картофелекопалка', юмы уйдыг машин 'швейная машинка', но:сы үрдег машин 'шерстобитная машина', өвсе хадыдыг машин 'сенокосилка', өвсе хурадыг машин 'стогометатель';

6) к числу – Һурвыдыгчи гэр 'третий дом', доладыгчи хоныг 'седьмые сутки'.

Относительные прилагательные называют постоянные, неизменяемые признаки предметов, поэтому не имеют сравнительной степени, не могут обозначать неполноту качества или, наоборот, ин-

тенсивность признака. Төмер халлы ‘железная дорога’ не может быть менее (или более) железной, а модын ухыр ‘деревянная ложка’ наиболее (или наименее) деревянной.

Как видно, относительными прилагательными могут выступать все именные части речи и даже наречные и глагольные формы. В вышеприведенных примерах в качестве относительных прилагательных приведены атрибутивные слова, определения с поясняемыми словами, довольно устойчивые нерасчленимые словосочетания. При попытке вычленить относительное прилагательное они превращаются в различные части речи, например, модын гэр ‘деревянный дом’. При самостоятельном употреблении слово модын превращается в существительное ‘дерево, древесина’ и может иметь категорию склонения, однако при атрибутивной функции оно утрачивает способность склоняться. Все части речи, выступающие в роли определения, перестают изменяться по падежам. Это же можно сказать и о качественных прилагательных, которые, как часть речи, могут склоняться (см. выше), но в атрибутивной функции – нет. Существующее мнение, что имена прилагательные в монгольских, в том числе и калмыцком, языках не имеют категорию падежа, вряд ли является верным.

### Словообразование имен прилагательных

Рассмотрение словообразования прилагательных представляет определенную трудность, потому что не всегда этимология корней, основ достаточно прозрачна. В таких качественных прилагательных, как хары ‘черный’, шары ‘желтый’, боры ‘серый’, бара:н ‘черный, темный’ (женкое слово), кэ:р ‘гнедой’, бузыр ‘грязный’, сохыр ‘слепой’, видимо, имеется словообразовательный аффикс -р однако односложные открытые корни не очень раскрывают свою семантику. То же можно сказать и о качественных прилагательных с аффиксом -һан (-һын): – цаһа:н < СПМЯ tsagaqan ‘белый’, ноһа:н < СПМЯ nogugan ‘зеленый’, ула:н < СПМЯ ulagan ‘красный’, тарьһын < СПМЯ targan ‘упитанный’.

Структура производных прилагательных более прозрачна. Здесь одним из основных является аффиксальный способ словообразования.

Аффикс -лиг (-лег, -лыг) передает склонность к тому, что, обозначено отыменной основой, например, ба:тыр 'герой, богатырь' – ба:тырлыг 'геройский, героический, богатырский' (ба:тырлыг эпос 'героический эпос', ба:тырлыг йовдыл 'богатырский поступок'), махын 'плоть, мясо' – махлиг 'плотный, мясистый'; боры 'серый' – борлыг 'сероватый', күсел 'цель, мечта, стремление' – күслег 'желательный, мечтательный', зэрлег 'дикий', күчлег 'упорный, настойчивый'.

Аффикс -мыг (-мег) обозначает качество, свойство, возникающее в результате действия, называемого отглагольной основой, например, ү:рхе 'крошиться, измельчаться' – ү:рмег 'мелкий', мэдхе 'знать, ведать' – мэдмег 'своевольный, своенравный, самостоятельный', дасхы ~ дадхы 'учиться, привыкать' – дасмыг ~ дадмыг 'опытный, привычный', чадхы 'мочь, уметь' – чадмыг 'умелый, способный', зөрхе 'направиться, стремиться' – зөрмег 'настойчивый', гүжирхе 'стараться, упорствовать' – гүжирмег 'упорный'.

Аффикс -та: (-тэ:) имеет значение обладания, владения тем, что выражено основой, например, модта: 'лесистый', мөртэ: 'конный', мөртэ: цэрег 'конная кавалерия, конная армия', будта 'туманный', ү:лтэ: 'облачный, пасмурный'. Это один из активных продуктивных аффиксов и восходит к СПМЯ -tai ~ -tei (231 а, с. 66). В дербетском говоре он развился в один универсальный формат -тэ:, употребляющийся со всеми словами независимо от гармонии гласных, ср. модтэ: 'лесистый', тостэ: 'маслянистый', угатэ: 'бедный', төртэ 'проблемный', бэртэ: 'травмированный'.

### 3. Местоимение

Местоимения в калмыцких говорах как часть речи характеризуются универсальным значением и выступают в функции замещения других знаменательных частей речи. По своим лексическим значениям и грамматическим признакам калмыцкие местоимения соотносительны с именными частями речи (существительными, прилагательными, числительными), а также глагольными и наречными формами. В предложении выполняют те же синтаксические функции, что и соответствующие части речи.

Калмыцкие говоры, как и литературный язык, знают следую-

щие разряды местоимений: личные, указательные, возвратные, определительные, вопросительные, неопределенные, отрицательные.

## Личные местоимения

К разряду личных местоимений относятся:

ед. число:

1. би 'я'

2. чи 'ты'

3. эне 'он, она, этот, эта...'

тэре 'он, она, тот, та...'

мн. число:

биден, ма, мадын 'мы'

Та, тадын 'Вы, вы'

эден 'они, эти'

тэден 'они, те'

Калмыцкие говоры утратили личные местоимения третьего лица *ипи*, *апи*, от которых в современных говорах осталась лишь частица третьего лица *-нь*, употребляющаяся в лично-притяжательном склонении (об этом см. ниже). Вместо утраченных местоимений в третьем лице используются указательные: *эне*, *тэре*, *эден*, *тэден*.

Личное местоимение первого лица ед. числа би 'я' обозначает говорящего: 'би *һанцарын амыр-таварын үлдхев*' – *гичи эревго сурһульта күн эне төрүце санжасмын биши* (Б.Н., Ш.Н., с. 5) 'Я один спокойно останусь', – так он, человек с небольшим образованием, вовсе не думал. *Энүг би урднь оварлго яьжасмб?* – *гич бийән гемшәв* (Б.Н., Ш.Н., с.9) 'Почему я этого раньше не замечал?' – начал себя винить. – 'Жежэ, би соцслав' (Б.Н., Ш.Н., с. 9) – 'Мама, я слышал'.

Местоимение второго лица ед. ч. чи 'ты' указывает на собеседника, слушателя, лицо, к которому обращена речь, например: *Чи бас десантн цергт тусвчи?* (Б.Н., Ш.Н., с. 28) – 'Ты тоже попал в десантные войска?'. – *Чи ода хара бээнч эсий?* (с.186) – 'Ты же сейчас без работы, не так ли?'

Местоимения *эне*, *тэре* 'он, она, оно', относятся к третьему лицу ед. числа, указывая на предмет или лицо, о котором идет речь. *Эне көвү:н сә:н* 'Этот мальчик хороший'. *Тэре көвү:н басы сә:н* 'Тот мальчик тоже хороший'. По своей природе это указательные местоимения, употребляемые в качестве утраченных личных. В зависимости от расположения предмета, удаленности или неудаленнос-

ти того, о чем или о ком идет речь, могут употребляться эне 'это, этот, эта, он, она, оно', тэре 'то, тот, та, он, она, оно', например, эне сә:н көвү:н 'он хороший мальчик'. Тэре басы сә:н көвү:н 'он (тот) тоже хороший мальчик'. Истинные местоимения третьего лица СПМЯ ипи, апи, как уже говорилось выше, в современном калмыцком языке и его говорах утрачены, осталась лишь местоименная частица -нь, употребляющаяся в лично-притяжательном склонении.

Личные местоимения имеют множественное число. Так, личное местоимение би 'я' имеет четыре формы мн. числа: 1) биден 'мы'; 2) ма 'мы'; 3) мадын 'мы'; 4) ма:ныр 'мы'.

Первая форма мн. числа биден 'мы' более употребительна в литературном языке и торгутском говоре. Вторая, третья и четвертая формы в литературном языке менее употребительны и относятся к разговорным формам языка. Вторая и третья формы мн.ч. ма 'мы', мадын 'мы' являются общими для всех калмыцких, однако по употребительности, по частотности употребления более свойственны бузавскому и дербетскому. К этим двум формам мн.ч. с основой 'ма' примыкает четвертая форма мн.ч. ма:ныр 'мы', которая более всего является показателем дербетского говора.

Инклюзивность и эксклюзивность местоименной формы, т.е. насколько говорящий включает себя в понятие биден 'мы, я и другие', ма 'мы, другие и потом я', в современных говорах калмыцкого языка не улавливаются.

Личное местоимение второго лица чи 'ты' во мн.ч. имеет формы: 1) Та 'Вы'; 2) Тадын 'вы'; 3) Та:ныр 'вы'.

Первая форма мн.ч. Та 'Вы' передает понятие множественности уважительной и в редких случаях понятие количественной множественности, например, эгчи, Та юн кэргэр ирлэт? 'Тетя, Вы по какому делу пришли?'; Та хойир энде ю кэжэнэт? 'Вы вдвоем что здесь делаете?'

Первые две формы мн.числа Та 'Вы', тадын 'вы' употребительны в литературном языке. Третья же форма та:ныр 'вы' выступает как диалектная особенность дербетского говора, реже бузавского.

Личные местоимения третьего лица эне, тэре 'он, она, оно' во мн. числе имеют формы эден, тэден 'они'. Местоимение эден 'они'

указывает на предметы речи или лица, расположенные близко, рядом. Местоимение тэден 'они' также указывает на предметы или лица, о которых идет речь, но расположенные дальше, далеко или вовсе отсутствующие. Местоимения эден и тэден составляют антонимическую пару по отдаленности – неотдаленности, как местоимения русского языка этот – тот.

Изменения личных местоимений калмыцких говоров по падежам не имеет больших отличий от склонения местоимений в литературном языке и вообще от склонения других именных частей речи, ибо везде фигурируют одни и те же падежные аффиксы.

Итак, склонение личных местоимений имеет следующий вид.

#### Единственное число:

Им.	би		я	чи	ты
Род.	мини		мой	чини	твой
Дат	намды,	нанды	мне	чамды	тебе
Вин	нама:гы,	нана:гы	меня	чама:гы	тебя
Оруд.	нама:р,	нана:р	мною	чама:р	тобой
Соед.	намла:	нанла:	со мною	чамла:	с тобой
Совм.	намга:	нанга:	со мною	чамга:	с тобой
Исх.	нама:сы,	нана:сы	от меня	чама:сы	от тебя
Напр.	наму:р,	нану:р	ко мне	чаму:р	к тебе.

#### Множественное число:

Им.	биден, ма		мадын	мы	Та	Вы	тадын	вы
Род.	мана:		мадна	наш	Тана	Ваш	тадна:	ваш
Дат	манды		мадынды	нам	Танды	Вам	тадынды	вам
Вин.	мани:ге		мадни:ге	нас	Тани:ге	Вас	тадни:ге	вас
Оруд.	мана:р		мадна:р	нами	Тана:р	Вами	тадна:р	вами
Соед.	манла:		мадынла:	с нами	Танла:	с Вами	тадынла:	с вами
Совм.	манга:		мадынга:	с нами	Танга:	с Вами	тадынга:	с вами
Исх.	мана:сы		мадна:сы	от нас	Тана:сы	от Вас	тадна:сы	от вас
Напр.	ману:р		мадну:р	к нам	Тану:р	к вам	тадну:р	к вам.

При склонении личных местоимений калмыцких говоров наблюдается несколько супплетивных основ. Для первого лица единственного числа это основы би, мин-, нам-, нан, для второго лица ед. числа – чи, чин-, чам-. Основы би, мин – 1-го лица и чи, чин – 2-го лица больших межговорных расхождений не вызывают, хотя вторые основы мин-, чин – в торгутском говоре произносятся с твер-

дым н, в дербетском же говоре – с мягким, палатализованным н' – мин'и, чин'и.

Что касается основ нам-, нан-, то первая чаще наблюдается в торгутском говоре, вторая же основа в дербетском. Однако основа нам – по сравнению с нан – имеет полную парадигму склонения и составляет пару с основой чам – личного местоимения 2-го лица: намды – чамды, нама:гы – чама:гы.

Местоимение 1-го лица мн. числа биден 'мы' не имеет парадигму склонения, употребляется только в форме основного падежа.

Менее употребительные местоимения 1-го лица мн. числа ма 'мы', мадын 'мы', чаще наблюдаемые в дербетском говоре, имеют полные парадигмы склонения. Формы косвенных падежей этих местоимений в диалектном отношении более нейтральны, чем основная форма, и в языке воспринимаются как формы биден.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица обоих чисел в функции предиката могут принимать лично-предикативные частицы: бив 'это я', чич 'это ты', Тат 'это Вы', тадынт 'это вы', биденвиден 'это мы'.

### Указательные местоимения

К указательным местоимениям калмыцких говоров относятся два основополагающих местоимения: эне, 'этот, эта, это' и тэре 'тот, та, то'. Все остальные указательные местоимения являются производными от этих двух местоимений и антонимичны друг другу по линии 'здесь и там', 'далеко-близко':

энде 'здесь, тут',  
и:ме 'этакий, такой',  
эдү 'вот столько'  
и(:)гхе 'делать вот так'

тэнде 'там'  
ти:ме 'вон такой'  
тэдү 'вон столько'  
ти(:)гхе 'делать вон так'.

По семантико-грамматическим признакам указательные местоимения можно распределить на:

1. предметно-указательные: эне 'этот, эта, это', тэре 'тот, та, то'; 2. пространственно-указательные (указательные места), или

наречные местоимения: энде 'здесь, тут', тэнде 'там'; 3. качествен-но-указательные: и:ме 'этакий, этакая, этокое', ти:ме 'вон такой, вон такая...'; 4. количественно-указательные: эдү 'вот столько, столько', тэдү 'вон столько'; 5. глагольно-указательные или указательные действия: и:гхе, игхе 'делать этак', ти:гхе, тигхе 'делать вон так, как тот'.

**Предметно-указательные местоимения.** Предметно-указательные местоимения, как и имена существительные, имеют категорию числа и падежа.

ед.ч.	мн.ч.
эне 'этот, эта, это'	эден 'эти'
тэре 'тот, та, то'	тэден 'те'

### Склонение предметно-указательных местоимений

#### Единственное число:

Им.	эне		этот	тэре		тот
Род.	эну:нэ,	ү:нэ	этого	тэру:нэ,	тү:нэ	того
Дат.	эну:нде,	ү:нде	этому	тэру:нде,	тү:нде	тому
Вин.	эну:ге,	ү:ге	этого	тэру:ге,	тү:ге	того
Оруд.	эну:гэ:р,	ү:гэ:р	этим	тэру:гэ:р,	тү:гэ:р	тем
Соед.	эну:нлэ:,	ү:нлэ:	с этим	тэру:нлэ:,	тү:нлэ:	с тем
Совм.	эну:тэ:,	ү:тэ:	с этим	тэру:тэ:,	тү:тэ:	с тем
Исх.	эну:нэ:се,	ү:нэ:се	от этого	тэру:нэ:се,	тү:нэ:се	от того
Напр.	эну:ну:р,	ү:ну:р	к этому	тэру:ну:р,	тү:ну:р	к тому

#### Множественное число:

Им.	эден	эти	тэден	те
Род.	эднэ:	этих	тэднэ	тех
Дат.	эденде	этим	тэденде	тем
Вин.	эдни:ге	этих	тэдни:ге	тех
Оруд.	эднэ:р	этими	тэднэр	теми
Соед.	эденлэ:	с этими	тэденлэ:	с теми
Совм.	эдентэ:	с этими	тэдентэ:	с теми
Исх.	эднэ:се	от этих	тэднэ:се	от тех
Напр.	эдну:р	к этим	тэдну:р	к тем

Предметно-указательные местоимения эне, тэре при склонении имеют по несколько основ: эне — эну:н — ү:н-, тэре — тэру:н — тү:н-



. На первый взгляд, здесь имеются супплетивные основы. На самом деле здесь разные формы местоимения эне. Основа энү:н – старописьменная форма родительного падежа местоимения эне, развившаяся в дальнейшем в форму ү:н. Здесь произошло образование долгого гласного из долготного комплекса Г+С+Г (энү). То же самое можно сказать об основах тэре – тэру:н – тү:н.

Местоимения мн. числа образуются от корней местоимений единственного числа присоединением аффикса -ден.

Местоимения эне, тэре, эден, тэден, подменяя собой названия предметов, имен существительных, в предложениях выступают в таких синтаксических функциях, как подлежащее, дополнение, обстоятельство и др., принимают различные падежные аффиксы и притяжательные частицы, например, тэре ю мэддев, така ю да: дыв? ‘Что он знает, что может поднять курица?’, Тэругэр көделмеш кэльеьсен дорхын, бэ:сен дэ:ре. ‘Чем ему поручать работу, лучше оставить как есть’, Тэрунде бэ:сен мөңгиге күн мэдхе йосын уга ‘О деньгах, что находятся там, никто не должен знать’.

Местоимения множественного числа эден ‘эти’, реже тэден ‘те’ могут употребляться в функции сочинительного союза при однородных подлежащих, дополнениях в значениях ‘и’, ‘и другие’, например, һэрэ, Кару эден ыза на:дыжи йовна. ‘Гаря, Кару и другие играют на улице’. При этом, находясь в постпозиции к однородным членам, эти местоимения, как равноправный замыкающий член, принимают падежные аффиксы и притяжательные частицы, например, Кару, Арсылың эденде экень кампадь өгве ‘Кару, Арслану и другим мать дала конфеты’. Иногда необязательно перечислять все однородные члены, достаточно назвать одно имя в сочетании с местоимением эден, например, Һэрэ эден киноды одвы ‘Гаря и другие пошли в кино’.

Употребление предметно-указательных местоимений эне, тэре, эден, тэден в калмыцком литературном языке и калмыцких говорах различий не вызывает.

**Пространственно-указательные местоимения.** К ним относятся местоимения энде ‘здесь, тут’, тэнде ‘там’, энү:нде, ү:нде ‘вот здесь’, тэру:нде, тү:нде ‘вон там’, их также можно назвать ‘указательные местоимения места’, или ‘местоименные наречия’. Они являются производными от предметно-указательных место-

имений эне 'этот', тэре 'тот' в форме дательно-местного падежа. Будучи падежной формой или являясь наречием, эти местоимения не склоняются.

Местоимения энде 'здесь, тут', тэнде 'там' могут указывать на широкий ареал, поэтому можно сказать: энде, Эрасэде 'здесь, в России', тэнде, Зуньарты 'там, в Джунгарии'.

Местоимения энүнде, үнде 'здесь, вот здесь', тэрунде, түнде 'там, вон там' указывают на более узкое, конкретное место: энүнде, үнде малтхы кэрегтэ: 'здесь, вот здесь надо копать'.

Бузавский и дербетский говоры в употреблении указанных местоимений не отличаются от литературного языка. То же можно говорить относительно местоимений энде, тэнде, энүнде, тэрунде в торгутском говоре. Однако местоимения үнде, түнде в торгутском говоре нередко употребляются в делабиализованной форме и без долготы: инде, тинде.

Пространственно-указательные местоимения калмыцких говоров энде, энүнде, үнде, тэнде, тэрунде, түнде в предложении выполняют функцию обстоятельства: Чагдоржап энде би мэндү. Махали Илийичи тэнде мэндү беизе 'Я, Чагдоржап, здесь здоров, Михаил Ильич, вероятно, там здоров' (письмо Чагдоржапа от 1713 г. НАРК, ф.36, оп.1, ед.хр.1, л.29).

**Качественно-указательные местоимения.** К ним относятся местоимения и:ме 'такой, как этот', ти:ме 'такой, как тот', указывающие на признак, качество предметов и явлений, и имеющие следующую парадигму склонения.

Им.	и:ме	такой	ти:ме	этакий
Род.	и:ми:н	такого	ти:ми:н	этакого
Дат.-мест.	и:мде	такому	ти:мде	этакому
Вин.	и:ми:ге	такого	ти:ми:ге	этакого
Оруд.	и:мэ:р	таким	ти:мэ:р	этаким
Соед.	и:млэ:	с таким	ти:млэ:	сэтаким
Совм.	и:мтэ:	с таким	ти:мтэ:	сэтаким
Исх.	и:мэ:се	от такого	ти:мэ:се	отэтакого
Напр.	и:мү:р	к такому	ти:мү:р	кэтакому

Как все указательные местоимения, качественно-указательные местоимения указывают на качество вещей, предметов, явлений, расположенных на линии 'близко – далеко' – 'такой –этакий'.

В предложении качественно-указательные местоимения выполняют агрибутивную, предикативную и другие функции и межговорных отличий не имеют.

**Количественно-указательные местоимения.** К ним относятся местоимения эдү:, үдү: 'вот столько', тэдү:, түдү: 'вон столько', употребляющиеся для указательного обозначения количества, величины, важности вещей, предметов, явлений и обладающие особенностями числительных, т.е. количественно-указательные местоимения могут обозначать количество и порядок при счете: эдү:, үдү: 'вот столько', тэдү:, түдү: 'вон столько', эдү:дегчи, үдү:дегчи 'вот такой по счету', тэдү:дегчи, түдү:дегчи 'вон такой по счету'. Также они могут принимать форму соединительных числительных: эдү:лен, үдү:лен 'вот столько, в этом составе', тэдү:лен, түдү:лен 'вон столько, в том составе'; форму разделительных числительных: эдү:гә:д ~ эдү:һә:д, үдүгә:д ~ үдү:һә:д 'вот по столько', тэдү:гә:д ~ тэдү:һә:д, түдү:гә:д ~ түдү:һә:д 'вон по столько', а также могут принимать послелогои приблизительного счета – шаху 'почти, около', һар 'более, за' (например, Эдү шаху оютныр урылда:нды орылцывы 'Примерно столько же студентов участвовали в забеге'), нумеративы и нумеративные слова.

Формы разделительных количественно-указательных местоимений, имеющие соединительный согласный [Г], например, эдү:гә:д, үдү:гә:д, тэдү:гә:д, түдү:гә:д, являются особенностями торгутского говора, а формы с соединительным согласным [Һ] относятся к дербетскому и бузавскому говорам, хотя по гармонии согласных, казалось бы, должен быть соединительный согласный [Г].

### *Склонение количественно-указательных местоимений:*

Им.	Эдү:	үдү:	вот столько	тэдү:	түдү:	вон столько
Род.	эдү:ги:н	үдү:ги:н	вот столького	тэдү:ги:н	түдү:ги:н	вон столького
Дат.-мест.	эдү:де	үдү:де	вот столькому	тэдү:де	түдү:де	вон столькому
Вин.	эдү:ге	үдү:ге	вот столького	тэдү:ге	түдү:ге	вон столького
Оруд.	эдү:г(һ)эр	үдү:г(һ)эр	вот столькоим	тэдү:гэр	түдү:гэр	вон столькоим
Соед.	эдү:лө:	үдү:лө:	с вот столькоим	тэдү:лө:	түдү:лө:	с вон столькоим
Совм.	эдү:тә:	үдү:тә:	с вот столькоим	тэдү:тә:	түдү:тә:	с вон столькоим
Исх.	эдү:г(һ)ә:се	үдү:г(һ)ә:се	от вот столького	тэдү:г(һ)ә:се	түдү:г(һ)ә:се	от вон столького
Напр.	эдү:г(һ)үр	үдү:г(һ)үр	к вот столькому	тэдү:г(һ)үр	түдү:г(һ)үр	к вон столькому

Здесь наблюдаются соединительные согласные [г] и [ь], из которых, как уже говорилось, [г] является употребительным в торгутском говоре, а [ь] более употребителен в дербетском и бузавском говорах. При склонении данных местоимений предпочтение отдается торгутскому варианту, [г] вынесен за скобку, потому что слово переднего ряда и согласный [г] более уместен.

В предложении количественно-указательные местоимения могут употребляться, как и имена числительные, в атрибутивной и субстантивной функциях. Эду: сә:хен залу:гы алда:д оркывыв 'Такого красивого мужчину я упустила' (Ж., 168). Бас эду: -тэду: болжи бә:сен цагты кү:нә: толья: хулсын бола:д бә:вә. (Ж., 47) 'Еще через некоторое время людей стало много, как камыша'.

**Глагольно-указательные местоимения.** Данные местоимения указывают на действия, совершаемые рядом и недавно или, наоборот, далеко и давно, но служащие примерами для подражания. К разряду глагольно-указательных относятся местоимения и:гхе, игхе 'делать вот так, этак', ти:гхе, тигхе 'делать так, как тот'. Местоимения с долгим гласным и:гхе 'делать этак', ти:гхе 'делать так' являются формами бузавского и дербетского говоров, формы без долготы – игхе, тигхе являются особенностями торгутского говора. Эти местоимения соотносимы с глаголами и обладают всеми свойствами глаголов, они могут спрягаться по лицам, изменяться по временам, принимать деепричастные, причастные формы.

*Единственное число:*

би ти:гвев 'я сделал вон так'

чи ти:гвич 'ты сделал вон так'

эне, тэре ти:гве 'он сделал вон так'

*Множественное число:*

биден ти:геввиден 'мы сделали вон так'

Та, тадын ти:гвет 'Вы, вы сделали вон так'

Эден, тэден ти:гве 'они сделали вон так'.

Местоименный глагол в первом лице ед.числа в торгутском говоре имеет вид: би игемб 'я сделал этак', би тигемб 'я сделал вон так'. Местоименная частица -б – (из би 'я') сохраняет свои основ-

ные качества, перед этой частицей аффикс прошедшего времени -в – (из старописьменного -бай, -бей) переходит в -м-.

Третье лицо ед. и мн. чисел в торгутском говоре имеет форму тигвэ: (эне, тэре, эден, тэден тигвэ:), происходящей из старописьменной teigebei.

Первое лицо мн. числа (биден ти:геввиден) в дербетском говоре чаще звучит как ти:геввдн, т.е. фиксируется чистое консонантное звучание местоименной частицы -вдн (< биден).

Глагольно-указательные местоимения в настоящем времени межговорных отличий не имеют: би и:гжэ:нэ:в, игжэ:нэ:в 'я делаю этак', ти:гжэ:нэ:в, тигжэ:нэ:в 'я делаю вон так', чи и:гжэ:нэ:ч, игжэ:нэ:ч 'ты делаешь этак', ти:гжэ:нэ:ч, тигжэ:нэ:ч 'ты делаешь вон так', эне, тэре и:гжэ:нэ:, игжэ:нэ: 'он делает этак', ти:гжэ:нэ:, тигжэ:нэ: 'он делает вон так'.

Точно также проявляют себя и другие формы настоящего времени: тигнэ, игнэ, тигдег, игдег, тигэ игэ.

В прошедшем времени межговорных расхождений нет, кроме формы -вэ:, -ва: (< СПМЯ – -bei, -bai), наблюдающейся в торгутском говоре.

Форма будущего времени глагольно-указательных местоимений и:гхе 'делая этак', ти:гхе 'делая так' в бузавском говоре имеет произношение и:хе, ти:хе; в дербетском и торгутском говорах произносится как и:ке, ти:ке. Помимо этого в торгутском говоре зафиксировано произношение с кратким гласным [и] и долгим согласным [кк] – икке, тикке.

Глагольно-указательные местоимения могут образовывать и другие глагольные формы – причастия, деепричастия. Причастия от этих местоимений в диалектном отношении не представляют интереса, т.к. следуют за литературным языком. Деепричастия от данных местоимений в разных говорах образуются по-разному. В бузавском говоре – и:гжи 'делая этак', ти:гжи 'делая вон так', и:гэ:д 'сделав этак', ти:гэ:д 'сделав так'. В дербетском говоре деепричастия имеют следующие формы: и:гжи ~ игжи 'делая этак', тэгжи 'делая так', и:гэд ~ игэд 'сделав этак', тэгэд 'сделав так'. В торгутском говоре деепричастия в первых слогах не имеют долготы: игжи 'делая этак', тигжи 'делая так', игэд 'сделав этак', тигэд 'сделав так'.

Таким образом, глагольно-указательные местоимения в калмыцких говорах представляют собой полнокатегориальную систему, соответствующую глаголу как части речи.

### Определительные местоимения

К определительным местоимениям калмыцких говоров относятся цуг, цугта:н, цуа:р, цуа:рын, хуг, хугта:н, хуа:р, хуа:рын 'весь, все', хамыг 'весь', хамги:н, эмти:н 'самый', зэрме 'некоторый', зэрмень, зэремсень 'некоторые'.

Местоимения цуг, цугта:н, цуа:р, цуа:рын 'весь, все', хамги:н 'самый' более употребительны в торгутском говоре калмыцкого языка. Все они являются разными падежными формами местоимения цуг 'весь, все': цугта:н – форма дательного падежа с присоединением возвратно-притяжательной частицы – а:н; цуа:р – форма орудного падежа; цуа:рын – также форма орудного падежа с возвратно-притяжательной частицей -н. Все образования от цуг взаимозаменяемы без ущерба для значения.

#### *Склонение определительных местоимений:*

Им.	цуг	цугта:н	цуа:р	все
Род.	цуги:н	цугта:нын(ь)	цуа:ра:нын(ь)	всех
Дат.-мест.	цугты	цугта:дын(ь)	цуа:ра:дын(ь)	всем
Вин.	цуги:ге	цугта:г(ь)и:н(ь)	цуа:ра:г(ь)и:н(ь)	всех
Оруд.	цуга:р	цугта:ь(г)а:рын(ь)	цуа:ра:ь(г)а:рын(ь)	всеми
Соед.	цугла:	цугта:лан(ь)	цуа:ра:ла:н(ь)	со всеми
Совм.	цугта:	цугта:та:н(ь)	цуа:ра:та:н(ь)	со всеми
Исх.	цуга:сы	цугта:ь(г)а:сын(ь)	цуа:ра:ь(г)а:сын(ь)	из всех
Напр.	цугу:р	цугта:ьу:рын(ь)	цуа:ра:ь(г)у:рын(ь)	ко всем

Склонение местоимения цуг не представляет какой-либо специфики.

Местоимение цугтан является формой дательного падежа от цуг плюс возвратно-притяжательная частица -ан. Склонение этого местоимения, как видно из парадигмы, носит то возвратно-притяжательную форму, если говорящий является представителем торгутского говора, то форму лично-притяжательного склонения с частицей -нь, если говорящий является представителем дербетского говора.

Это же самое можно сказать и о местоимении цуьар ‘все’, форме орудного падежа местоимения цуг с чередованием г//ь, не имеющем межговорного значения.

Местоимение хамги:н ‘самый’ является формой родительного падежа от хамыг ‘весь, все’, может сочетаться со словами, передающими значение качества предмета, действия, явления, высшую степень сравнения: хамги:н сэ:н ‘самый хороший’, хамги:н дэ:ре ‘на самом верху’, хамги:н сэ:нэ:р бэрсен гэр ‘дом, построенный самым лучшим образом’.

#### *Склонение местоимения хамыг:*

Им.	хамыг	весь, все
Род.	хамги:н	всего, всех, самый
Дат.-мест.	хамыгты	всему, всем, самому
Вин	хамги:ге	всего, всех, самого
Оруд.	хамга:р	всем, всеми, самым
Соед.	хамыгла:	со всем, со всеми, с самым
Совм.	хамыгта:	со всем, со всеми, с самым
Исх.	хамга:сы	из всего, из всех, из самого
Напр.	хамгу:р	ко всему, ко всем, к самому

Местоимения ху, хуг, хугтан, хуьар, хуьарын ‘весь, все’, эмти:н ‘самый’ употребляются в бузавском и дербетском говорах и вовсе не известны в современном торгутском.

#### *Склонение:*

Им.	хуг	хугта:н	хуьар	все
Род.	хуги:н	хугта:нынь	хуьа:ра:нынь	всех
Дат.-мест.		хугты	хугта:дынь	хуьа:ра:дынь
всем				
Вин.	хуги:ге	хугта:ги:нь	хуьа:ра:ги:нь	всех
Оруд.	хуга:р	хугта:һа:рынь	хуьа:ра:һа:рынь	всеми
Соед.	хугла:	хугта:ла:нь	хуьа:ра:ла:нь	со всеми
Совм.	хугта:	хугта:та:нь	хуьа:ра:та:нь	со всеми
Исх.	хуга:сы	хугта:һа:сынь	хуьа:ра:һа:сынь	от всех
Напр.	хугу:р	хугта:һу:рынь	хуьа:ра:һу:рынь	ко всем.

Местоимение ху, сливаясь с хуг, не имеет своего особого склонения. Точно также местоимение хуьа:рын при склонении совпадает с хуьа:р.

Склонение местоимений хуг, хугта:н, хуа:р не отличается от склонения синонимичных им литературных местоимений цуг, цугта:н, цуа:р литературного языка.

Местоимение эшти:н (< от эмен 'жизнь'?) 'самый' составляет синонимическую пару с местоимением хамги:н 'самый'.

Выше было сказано, что все местоимения, производные от ху, являются особенностью дербетского говора. Однако трудно объяснить наличие в торгутском говоре выражения ху мөлт цокхы 'снежи полностью, снежи на нет, без следа', или название трудовой песни каспийских (торгутских) рыбаков 'Хогдан аш' (калька с 'Дубинушки') 'Все еще (раз)', которую представители старшего поколения поют до сего дня. Эти примеры позволяют думать, что многие диалектные особенности когда-то могли быть общими чертами, присущими всему языку.

Определительные местоимения зэрме 'некоторый', зэрмень, зэрмесь 'некоторые' являются общими для всех говоров. Последние два местоимения являются производными от зэрме, только в одном случае присоединена лично-притяжательная частица -нь, в другом случае – та же частица с аффиксом множественного числа -с.

#### Склонение:

Им.	зэрме	зэрмень	зэрмесь	некоторый, некоторые
Род.	зэрми:н	зэрми:нень	зэрмеси:нень	некоторых
Дат.	зэрмде	зэрмдөн	зэрместөн	некоторым
Вин.	зэрми:ге	зэрми:нь	зэрмеси:нь	некоторых
Оруд.	зэрмэ:р	зэрмэ:рөн	зэрмсэ:рөн	некоторым(и)
Соед.	зэрмлэ:	зэрмлэ:нь	зэрмеслэ:нь	с некоторым(и)
Совм.	зэрмтэ:	зэрмтэ:нь	зэрместэ:нь	с некоторым(и)
Исх.	зэрмэ:се	зэрмесень	зэрмсэ:сень	от некоторых
Напр.	зэрму:р	зэрму:рөн	зэрмсү:рөн	к некоторым.

Как видно из склонения, эти местоимения имеют полную парадигму и обозначают часть какого-то количества предметов. При этом нередко имеют значение множественного числа и сочетаются со словами мн. числа, например, зэрме улыс 'некоторые люди', зэрме көвүд 'некоторые ребята'. Местоимение зэрмень 'некоторые' без показателя множественности и местоимение зэрмесь 'некоторые' с показателем мн. числа одинаковы по значению.



## Возвратные местоимения

К ним относятся местоимения эврэ:н 'сам', эврэ: 'свой', бий 'сам', эврэ: бий 'сам'.

В диалектном отношении возвратные местоимения нейтральны и не имеют каких-либо межговорных особенностей.

Местоимения эврэ:н 'сам', эврэ: 'свой' восходят к одному корню – эвер, СПМЯ öber, первое местоимение эврэ:н содержит притяжательную частицу – э:н (< СПМЯ – jen), второе местоимение эврэ: представляет собой форму родительного падежа.

Возвратные местоимения образуют множественное число с помощью аффикса -с: эверсэ:н 'сами', эврэ:с(ень) 'свой', бийсень 'сами', эврэ: бийсень 'сами'. При этом, как видно, они принимают частицу притяжания.

### Склонение возвратных местоимений

#### Единственное число:

Им.	эврэ:н	сам	бий	сам
Род.	эврэ:	свой	бийи:н	самого, своего
Дат.-мест.	эврэ:де	своему	бийде	себе
Вин.	эврэ:ге	своего	бийи:ге	себя
Оруд.	эврэ:г(ь)э:р	своим, по своему	бийэ:р	собой
Соед.	эврэ:лэ	со своим	бийлэ:	с собой
Совм.	эврэ:тэ:	со своим	бийтэ:	с собой
Исх.	эврэ:г(ь)э:се	от, из своего	бийэ:се	от, из себя
Напр.	эврэ:г(ь)у:р	к своему	бийу:р	к себе

#### Множественное число:

Им.	эверсэ:н	сами	эврэ:с	свои	бийсень	сами
Род.	эверсэ:нэ	самих	эврэ:си:н	своих	бийси:нень	самих
Дат.	эверсэ:нде	самим	эврэ:сте	своим	бийстенъ	самим
Вин.	эверсэ:ге	самих	эврэ:си:ге	своих	бийси:нь	самих
Оруд.	эверсэ:гэ:р	самими	эврэ:сэ:р	своими	бийсэ:рень	самими
Соед.	эверсэ:нлэ:	с самими	эврэ:слэ:	со своими	бийслэ:нь	с самими
Совм.	эверсэ:тэ:	с самими	эврэ:стэ:	со своими	бийстэ:нь	с самими
Исх.	эверсэ:нэ:се	от самих	эврэ:сэ:се	от, из своих	бийсэ:сень	от самих
Напр.	эверсэ:ну:р	к самим	эврэ:су:р	к своим	бийсу:рень	к самим

Местоимения эврэ:н, бий 'сам' склоняются по типу простого склонения. Также они могут склоняться по другим типам склонения.

ния, например, по лично-притяжательному, и принимать различные падежные аффиксы и притяжательные частицы – эврэ:нень, эврэ:дем, бийи:нь, бийдень и др.

Также может склоняться парное местоимение эврэ: бий ‘сам, собственной персоной’, только падежные аффиксы и притяжательные частицы принимает второй компонент местоимения – эврэ: бийдень, эврэ: бийэ:сень.

Синтаксически возвратные местоимения могут выступать в функции подлежащего, дополнения и определения. Эврэ:н мэдэ: бэ:жи, кү:нэ:се сур. ‘Сам знаешь, но спроси у других’. Эврэ: эврэ:гэ:н мэдү:лдем. ‘Свой покажет, что свой’ – Кэнде кү:ке хэ:жи йовна:ч? – Бийдэ:н. Бийдэ:н эсе болхла, дү:дэ:н. – ‘Кому ты ищешь невесту? – Себе. Если себе не получится, то братику’.

### Вопросительные местоимения

К вопросительным местоимениям калмыцких говоров относятся все местоимения, содержащие какой-либо вопрос. Вопросы могут быть самые разнообразные: кэн? ‘кто?’; юн? ‘что?’; кээ?:? ‘когда?’; альды? ‘где?’; ямара:н? ‘какой?’; хама? ‘где?’; кэдү?:? ‘сколько?’; яахы? ‘что делать?’; яа:д?, юнга:д? ‘почему?’ и другие. Каждый из них может создать, образовать множество других.

Вопросительные местоимения по своим лексико-семантическим значениям могут быть распределены по следующим группам: 1. предметно-вопросительные: кэн? ‘кто?’; юн? ‘что?’, 2. вопросительно-временные: кээ?:? ‘когда?’, 3. пространственно-вопросительные: альды?, хама?:? ‘где?’, 4. качественно-вопросительные: ямаран? ‘какой?’, 5. количественно-вопросительные: кэдү?:? ‘сколько?’, 6. глагольно-вопросительные: яахы? ‘что делать?’, 7. причинно-вопросительные: яа:д?, юнга:д? ‘почему?’.

Каждый из этих разрядов вопросительных местоимений может образовать другие вопросительные местоимения, которые не имеют множественного числа.

**Предметно-вопросительные местоимения**, изменяясь, создавая другие вопросительные местоимения, совпадают с вопросами, которые могут быть поставлены к падежным формам. Изменение предметно-вопросительных местоимений по падежам, как

известно, называется склонением. Эти местоимения соотносительны с именами существительными и склоняются по типу простого и притяжательных склонений и могут принимать различные падежные аффиксы и притяжательные частицы.

### *Склонение вопросительных местоимений*

Им.	кэн?	кто?	юун?	что?
Род.	кэнэ:?	чей?	юуна:?	чего?
Дат.-мест.	кэнде?	кому?	юунды?	чему?
Вин.	кэни:ге?	кого?	юугы?	что?
Оруд.	кэнэ:р?	кем?	юуь(г)ар?	чем?
Соед.	кэнля:?	с кем?	юунла:?	с чем?
Совм.	кэнтэ:?	с кем?	юута:?	с чем?
Исх.	кэнэ:се?	от кого?	юуна:сы?	от чего?
Напр.	кэнү:р?	к кому?	юуну:р?	к чему?

Предметно-вопросительное местоимение кэн? ‘кто?’ обозначает разумные существа, т.е. людей, а местоимение юн? ‘что?’ – все остальные одушевленные и неодушевленные предметы.

**Вопросительно-временные местоимения.** К ним относится местоимение ‘кэзэ:? когда?’. Это местоимение не имеет множественного числа, полной парадигмы склонения, форм соединительного и совместного падежей, но может иметь несколько форм родительного и исходного падежей.

### *Склонение:*

Им.	кэзэ:	когда
Род.	кэзэ:ги:н, кэзэ:нэ:	когдашнего
Дат. мест.	кэзэ: де	когдашнему
Вин.	кэзэ:ге	когдашнего
Оруд.	кэзэ: гэ:р	когдашним
Соед.	-	
Совм.	-	
Исх.	кэзэ:гэ:се, кэзэ:нэ:се	из когдашнего
Напр.	кэзэ:гү:р	к когдашнему

Форма родительного падежа, присоединяя аффикс -к, образует слова, имеющие временное значение – кэзэ:нке, кэзэ:нэ:к ‘давний, давнишний, древний’.

Вопросительно-временное местоимение может сочетаться со словом чиген или частицами от него — чи, -чин, а также со словом болвы в сочетании с чиген или частицами от него: кэээ: чиген, кэээ:чи, кэээ:чин ‘всегда’, кэээ: болвы чиген, кэээ болывчи, кэээ: болывчин ‘всегда, в любое время’.

Диалектных различий здесь не наблюдается, за исключением соединительных согласных г, ь, о которых говорилось выше.

**Пространственно-вопросительные местоимения.** Местоимения али?, альды?, хама:? ‘где?’ служат для вопросительного замещения названий предметов, явлений, действий по их пространственному расположению.

Пространственно-вопросительные местоимения не имеют множественного числа, не имеют полной парадигмы склонения.

#### Склонение:

Им.	али?	альды?	хама:?	где?
Род.	али:н?	-	хама(ь)ги:н?	гдешнего?
Дат.мест.	альды?	-	хама:ды?	гдешнему?
Вин.	али:ге?	-	хама:гы?	гдешнего?
Оруд.	алья:р?	альда:бар?	хама:на:р?	гдешним?
Соед.	-	-	-	
Совм.	-	-	-	
Исх.	алья:сы?	альда:сы?	хама:на:сы?	где? откуда?
Напр	алю:р?	альда:ну:р?	хама:ну:р?	куда?

Более полную парадигму склонения имеют местоимения али? и хама:?, хотя не все формы в одинаковой степени активны.

Местоимение хама: и все его падежные формы более свойственны дербетскому говору, где они употребляются в нейтральном пространственно-вопросительном значении. В торгутском говоре местоимение хама: и его формы употребляются реже, да и то в экспрессивно-эмоциональной, несколько грубоватой форме: Хатса:н хэ:жи ха:ра:н одсымби тэре? ‘Какого черта он куда-то исчез?’. Бузавский, дербетский и торгутский говоры знают форму хама:ра:н?, ‘куда?’, но торгуты еще скажут более грубо ха:ра:н? ‘куда?’.

Местоимение хама: имеет общемонгольское происхождение и восходит к СПМЯ *qamiga*, на калмыцкой языковой почве стало диалектной особенностью, являясь показателем дербетского говора.

Формы орудного падежа аля:р?, альда:һа:р?, хама:һа:р? ‘где?, гдешним?’ в торгутском говоре приобретают значения неопределенно-местного, или, как его еще называют, продольного падежа — ‘где?, по какому месту?’. Формы направительного падежа алю:р?, альда:һу:р?, хама:һу:р? приобретают те же значения только в дербетском говоре.

Таким образом, формы этих двух падежей пространственно-вопросительных местоимений имеют межговорное значение.

Пространственно-вопросительные местоимения али? альды? могут принять аффикс -к (-кы) и образовать новые определительные пространственно-вопросительные местоимения, выделяющие предмет из совокупности других пространственно-связанных предметов: алькы?, альдки? ‘который?’.

Новые определительные пространственно-вопросительные местоимения алькы?, альдки? ‘который?’ в отличие от основ, от которых они образовались, могут иметь множественное число: алькыс? альдыкыс? ‘которые?’.

Определительные пространственно-вопросительные местоимения склоняются по типу простого и притяжательных склонений.

#### *Склонение местоимений алькы?, альдки?*

Им.	алькы	альдки	который
Род.	альки:н	альдки:н	которого
Дат.мест.	алькыды	альдыкыды	которому
Вин.	альки:ге	альдки:ге	которого
Оруд.	алька:р	альдка:р	которым
Соед.	алькыла:	альдыкыла:	с которым
Совм.	алькыта:	альдыкыта:	с которым
Исх.	алька:сы	альдка:сы	от которого
Напр.	альку:р	альдку:р	к которому

#### *Возвратно-притяжательное склонение алькы?, альдки?*

Им.	алькы	альдки	который
Род.	альки:нен	альдки:нен	которого своего
Дат.мест.	алькыда:н	альдыкыда:н	которому своему
Вин.	алька:н, альки:һэ:н	альдка:н, альдки:һэ:н	которого своего
Оруд.	алька:рын	альдка:рын	которым своим
Соед.	алькыла:һа:н	альдыкыла:һа:н	с которым своим
Совм.	алькыта:һа:н	альдыкыта:һа:н	с которым своим
Исх.	алька:сын	альдка:сын	от которого своего
Напр.	альку:рын	альдку:рын	к которому своему

*Лично-притяжательное склонение алькы?, альдки?*

Им.	алькы	альдки	который
Род.	альки:нень	альдки:нень	которого их
Дат.мест.	алькыдынь	альдкидынь	которому их
Вин.	альки:нь	альдки:нь	которого их
Оруд.	алька:рынь	альдка:рынь	которым их
Соед.	алькыла:нь	альдкила:нь	с которым их
Совм.	алькыта:нь	альдкита:нь	с которым их
Исх.	алька:сынъ	альдка:сынъ	от которого их
Напр.	альку:рынь	альдку:рынь	к которому их

Торгутский говор, за исключением отдельных случаев, не знает палатальных согласных, поэтому лично-притяжательное склонение III лица с частицей -нь сливается с возвратным склонением с частицами -а:н, (-э:н), -н.

В дербетском говоре, наоборот, имеются палатальные согласные, поэтому в нем возвратное склонение (-ан; -эн, -н) воспринимают как лично-притяжательное склонение с -нь.

**Качественно-вопросительные местоимения.** К данному разряду вопросительных местоимений относится местоимение яма:ра:н? 'какой?', вопросительно обозначающее признаки предметов, явлений и соотносящееся с именами прилагательными, которые отвечают на такой же вопрос. Местоимение ямаран? не имеет множественного числа и в диалектном отношении нейтрально, склоняется по типу простого и притяжательных склонений.

*Склонение:*

Им.	яма:ра:н	яма:ра:н	яма:ра:н
Род.	яма:ра:на:	яма:ра:нын	яма:ра:нынъ
Дат.мест.	яма:ра:нды	яма:ра:нда:н	яма:ра:ндынь
Вин.	яма:ра:ни:ге	яма:ра:ни:гэ:н	яма:ра:ни:нь
Оруд.	яма:ра:на:р	яма:ра:на:рын	яма:ра:на:рынъ
Соед.	яма:ра:нла:	яма:ра:нла:һан	яма:ра:нла:нь
Совм.	яма:ра:нта:	яма:ра:нта:һан	яма:ра:нта:нь
Исх.	яма:ра:на:сы:	яма:ра:на:сын	яма:ра:на:сынъ
Напр.	яма:ра:ну:р	яма:ра:ну:рын	яма:ра:ну:рынъ

К качественно-вопросительным местоимениям можно отнести местоимения алькы?, альдки? 'который?', производные от простран-

ственно-вопросительных али?, альды? ‘где?’, обозначающие предметы, выделительным признаком которых является пространственная взаимозависимость.

В диалектном отношении местоимения алькы?, альды? более употребимы в торгутском говоре.

Также к ним можно отнести местоимение кээ:к? ‘когдашний?’ от вопросительно-временного местоимения для вопросительного выделения предметов, явлений, действий в зависимости от хронологии.

К области адъективации также можно отнести производное от качественно-вопросительного местоимения кэду:? ‘сколько?’ количественно-вопросительное порядковое местоимение кэду:дегчи? ‘который (по счету)?’, служащее для вопросительного обозначения предметов, явлений в зависимости от порядка их следования, расположения. Эти местоимения не имеют в себе межговорных различий.

**Количественно-вопросительные местоимения.** К ним относится местоимение кэду:? ‘сколько?’, употребляющееся как вопросительный заместитель названий количества предметов. Местоимение кэду:? склоняется по типу простого и притяжательных склонений и имеет полные парадигмы склонения.

Им.	кэду:		
Род.	кэду:ги:н	кэду:ги:нен	кэду:ги:нень
Дат.мест.	кэду:де	кэду:дэ:н	кэду:день
Вин.	кэду:ге	кэду:гэ:н	кэду:нь
Оруд.	кэду:гэ:р	кэду:гэ:рен	кэду:гэ:рень
Соед.	кэду:лэ:	кэду:лэ: гэ:н	кэду:лэ:нь
Совм.	кэду:тэ:	кэду:тэ:гэ:н	кэду:тэ:нь
Исх.	кэду:гэ:се	кэду:гэ:сен	кэду:гэ:сень
напр.	кэду:гү:р	кэду:гү:рен	кэду:гү:рень

В диалектном отношении количественно-вопросительное местоимение особых отличий не имеет, только соединительный падеж возвратно-притяжательного склонения, как всегда, в дербетском говоре может иметь аффикс -лэ:рен или иметь соединительный согласный [һ] там, где в торгутском имеется согласный [г], особенно если слово мягкого ряда.

**Глагольно-вопросительные местоимения.** К ним относятся местоимения *яхы?* – *яхы?*, *ю кэхе?* и *ю кэ:хе?* ‘что делать?’, употребляющиеся для вопросительного обозначения действия и обладающие всеми свойствами глагола, т.е. они могут изменяться по лицам, временам, образовать причастные и деепричастные формы.

### Спряжение:

единств. число:

1. би *яхыв?* ‘что я сделаю?’

2. чи *яхы (в) ч* ‘что ты сделаешь’

3. тэре *яхы* ‘что он сделает?’

множ. число:

биден *яхывиден?* ‘Что мы сделаем?’

Та, тадын *яхы(в)т?* ‘Что Вы (вы)сделаете?’

тэден *яхы?* ‘Что они сделают?’

### Изменения по временам:

настоящее время

*яьна* ‘что делает?’

*яьжана:?* ‘что делает?’

*яьа:?* ‘что все еще делает?’

прошедшее время

*яьвы?* ‘что сделал?’

*яьла:?* ‘что сделал?’

будущее время

*яхы?* ‘Что будет делать?’

*яхы?* ‘Что будет делать?’

*яьжи?* ‘что сделал?’

Глагольно-вопросительное местоимение *яхы?* (*яхы:?*) образует причастные формы: *яьыгчи?* ‘что делающий’, *яьдыг?* ‘что обычно делающий?’, *яьсын?* ‘что делавший?’, *яхы?* *яхы?* ‘что предполагавший делать?’. Причастные формы могут склоняться по типу простого и притяжательных склонений. Также могут образоваться деепричастные формы: *яьа:д?* ‘что сделав?, почему?’; *яьжи?* ‘что сделав?, как? каким образом?’.

Местоимение *яхы?* ‘что делать?’ чаще наблюдается в дербетском говоре. В торгутском говоре наряду с ним нередко употребляется форма с долготой – *яхы?*, хотя производные формы, в основном, образуются от *яхы?*

Местоимение *яхы?* -*яхы?* ‘что делать?’ используется в тех случаях, когда действие не направлено на объект, например, *кү:кен ду:лжа:на:* ‘девушка поет’ (*кү:кен яьжа:на:?*).

Аналитическое местоимение *ю кэхе?* *ю кэ:хе?* ‘что делать?’ применяется, когда действие направлено на объект, например, *ю кэжэ:нэ:ч:* ‘что делаешь?’ – *ширэ: кэжэ:нэ:в* ‘стол делаю’. При этом местоимение *ю кэхе?* чаще встречается в дербетском говоре, в торгутском говоре наблюдается форма с долготой – *ю кэ:хе?*



Разделительное деепричастие в калмыцких говорах обозначает действия, предшествующие основному действию, например, кү:кен хэрэ:д ирве ‘девушка съездила домой’, т.е. поехала домой, потом приехала.

Соединительное деепричастие поясняет, как, каким образом протекает основное действие, например, самолет нисчи ирве ‘самолет прилетел’, т.е. самолет прибыл летя. В языковой практике эти формы деепричастий нередко путаются. Деепричастие яһа:д? ‘что сделал? почему?’ чаще наблюдается в торгутском говоре. В дербетском говоре ему соответствует синтетическая форма юнга:д? ‘почему?’ (< юн гийэд? ‘что сказав?’).

Таким образом, глагольно-вопросительные местоимения в калмыцких говорах представляют собой широкую развитую систему, целиком и полностью следуют за глагольными формами.

**Причинно-вопросительные местоимения.** К ним относятся местоимения яһад? ‘что сделал? почему?’, юнга:д? ‘почему?’ (< юн гийэ:д? ‘что сказав?’), являющиеся деепричастной формой глагольно-вопросительных местоимений яхы? – яахы?, юн гихе? ‘что сказать?’ и рассматривающиеся вместе с глагольно-вопросительными местоимениями. При классификации, может быть, не стоило их выделять в самостоятельную категорию.

## Неопределенные местоимения

Разряд неопределенных местоимений передаёт неопределённость предметов, явлений, их признаков и количества, различных обстоятельств, связанных с действием или состоянием.

К неопределённым местоимениям в калмыцких говорах относится усеченная основа числительного нэген ‘один’ – нэге ‘некий, какой-то’, нэге өдер ‘однажды’, нэге кү:н ‘некий человек’.

Неопределённые местоимения являются составными: они образуются путем сочетания вопросительного местоимения с частицей чигн (чн): кэн чигн, юн чигн, ямаран чигн. Нэге может сочетаться с неопределённым числительным цө:кен ‘несколько’ и усиливать значение неопределённости (нэге цө:кен ‘несколько’), с прилагательным бичкен ‘маленький’ (нэге бичкен ‘маленький’) или образовать синтетическую форму нэвчикен ‘немного’, с вопросительными местоимениями: нэге юмын ‘нечто’, нэге кү:н ‘некто’,

юн нэген 'что-либо', кэн нэген 'кто-либо', ямыр нэген, яма:ра:н нэген 'какой-либо', али нэген, альды нэген 'где-либо' и т.д.

Также неопределенное местоимение может образоваться сочетанием слова юмын 'вещь, предмет' и слова күмен 'человек': юмын-күмен 'кое-что, вещи'; сочетанием пространственно-вопросительных местоимений с отрицанием биши 'не, нет': али биши, хама: биши 'где-то, где попало'.

Неопределенные местоимения могут изменяться по падежам, при этом падежные аффиксы принимает второй компонент сочетания.

В диалектном отношении неопределенные местоимения не имеют больших различий, только местоимения али биши, альды биши в торгутском говоре имеют произношение эли биши, элде биши, а местоимение хама: биши чаще встречается в дербетском говоре.

### Отрицательные местоимения

К отрицательным относятся местоимения, имеющие постфикс или послелог, отрицающие содержание корневой морфемы или предшествующего местоимения. Отрицательные местоимения могут быть образованы почти от всех разрядов местоимений: тигшиго 'не будет делать вот так', игшиго 'не будет делать этак', юн биши 'ничто', кэн биши 'никто', яма:ра:н биши 'никакой', альды биши, хама: биши 'нигде' и т.д.

Отрицательные местоимения можно разделить на следующие группы:

1. предметно-отрицательные местоимения: кэн биши 'никто', юн биши 'ничто', би бишив 'не я', эне биши 'не он' и т.д.
2. качественно-отрицательные: и:ме биши, ти:ме биши 'не такой', яма:ра:н биши 'никакой', алькы биши 'никоторый', никакой и др.
3. количественно-отрицательные: кэдү: биши 'нисколько', тэдү: биши 'не столько', цө:кен биши 'не немного' и т.д.
4. пространственно-отрицательные: энде биши 'ни здесь', тэнде биши 'не там', али биши, альды биши 'нигде' и др.
5. временные-отрицательные: кэээ: биши 'никогда'
6. глагольно-отрицательные: игшиго 'не будет делать этак', тигшиго 'не будет делать вон так', яхшиго 'как не будет делать?', яхмын биши 'не будем никак делать', тигхемен биши 'не будем так делать' и т.д.

В калмыцких говорах существуют различные слова и частицы отрицания: уга (-го), эсе, биши, -хши (-хыш), -шиго, которые могут быть применены в образовании отрицательных местоимений, особенно, глагольно-отрицательных.

Отрицательные местоимения могут изменяться по падежам по типу простого и притяжательных склонений и принимать падежные аффиксы и притяжательные частицы на последнее слово сочетания, нередко на отрицательное слово или частицу. При образовании конструкций отрицательных местоимений нередко применяется усилительное слово чиген 'хоть, хотя, даже', или частица -чи (-чин), из этого слова, ср. кэн биши, кэнчин биши 'никто, даже никто', яма:ра:н биши, яма:ра:н чиген биши 'никакой', али биши, али чиген биши 'нигде'.

В диалектном отношении отрицательные местоимения не представляют большого интереса, ибо калмыцкие говоры здесь не различаются.

#### 4. Имя числительное

Имя числительное – часть речи, которая обозначает количество предметов, явлений, действий, число, а также порядок предметов, явлений при счете.

Имена числительные калмыцких говоров, как и литературного языка, по своим значениям и грамматическим признакам подразделяются на количественные и порядковые.

#### Количественные числительные

Числительные данного разряда подразделяются на определенно-количественные и неопределенно-количественные, разделительные, собирательные, ограничительные, дробные и возрастные.

Определенно-количественные числительные обозначают отвлеченные числа, количество предметов, явлений, действий, например, нэген 'один', хойир 'два', һучин 'тридцать', зу:н 'сто'. Они не имеют специфических аффиксов и служат основой для образования других разрядов числительных.

Определенно-количественные числительные бывают простые и составные. К простым относятся числительные, состоящие из

одной основы, одного слова – ьурвын ‘три’, долан ‘семь’, миңьен ‘тысяча’, сай ‘миллион’, түмен ‘десять тысяч’, бум ‘сто тысяч’, жива: ‘десять миллионов’, дуңшу:р ‘сто миллионов’, тэрбум ‘миллиард’.

В современных калмыцких говорах числительные түмен, бум, жива:, дуңшу:р, тэрбум нередко заменяются соответствующими описательными выражениями: түмен – арвын миңьен ‘десять тысяч’, бум – зу:н миңьен ‘сто тысяч’, жива – арвын сай ‘десять миллионов’, дуңшур – зу:н сай ‘сто миллионов’, тэрбум – миңьен сай ‘тысяча миллионов’.

В разговорной речи числительное миңьен произносится как мэңьен ‘тысяча’, жива произносится как жува ‘10 миллионов’.

Количественные числительные, оканчивающиеся на -н, в сочетании со словом кратности дэки ~ даки ‘раз, раза’ и глагольными формами утрачивают конечный -н, например, нэген – нэге дэки (~даки) ‘один раз, однажды’, ьурвын – ьурвы сурад, хэрү эсе авчи чадхы ‘трижды спросив, не получить ответа’, дөрвен – детелсен кү:н дөрве хондыг ‘сокращающий расстояние четверо суток теряет’, ама:н аңьатыл арвы үмкежи ‘пока рот открывал, (другие) десять раз откусили’.

Слово кратности дэки ‘раз’ чаще встречается в дербетском говоре, форма даки чаще наблюдается в торгутском, хотя форма дэки торгутам не чужда.

Простые определенно-количественные числительные склоняются по типу простого и притяжательных склонений:

	простое		возвратное		лично-притяж.		
Им.	нэген	один					
Род.	нэгнэ:	одного	нэгнэ:нен	одного	своего	нэгнэ:нень	одного их
Дат.-							
мест.	нэгенде	одному	нэгендэ:н	одному	своему	нэгендень	одному их
Вин.	нэги:ге	одного	нэгэ:н	одного	своего	нэги:нь	одного их
Оруд.	нэгэ:р	одним	нэгэ:рен	одним	своим	нэгэ:рень	одним их
Соед.	нэгенлэ:	с одним	нэгенлэ:ьэ:н	с одним	своим	нэгенлэ:нь	с одним их
Совм.	нэгтэ:	с одним	нэгтэ:ьэ:н	с одним	своим	нэгтэ:нь	с одним их
Исх.	нэгнэ:се	из одного	нэгнэ:сен	из одного	своего	нэгнэ:сень	от одного их
Напр.	нэгнү:р	к одному	нэгнү:рен	к одному	своему	нэгнү:рень	к одному их

Дербетский говор, как уже говорилось, не различает безлично-притяжательное (возвратное) и лично-притяжательное склонения, чаще пользуясь последним. Торгутский говор также их не различает, но все переводит на безлично-притяжательное (возвратное) склонение.

Составные определенно-количественные числительные образуются из двух и более простых числительных: арвын тавын 'пятнадцать', хучин зурья:н 'тридцать шесть', йирен нэген 'девяносто один', тэвен тавын 'пятьдесят пять', зу:н хөрен дөрвен 'сто двадцать четыре'.

Простые числительные при образовании составных не утрачивают конечный -н и не принимают каких-либо аффиксов: хөрен дөрвен 'двадцать четыре', зу:н арвын 'сто десять'. Исключение составляет числительное нэген 'один', которое в атрибутивной функции при обозначении количества сотен, тысяч и т.д. в составных числительных утрачивает -н: нэге миңьен 'одна тысяча'.

Составные числительные, как и простые, могут склоняться по типу простого и притяжательных склонений, причем падежные аффиксы принимает последнее слово составного числительного:

Им.	тэвен тавын	пятьдесят пять
Род.	тэвен тавна:	пятидесяти пяти
Дат.-мест.	тэвен тавынды	пятидесяти пяти
Вин.	тэвен тави:ге	пятидесяти пяти
Оруд.	тэвен тава:р	пятидесяти пятью
Соед.	тэвен тавынла:	с пятьюдесятью пятью
Совм.	тэвен тавта:	с пятьюдесятью пятью
Исх.	тэвен тавна:сы	из пятидесяти пяти
Напр.	тэвен тавну:р	к пятидесяти пяти

Некоторые определенно-количественные числительные помимо понятия отвлеченного числа и количества предметов и явлений могут передавать и другие значения. Так, числительное нэген-нэге 'один' нередко употребляется в значениях:

1. количественного определителя: нэге чинчү:р тутырбы 'один килограмм риса', нэге машин өвсен 'одна машина сена';

2. полный, полно: Хаша:ьар нэген хө:нэ: толья: хары (загадка) 'Полна кошара овец и все черноголовы' (отгадка: спички), а:ьа:р нэген цэ: 'полна чашка чаю';

3. неопределенного артикля: Тэднэ: хэ:не хэ: хэрү:лсен нэге өвген ирнэ: (фольк.) 'После них пришел какой-то старик, пасущий овец';

4. разделительного союза: нэгте у:ля:д, нэгте инэ:ьэ:д 'то плачет, то смеется';

5. соединительного союза: в этой функции чаще всего используются числительные хойир 'два', ьурвын 'три', дөрвен 'четыре' и — реже — другие, напр., Кэээ:нэ: бэ:жи, өвген эмген хойир бээжи 'Давным-давно жили-были старик и старуха'; Эмэ:л, хаза:р, нокты ьурвын эр мөрөндө зока:ста: 'Седло, уздечко и недоуздок так красят коня'.

Количественные числительные могут принимать падежные аффиксы, притяжательные и предикативные частицы и выступать в качестве различных членов предложения, например, Нэген(ь) тоха:н чигэ: тарха: бола:д, нэген(ь) ике хары бөк бола:д зогысвы (Дж.) 'Один предстал шелудивым карлом, другой — большим черным великаном'.

Вариант с мягким согласным, как уже говорилось, относится к дербетскому говору, твердый вариант — к торгутскому.

Выделение из какого-то количества также передается лично-притяжательной частицей -нэ: тэднэ: нэгень биден болхывиден (Ж.А.) 'Одними из них будем мы'. Тавинь таша:д, арвинь алха:д, ха:на: өмне оджи су:вы (фольк.) 'Пятерым отвесив оплеухи, десятерых перешагнув, сел напротив хана'.

В форме косвенных падежей количественные числительные нередко выступают в качестве дополнения: Бума:сы булышиг хармындыго (посл.) 'Из ста тысяч полушку не жалеют'. Хойирта:ьа:сынь хөрөн күртел өскелэ:в. 'С двух лет до двадцати я его растила'.

Количественное числительное в усеченной форме в функции обстоятельства принимает аффикс орудного падежа: ки:ли:нь арва:р хулдхы 'продать по десять за кило' или просто в усеченной форме — нэге кэлхе 'сказать один раз', ьурвы ирхе 'приходить три раза'.

Иногда при передаче понятия многократного равномерного распределения наблюдается повторение одной и той же основы, причем вторая основа стоит в форме орудного падежа: ьурвы-ьурва:р хува:хы 'делить по три'. Арвы-арва:р өгехе 'давать по десять'.

Числительные в функции определения сопровождаются пояснительными словами — нумеративами, образуя тем самым имено-

ванные числа. К ним относятся слова, обозначающие единицы измерения. Наиболее распространенными нумеративами являются слова типа тоха: 'локоть', бэ:рэ: 'миля', арсылың 'рубль', тулым 'мешок' и другие. Дола:н тоха: эд 'ткань в семь локтей', ьурвын бэ:рэ: ызыр 'расстояние в три мили', нэге тулым алтын 'один мешок золота', арвын арсылың мөңген 'десять рублей денег', нэге дорвы балта-шикер 'одна сумка сладостей', хойир да:лиң хоты 'две сумки пицци'.

Количественные числительные в функции определения не согласуются с определяемым именем в падеже, например, Дөчин дөрвен көлтэ: ширэ: дэ:рень дүңгэ:льэ:д су:льывы (Дж) 'Возвел его величаво на престол о сорока четырех ножках'. Эркен арвын нэ:мтэ: насында:н би ыанцы кэвэ:р юңга:д бэ:дегви? (Дж) 'Почему в свои восемнадцать лет я пребываю в одиночестве?'.

При количественном определении поясняемые слова, как правило, не принимают аффикса множественности: арвын арсылың мөңген 'десять рублей денег', хойир кү:н 'два человека', дола:н хонга: болзыг 'недельный срок'. Однако, если после количественного числительного перед поясняемым словом имеется прилагательное, то поясняемое слово может быть как в единственном, так и во множественном числе: ьурвын сэ:хен к-ү:кен (кү:кед) 'три красивые девушки'.

Также в разряд нумеративов входят слова, обозначающие единицы измерения:

1. меры длины: хурьын – мера в один палец, ьуру: – мера в три пальца, дөрү – мера в четыре пальца, бэрме – мера в хват рукой, хош бэрме – мера в два хвата, сө:м – пядь, тө: – расстояние между вытянутыми большим и средним пальцами, сармы – расстояние между большим пальцем и мизинцем, тоха: – мера в локоть, арчим – аршин, алхым – шаг, ишкем – поступь, ступня, дэлем – полусажень, алды – сажень, ду:на: – километр и т.д.

2. меры веса: мисхел – мизер, чиннү:р – вес, ки:ле – кило, килограмм, пунт – фунт, пуд – пуд и т.д.

3. меры объема: чимке – щепотка, атхы-атхым – горсть, пригрошня, жмень, сармы – щепотка пятерней, цөгце – чарка, чашечка, сэңсен – чашечка, рюмка, ша:зың – пиала, а:ғы – чашка, су:лыы – ведро, бэдер – бочонок и т.д.

4. меры времени: агчим – миг, час – час, өдөр – день, хоньг – сутки, сары – месяц, жил – год, арьвжин – век и т.д.

Неопределенно-количественные числительные, как видно из названий, выражают неопределенное число, например, олын ‘много’, кэсег ‘много’, дала: ‘уйма, очень много’, цө:н, цө:кен ‘несколько, немного’, нэвчикен ‘немного’, нэге цө:кен ‘несколько’ и т.д. Этот разряд числительных в предложении может выступать в функции дополнения, обстоятельства, определения и др. Олы дахсын кү:н эндү:рдөг (посл.) ‘Кто следует за большинством, тот не ошибается’. Мадынды кэсег мал ту:сын улыс харьывы. ‘Нам встретились люди, гнавшие много скота’. Олы келхлэ:, улиг, цө кэлхлэ:, билег ‘Сказать много раз – докучливость, сказать немного – талант. Олы эрегсен чон хавхыды тусдыг ‘Много круживший волк попадает в капкан’.

Неопределенно-количественные числительные могут сочетаться с усилительными словами наречного типа йир ‘очень’, дэгед ‘чрезмерно’, например, Шуншиго юмынды дэгед шунхыла, бийде харш ‘Где не следует, чрезмерное усердие себе во вред’ (посл.). Йир цө:кен улыс ирсэ:р, хурыг болсын уга ‘Собрание не состоялось, т. к. очень мало людей пришло’.

В бузавском и дербетском говорах усилительное слово йир ‘очень’ нередко подменяется словом дэгед ~ дэгэ:д ~ дэгү:д ‘чрезмерно, слишком, чересчур’.

В значении неопределенно-количественных числительных также употребляются определенно-количественные и разделительные числительные в сочетании с послелогоми шаху ‘около’, ьар ‘более’, перед которыми числительные утрачивают конечный -н: арвын – арвы шаху ‘около десяти’, арвы ьар ‘более десяти’, тавын – тавы шаху ‘около пяти’, тэвен – тэве ьар ‘более пятидесяти’.

Неопределенно-количественные числительные образуются также от определенно-количественных без послелогов и передают приблизительный счет предметов, явлений, действий в пределах указанных чисел: дола:н-нэ:мен көвүд ‘семь-восемь мальчиков’. ьучин-дөчин хө:н ‘тридцать-сорок овец’, ьурвы-дөрве хонхы ‘провести три-четыре дня’.

При неопределенно-количественных числительных поясняемые слова могут быть как в единственном, так и во множественном числе: хойир – ьурвын көвүн (көвүд) ‘два-три мальчика’.



## Разделительные числительные

К количественным числительным относятся разделительные, или распределительные, числительные, выражающие количественное распределение предметов на группы.

Разделительные числительные образуются от усеченной основы количественных числительных при помощи аффикса -а:д, -э:д, -а:һа:д, -э:һэ:д, например, һурвын 'три' – һурва:д – һурва:һа:д 'по три', дөрвен 'четыре' – дөрвэ:д – дөрвэ:һэ:д 'по четыре', зу:н 'сто' – зу:һа:д – зу:һа:һа:д 'по сто'.

Числительные нэжэ:д – нэжэ:һэ:д 'по одному', хоша:д – хоша:һа:д 'по два' образуются от основ нэж – и хош-, возникших в результате чередования г//ж, й//ш (нэг-нэж, хой-хош). Так образуются разделительные числительные от простых количественных числительных.

Разделительные числительные могут быть также и составными, при этом аффикс принимает последний компонент составного числительного, например, зу:н арвын тава:һад 'по сто пятнадцать', тәвен нэ:мэ:һэ:д 'по пятьдесят восемь'.

Однако бывают случаи, когда аффиксы разделительного числительного принимает не только последний компонент составного числительного, но и другие, предыдущие: хошаһа:д зу:һа:д арсылың, 'по двести рублей', һурва:һа:д зу:һа:д хөрөн тава:һа:д 'по триста двадцать пять'.

Дробные числительные также могут иметь форму разделительного числительного, только аффикс принимает числитель, а знаменатель остается без изменения в форме родительного падежа, например,  $\frac{1}{4}$  – нэге дөрвенэ: 'одна четвертая' – нэжэ:һэ:д дөрвенэ 'по одной четвертой',  $\frac{2}{8}$  – хойр нэ:мнэ: 'две восьмых' – хоша:һа:д нэ:мнэ: 'по две восьмых',  $\frac{1}{100}$  – нэге зу:на: 'одна сотая' – нэжэ:һэ:д зу:на: 'по одной сотой'.

При смешанной дроби форму разделительного числительного принимает и целое число, и дробная часть, по выше указанной формуле, например,  $2\frac{1}{4}$  – хоша:һа:д бүкел нэжэһэ:д дөрвенэ: 'по две целых одной четвертой',  $3\frac{2}{8}$  – һурва:һа:д бүкел хошаһад нэ:мнэ:. Как видно из сказанного, в смешанных дробях и целые числа, и дробная часть отдельно имеют форму разделительных числительных.

Слова-числительные дөрвөнэ: ‘четверть, четвертушка’, нэ:мнэ: ‘осьмушка’ как самостоятельные целые числа могут принять форму разделительного числительного: Кү:н болъынды дөрвөнэ:хэ:д эрке, нэ:мнэ:хэ:д цэ: күртев ‘Каждому человеку досталось по четвертушке водки и осьмушке чая’.

Слова типа дунду:р ‘половина, с половиной’, күсдунду:р ‘полтора’, өрэ:л ‘половина’ не имеют форму разделительного числительного, но могут встречаться после разделительных числительных: хойыр ахынъ хоша:ха:д дундур нуръы идчикэ:д, эсе мэдсен болад бэ:нэ: (фольк.) ‘Два старших брата съели по два с половиной позвонка и делают вид, будто ничего не знают’. Яьсын сэ:н болхы? Нэжэ:хэ:д шил авхымби, али нэжэ:хэ:д өрэ:ли:ге авхымби? ‘Что лучше?’. Взять по одной бутылке или по одной поллитре?.

Разделительные числительные могут быть составными, образованными повторением одной или разных основ в форме разделительных числительных, например, нэжэ:д – нэжэ:дэ:р ‘по одному’, хоша:д – хоша:да:р ‘по два’. Хойыр беки:ге нэжэ:д – нэжэ:дэ:р авчи цока:д, амы-хамри:нь балвы кэжи оркывы (фольк.) ‘Двух силачей взял по одному и побил им физиономии’. Кү:кед ыаза: хоша:д – ыурва:да:р на:дна: ‘Дети по два-три играют на улице’. Повторение одной основы передает точное определенное распределение предметов по группам.

Образование разделительных числительных от разных основ передает неопределенное, приблизительное распределение предметов по группам в рамках приведенных числительных, например, хоша:д – ыурва:д, хоша:да:р – ыурва:да:р ‘по два-три’; арва:д-хөрэ:д, арва:да:р-хөрэ:дэ:р ‘по десять-двадцать’.

Разделительные числительные могут склоняться по типу простого и притяжательных склонений.

### *Склонение разделительных числительных:*

Им.	нэжэ:д	по одному	хөрөн дөрвэ:д
Род.	нэ-жэ:ди:н	того, что по одному	хөрөн дөрвэ:ди:н
Дат.-мест.	нэжэ:дте	тому, что по одному	хөрөн дөрвэ:дте
Вин.	нэжэ:ди:ге	того, что по одному	хөрөн дөрвэ:ди:ге
Оруд.	нэжэ:дэ:р	тем, что по одному	хөрөн дөрвэ:дэ:р
Соед.	нэжэ:длэ:	с тем, что по одному	хөрөн дөрвэ:длэ:
Совм.	нэжэ:дтэ:	с тем, что по одному	хөрөн дөрвэ:дтэ:
Иск.	нэжэ:дэ:се	из того, что по одному	хөрөн дөрвэ:дэ:се
Напр.	нэжэ:дү:р	к тому, что по одному	хөрөн дөрвэ:дү:р

Разделительные числительные в предложении выполняют функции определения, дополнения, обстоятельств: Нэжэ:д-хоша:д жил күлэ:һэ:д мэдхэ:р бэ:лэ (Б.А.) 'Один-два года хотел подождать'. Хоша:һа:д зу:һа:д центнер көке ноһа:н. 'По двести центнеров зеленой массы'. Хэрэ:һэ:д күрчи йовхы улыс 'Люди, которым почти по двадцать'.

Следует отметить, что аффикс -а:д, -эд разделительного числительного чаще употребляется в дербетском говоре, аффикс -а:һа:д, -э:һэ:д – в торгутском, хотя нередко могут употребляться и те, и другие.

## Собирательные числительные

Количественные числительные также включает в свой состав собирательные, которые обозначают количество предметов, взятых вместе, в единстве или в совокупности.

Собирательные числительные, как и другие разряды числительных, образуются от усеченных основ количественных числительных при помощи аффиксов – у:лын, – ү:лен, реже – лу:лын, – лү:лен, – у:рын, – ю:рын, таву:лын 'в пятером', нэ:мү:лен 'в восьмером', һурву:лын ~ һурывлу:лын 'втроем', дөрвү:лен ~ дөрөвлү:лен 'вчетвером', хойрурын ~ хоюрын 'вдвоем'.

Собирательное числительное от числительного нэген 'один' не образуется, но может образовываться от супплетивной основы һанцы 'один, одинокий, единственный' – һанца:рын 'один, в единственном числе'. Һаха: хадырсын һазыргы һанца:рын бичэ: йови:ч 'В изрытом свиньями (дикими) месте один ты не ходи'.

Однако, будучи вторым компонентом составного собирательного числительного, нэген 'один' может принимать аффикс -ү:лен: арвын нэгү:лен 'в одиннадцатером'.

Собирательные числительные склоняются по типу притяжательных склонений:

Им.	хойрулын ~ хоюрын	двое	
Род.	хойра:нын	воих	хойра:нынь
Дат.-мест.	хойра:дан	двоим	хойра:дынь
Вин.	хойра:һан	двоих	хойра:гинь
Оруд.	хойраһа:рын	двоими	хойра:һа:рынь

Соед.	хойра:ла:ъа:н	с двоими	хойра:ла:нь
Совм.	хойра:та:ъа:н	с двоими	хойра:та:нь
Исх.	хойра:ъа:сын	от двоих	хойра:ъа:сынъ
Напр.	хойра:ъу:рын	к двоим	хойра:ъу:рынъ

Собирательные числительные могут выступать в роли главных и второстепенных членов предложения, например:

Дөдә: – Дөдә: – дөрвү:лен,	Додики – Додики – вчетвером
Дөдә:н көвүд – хоюрын,	Сыновья Додиков – вдвоём
Аъа:н Манжи – ардынъ,	Агаев Манджи – сзади
Атхыр эмген жолачита: (загад.)	Хмурая бабка – кучером (отг. верблюду)

Өвгед ьурвылу:лын ца:ра:н йовна (фольк.) ‘Старики втроем пошли дальше’. ьурву:ла:ги:нь ха:на: түшмел күцә:д ирнә: (фольк.) ‘Их троих ханский министр догоняет’.

### Дробные числительные

Дробные числительные представляют собой разновидность количественных числительных и образуются сочетанием двух количественных числительных, одно из которых, называемое числителем, произносится раньше и пишется над чертой. Числительное обычно стоит в именительном падеже и обозначает количество частей из того числа, которое обозначает знаменатель.

Знаменатель всегда стоит в постпозиции в форме родительного падежа и обозначает общее количество частей, на которое поделено целое число, например, нәге дөрөвнә: ‘одна четвертая’, хойир нә:мнә: ‘две восьмых’, ьурвын арвына ‘три десятых’, дөрвөн арвын зуръа:на: ‘четыре шестнадцатых’, тавын ьучин хойра: ‘пять тридцать вторых’.

В калмыцких говорах существуют также специальные слова, передающие дробные понятия – өрә:л ‘половина, пол’, дунду:р ‘половина’, күсдунду:р ‘полтора’, өрә:сен ‘непарный, один из пары’, сөң ‘один, непарный, беспарный’ (антоним – икер ‘двойня’), дөрөвнә: ‘четверть, четвертая часть’, нә:мнә: ‘восьмушка, осьмушка, восьмая часть’. Примеры:

– Нэге бүкел цэ:ге нэжэ:нэ:д нэ:мнэ:э:р хулдхынь, кэду мөцген болхы?

– Бэ:г, дэгед түрген байжина:ч (фольк.).

– ‘Если один чай продавать по одной восьмушке, сколько денег будет?’

– Не надо, слишком быстро разбогатеешь’.

– Нэге дөрөвнэ: эрке, өрэ:л хө:нэ: махы идчикдег кү:н ода: бэ:хий?

– Би чиген чадхыв, зуг ти:ме бэлен хоты альды бэ:нэ: (фольк.).

– ‘Есть ли сейчас такой человек, который бы мог выпить четверть водки и съесть полбарана?. – И я бы мог, только где такая дармовая еда?’.

– Бас көделхе улыс бэ:ни:?

– Гэрте нэге өрэ:л-дөрөвнэ: юмын бэ:нэ:

– Тэренъ ю:н эрлег билэ:?

– Балдыр Володькы (фольк.).

– ‘Есть еще кому работать?’

– Есть в доме один, четвертинка на половинку.

– И что это за черт?

– Володька-метис.

К дробным числительным можно отнести также и смешанные числа – хойир дунду:р ‘два с половиной’, арвын бүкел хойир Һурвына: ‘десять целых две третьих’, хо:сын бүкел зу:н арвын йисен миңс Һенэ: ‘ноль целых сто девятнадцать тысячных’.

Дробные числительные могут склоняться по типу простого и притяжательных склонений, при этом падежные аффиксы принимает знаменатель, а числитель остается без изменения.

Им.	нэге	нэ:мнэ:	одна восьмая
Род.	нэге	нэ:мнэ:н	одной восьмой
Дат.-мест.	нэге	нэ:мнэ:де	одной восьмой
Вин.	нэге	нэ:мнэ:ге	одну восьмую
Оруд.	нэге	нэ:мнэ:гэ:р	одной восьмой
Соед.	нэге	нэ:мнэ:лэ:	с одной восьмой
Совм.	нэге	нэ:мнэ:тэ:	с одной восьмой
Исх.	нэге	нэ:мнэ:гэ:се	из одной восьмой
Напр.	нэге	нэ:мнэ:г-ү:р	к одной восьмой

Синтаксически дробные числительные в предложении могут выступать в функции различных членов предложения.

## Возрастные числительные

Возрастные числительные – один из видов количественных числительных – обозначают возраст, количество лет кого-, чего-либо и образуются при помощи аффиксов -та:, -тэ: от усеченных основ простых количественных числительных, например, нэген ‘один’ – нэгтэ: ‘однолетний, один год’, хойир ‘два’ – хойирта: ‘двухлетний, два года’, ьурвын ‘три’ – ьурывта ‘трехлетний, три года’, арвын ‘десять’ – арывта: ‘десятилетний, десять лет’, ьучин ‘тридцать’ – ьучита: ‘тридцатилетний, тридцать лет’, найин ‘восемьдесят’ – найта: ‘восемьдесятiletний, восемьдесят лет’.

Возрастные числительные могут также образоваться и от составных числительных, состоящих из нескольких основ, при этом словообразовательные аффиксы принимает последнее слово составного числительного, например, хөрен тавта: ‘двадцатипятилетний’, арвын нэ:мтэ: ‘восемнадцатилетний’, дөчин йистэ ‘сорокадевятилетний’. При образовании возрастных числительных от составных усеченной бывает основа, принимающая аффикс, а остальные числительные, входящие в составные, в возрастном числительном сохраняют свою полную форму, например: зу:н хөрен тавта ‘стодвадцатипятилетний’.

Возрастные числительные имеют нумеративы насын ‘возраст, лета, годы, жизнь’, жил ‘лета, годы’, ө:н ‘год’. Эти нумеративы даны по нисходящей степени употребительности в калмыцких говорах. Нумеративы, нумеративные слова не всегда требуются, если возраст становится понятным из контекста, или передается числительными без возрастного аффикса. Арвын дола: күртелэ:н хө: хэрү:ллэ:в (фольк.) ‘до семнадцати (лет) пас овец.’

Вообще аффикс -та:, -т-а: является аффиксом совместного падежа и имеет значение обладания, показывает кто кем-, чем-либо владеет. В данном случае он является аффиксом возрастных числительных потому, что показывает возраст человека.

Помимо возрастных числительных в калмыцких говорах существуют специальные слова, обозначающие тот или иной возраст: хөмөстэ (<хойир наста) ‘двухлетний’, ьунта: ‘трехлетний’, дөнтэ: – ‘четырёхлетний’. Эти слова обозначают возраст детей.

Эти же основы без аффикса -та:, -тэ: могут обозначать возраст животных особей мужского пола: ьунын 'трехлетний', донен 'четырёхлетний', ту:лыц 'пятилетний'.

Для передачи возраста особей женского пола животных эти основы принимают аффикс -жин: ьунжин 'трехлетняя', донжин 'четырёхлетняя', ту:лжин 'пятилетняя'. Эти слова в основном обозначают крупный рогатый скот, по отношению к мелким животным они сопровождаются указанием вида животного, например, ьунын хө:н 'овца-трехлетка', донен яман 'коза-четырёхлетка', хотя возможны другие слова, касающиеся мелких животных.

Для обозначения «возраста» месяца, особенно первых дней его, ведется несколько иной счет, в котором участвуют некоторые слова, употребляемые для обозначения возраста животных, например, нэге шине 'первое число месяца', хойир шине 'второе число', ьурвын шине или ьунын 'третье число', дөрвен шине или донен 'четвертое число', тавын шине 'пятое число'. Далее счет ведется обычным способом.

В калмыцких говорах в разговорной речи, в фольклорных жанрах возрастные слова могут встречаться в различных сочетаниях, в разных формах, например, как количественные числительные могут образовать порядковые числительные с аффиксом -дыгчи, -дегчи, или слова с ограничительным аффиксом – хын, – хен: ьундыгчи насында:н ьурвын халха:н ами:нь хамхыча:д одхынь энвү (Дж.) 'Это и есть тот случай, когда на третьем году жизни должен был разрушить врата трех крепостей'. ьунта:хын наста:ьасын арвын дола: күртелэ:н байин кү:нэ: миңьен цаа:н хө хэрү:лнэ: (фольк.) 'С трехлетнего лишь возраста до семнадцати лет пасет тысячу белых овец богача'.

В калмыцких говорах также существуют слова, обозначающие возраст животных по мере их взросления, например, үкр 'крупный рогатый скот' – туыыл 'теленка по первому году', бүрү 'теленка по второму году', в зависимости от пола может быть: эр бүрү, бүрү бух 'бычок по 2 году', эм бүрү, кү:кен бүрү: 'телка по второму году', ьунын 'бычок по 3 году', ьунжин 'телка по третьему году', донен – донжин, ту:лыц – ту:лжин, бухы 'бык', үкер 'корова'.

Мөрэн 'лошадь' – уньын 'жеребенок', да:ьын 'годовалый жеребенок', сарва: 'двухлетний жеребенок', үрэ: 'жеребец трех лет', бэ:сен 'кобылица трех лет', ажирьы 'жеребец', гү:н 'кобыла', акты 'мерин', мөрэн – 'лошадь'.

Хө:н ‘овца’ – хурьын ‘ягненок’, сагсыг ‘ягненок по первому году’, төлег ‘ягненок по второму году’: эр төлег ‘баранчик по второму году’, эм төлег, кү:кен төлег ‘ярочка, овца по второму году’, хуцы ‘баран, производитель’, нэ:днер хө:н ‘овцематка’, ирег ‘валух, кладеный баран’.

Яма:н ‘коза’ – ишке ‘козленок’, тэке ‘козел’, сэрке ‘кладеный козел’.

Возрастные числительные и возрастные слова склоняются по типу простого и притяжательных склонений.

Им.	ьурвыта:	ьунта	ьунын	трехлетний
Род.	ьурвыта:н	ьунта:н	ьунына:	трехлетнего
Дат.-мест.	ьурвыта:ды	ьунта:ды	ьунынды	трехлетнему
Вин.	ьурвыта:гы	ьунта:гы	ьуныни:ге	трехлетнего
Оруд.	ьурвыта:һа:р	ьунта:һа:р	ьунына:р	трехлетним
Соед.	ьурвыта:ла	ьунта:ла:	ьуныла:	с трехлетним
Совм.	ьурвытата:	ьунта:та:	ьунта:	с трехлетним
Исх.	ьурвыта:һа:сы	ьунта:һа:сы	ьунына:сы	из трехлетнего
Напр.	ьурвыта:ьу:р	ьунта:ьу:р	ьуныну:р	к трехлетнему

Им.	ьунжин	трехлетняя
Род.	ьунжина:	трехлетней
Дат.-мест.	ьунжинды	трехлетней
Вин.	ьунжи:ге	трехлетней
Оруд.	ьунжа:р	трехлетней
Соед.	ьунжинла:	с трехлетней
Совм.	ьунжита:	с трехлетней
Исх.	ьунжина:сы	от трехлетней
Напр.	ьунжину:р	к трехлетней

### Ограничительные числительные

Следующей разновидностью количественных числительных являются ограничительные числительные, образующиеся от усеченных основ простых определенных количественных при помощи аффикса -хын, -хен, -кен, например, нэгхен ‘всего один’, ьурывхын ‘всего три’, тавхын ‘всего пять’, арьвхын ‘всего десять’.

Ограничительные числительные могут быть образованы также от определенных составных числительных, при этом ограни-



чительный аффикс принимает последнее слово: арвын нэгхен ‘все-го одиннадцать’, зун тэвхен ‘всего сто пятьдесят’, хурвын зун хөрхен ‘всего триста двадцать’.

Иногда названия сотен, тысяч, миллионов и др. принимались за нумеративы, тогда число, стоящее перед ними, принимало ограничительный аффикс, например, дөрөвхен зу:н тэвен или дөрөвхен зу:н тэвхен ‘всего четыреста пятьдесят’, хурирвын сай арсылынц ‘всего три тысячи рублей’, арывхын дола:та: насын ‘всего семнадцать лет’.

Для усиления ограничения иногда этот аффикс принимает почти каждое слово составного числительного – арывхын нэ:мтэ:хен наста ‘всего восемнадцать лет’, хойирхын зу:н арвын тавхын ‘все-го двести пятнадцать’.

Ограничительные числительные не так продуктивны, но могут быть образованы и от неопределенно-количественных числительных: олын ‘много’ – олхын ‘многовато’, цө:н ‘немного, несколько’ – цө:кен ‘немного, всего несколько’, хурыгты хөре шахухын кү:н ирве. ‘на собрание пришли всего около двадцати человек’, хучихын – дөчихен хө:тэ: кү:н байинды то:лыгдхий? ‘Человек, имеющий всего тридцать-сорок овец, может ли считаться богатым?’ Хойирхын-хурирвын үртэ: кү:н өнөрте то:лыгдхий? ‘имея двоих-троих детей, можно ли считаться многодетным?’.

Разделительные числительные также могут принимать ограничительный аффикс, например, хурвахын-дөрөвхен арсылынца: улыс ю:нды одхы билэ:? ‘куда могут уехать люди с тремя-четырьмя рублями?’. Хоша:хын ‘всего лишь по два’, арва:хын ‘всего лишь по десять’.

При образовании ограничительных числительных от разделительных наглядно видно, какой элемент в аффиксах несет значение разделительности: арва:д ~ арва:һа:д ‘по десять’ – арва:хын ‘всего лишь по десять’, ср. арывхын ‘всего лишь десять’.

Ограничительные числительные могут быть образованы почти от всех количественных числительных. Не являются исключением собирательные, ср. хойру:лын ‘вдвоем, двое’ – хойрулхын ‘всего лишь вдвоем’, арвын таву:лын ‘пятнадцатером, всего лишь пятнадцать’ – арвын таву:лхын ‘всего лишь пятнадцатером’, дөрвү:лен ‘четверо’ – дөрвү:лхен ‘всего лишь четверо’.

Дробные числительные также являются основой для образования ограничительных числительных, при этом аффикс принимает числитель, а знаменатель остается без изменений, ср. нэгхен дөрөвнэ: ‘всего лишь одна четвертая’, нурувхын н-э:мн-э: ‘всего лишь три восьмых’, дола:хын арывна: ‘всего лишь семь десятых’.

Представляет интерес образование ограничительных числительных от смешанных дробных числительных, здесь ограничение может получать только целое число или только дробная часть, или и то, и другое одновременно, ср. тавхын бүкел хойар тавна: ‘всего пять целых две пятых’ тавын бүкел хойирхын тавна: ‘пять целых и всего две пятых’, тавхын бүкел хойирхын тавна: ‘всего пять целых и лишь две пятых’.

Специальные слова, передающие дробные понятия, правда, не все, могут принимать ограничительный аффикс, ср. өрә:л половина – өрәлхен ‘всего лишь половина, неполный’, дунду:р половина – дунду:рхын ‘всего лишь половина’, при наличии целых чисел ограничительный аффикс переходит на них, ср. хойирхын дундур ‘всего два с половиной’.

Ограничительные числительные также могут быть образованы от возрастных числительных, ср. арывтахын наста ‘всего в десятилетнем возрасте’, дөнтә:хен, дөнхен наста ‘всего четырехлетний’, дөнхен шине ‘всего четвертое число’, хөрхен тавта ~ хөрөн тавта:хын ~хөрхен тавтахын ‘всего двадцатипятилетний’.

Ограничительные числительные изменяются по падежам по типу простого и притяжательных склонений.

Им.	нэгхен	банцыхын	единственный
Род.	нэгхэнэ:	банцыхна:	единственного
Дат.-мест.	нэгхенде	банцыхынды	единственному
Вин.	нэгхени:ге	банцыхни:ге	единственного
Оруд.	нэгхэнә:р	банцыхна:р	единственным
Соед.	нэгхэнлә:	банцыхынлә:	с единственным
Совм.	нэгхентә:	банцыхынта:	с единственным
Исх.	нэгхэнә:се	банцыхна:сы	от единственного
Напр.	нэгхенү:р	банцыхну:р	к единственному

В предложении ограничительные числительные могут выступать в функции различных членов.

## Порядковые числительные

Порядковые числительные передают последовательность расположения предметов или их порядковый номер и соотносятся с именами прилагательными.

Порядковые числительные образуются от усеченных основ простых определенно-количественных числительных при помощи аффикса – дьгчи, -дегчи, например, нэген ‘один’ – нэгдегчи ‘первый’, хойир ‘два’ – хойирдыгчи ‘второй’, зурья:н ‘шесть’ – зурья:дыгчи ‘шестой’, нэ:мен ‘восемь’ нэ:мдегчи ‘восьмой’.

Также порядковые числительные могут образоваться от составных определенно-количественных числительных – арвын дола:дыгчи ‘семнадцатый’, ьучин зурья:дыгчи ‘тридцать шестой’, тэвен тавдыгчи ‘пятьдесят пятый’, миңьен йисен зу:н йирен нэгдегчи ‘тысячи девятьсот девяносто первый’. При этом, как видно, порядковый аффикс принимает последнее слово.

Порядковые числительные, как и количественные, могут принимать нумеративы и нумеративные слова: йирдегчи жил ‘девяностый год’, тавдыгчи үрен ‘пятый ребенок’, хөрен ьурывдыгчи тойигта: гэр ‘дом номер двадцать три, двадцать третий дом’, хойирдыгчи эрке ‘второй приезд сватов, букв. вторая водка’.

Также порядковые числительные, образуясь от неопределенно-количественных числительных, выраженных разными основами, могут передавать неопределенный приблизительный порядок предметов, явлений, например, заха:сы хойирдыгчи-ьурывдыгчи гэр, ‘с краю второй-третий дом’, ьучидыгчи-дөчидегчи жилмү:д ‘тридцатые-сороковые годы’.

Неопределенное приблизительное значение порядковым числительным может придать также их сочетание со словом алдынды ‘около’, дөчидегчи жилин алдынды ‘около сороковых годов’.

Калмыцкие говоры также знают порядковые числительные, образованные от основ определенно-количественных числительных при помощи аффикса -дыва:р, -девэ:р, развившегося из СПМЯ: нэг-девэ:р ‘во-первых’, хойирдыва:р ‘во-вторых’, дөрөвдевэ:р ‘в четвертых’ и т.д.

Числительные на -дыва:р, -девэ:р могут быть образованы не только от простых, но и составных числительных, например, дөрвен

зу:н арвын тавдыва:р ‘в четыреста пятнадцатых’. При этом аффикс принимает последнее слово. Эти числительные употребляются при перечислении порядка следования действия и являются вводными словами, например, Нэгдэвэ:р, танды би өлжэ:хемен уга:в, хойирдыва:р, кэ:ре көделсен дэ:ре ‘Во-первых, я на вас не обижаюсь, во-вторых, в степи работать лучше’ (Б.А.).

Порядковые числительные склоняются по типу простого и притяжательных склонений. Составные числительные падежный аффикс принимают на последнее слово, принявшее до этого еще и порядковый аффикс.

Им.	хойирдыгчи	второй	зу:н нэгдэгчи	сто первый
Род.	хойирдыгчи:н	второго	зу:н нэгдэгчи:н	сто первого
Дат.-мест.	хойирдыгчиды	второму	зу:н нэгдэгчиде	ста первому
Вин.	хойирдыгчи:ге	второго	зу:н нэгдэгчи:ге	ста первого
Оруд.	хойирдыгча:р	вторым	зу:н нэгдэгчэ:р	ста первым
Соед.	хойирдыгчила:	со вторым	зу:н нэгдэгчилэ:	со ста первым
Совм.	хойирдыгчита:	со вторым	зу:н нэгдэгчитэ:	со ста первым
Исх.	хойирдыгча:сы	от второго	зу:н нэгдэгчэ:се	от ста первого
Напр.	хойирдыгчу:р	ко второму	зу:н нэгдэгчү:р	к ста первому

#### *Возвратно-притяжательное склонение:*

Им.		
Род.	хуравдыгчи:нен	своего третьего
Дат.-мест.	хуравдыгчида:н	своему третьему
Вин.	хуравдыгча:н	своего третьего
Оруд.	хуравдыгча:рын	своим третьим
Соед.	хуравдыгчила:һа:н	со своим третьим
Совм.	хуравдыгчита:һа:н	со своим третьим
Исх.	хуравдыгча:сын	от своего третьего
Напр.	хуравдыгчу:рын	к своему третьему

Порядковые числительные в предложении могут выступать в качестве различных членов предложения: Гучидыгчи жили:н экелце ‘начало тридцатых годов’. Түрвэ:нь нэгдечи класс, Пүрвэ:нь – хойирдыгчи:ге чилэ:ве (Ж.А.). ‘Тюрбя окончил первый класс, а Пюрбя – второй’. Дару:нь хойирдыгчинь, хуравдыгчинь боса:д ыара:д бэцхэ:нэ: (Н.М.) ‘Затем второй, третий поднялись и стали уходить’. Ода хойирдыгчинь чи болхич ‘теперь вторым будешь ты’.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ВОПРОСЫ КАЛМЫЦКОЙ ЭТНОНИМИИ

### Происхождение этнонима «ойрат»

Как известно, калмыки, входящие в состав многонационального народа России, являются потомками западных монголов – ойратов, которые с начала II тысячелетия играли заметную роль в истории народов Восточной и Центральной Азии (178, с. 3, 53).

Среди прочих вопросов истории, этнографии и языка издавна привлекает внимание монголистов этимология этнонима «ойрат», который до сего времени не получил достаточно убедительного объяснения.

Большинство монголистов связывает слово «ойрат» (ойирад) с монгольской формой ойира «близко, близкий» (103, с. 30). Против такой этимологии первым выступил бурятский ученый Дорджи Банзаров. Он видел в слове ойрат результат слияния двух слов «ой арат», что значило «лесной народ», подобно Рашидову «ойн ирген» и турецкому агачери «лесной народ» (23, с. 182). Однако и эта версия не могла удовлетворительно объяснить суть указанного этнонима не только в силу языковых противоречий, но и с позиции духовной и материальной культуры ойратов, у которых нет каких-либо особенностей, свидетельствующих об их исключительно лесном образе жизни.

С критикой гипотезы Д. Банзарова выступил известный монголист Г.И. Рамstedт в своей работе «Этимология имени Ойрат». Он пишет, что выражение «ой-арат» немного странно, т.к. ожидалось «ойин – арат» «народ леса». Затем Рамstedт предлагает рассматривать термин «ойрат» как монголь-

ское соответствие тюркскому «огуз». При этом автор считает, что фонетическая сторона сравнения «ойрат (~ ойрад) – огузан» не может быть оспариваема, так как первое слово представляет собой развитие на почве монгольского языка, а второе – турецкого. Однако автора смущает вопрос – «возможно ли, чтобы ойраты, которые говорят чисто монгольским языком, действительно носили старое славное имя огузов, и можно ли вероятность этого подтвердить историческими данными» (216, с. 554).

Соглашаясь с Г.И. Рамstedтом в фонетической допустимости сравнения слов «ойрат» и «огузан» и развивая его идею, можно было бы предположить, что слово «ойрат» развилось из праформы «богурат» – «быки, коровы», ср. чув. вакар «корова», калм. буур «самец-верблюд», үкер «корова» и т.д. Что касается исторических данных, то известно, что после разгрома хуннов сяньбийцами в 93 году 100000 (сто тысяч) хуннских семей добровольно приняли наименование сяньби и образовали затем Западную сяньбийскую орду. Часть из них затем получила наименование «мукрин» и обитала у Тяньшаня со II века нашей эры. С учетом этих данных версия Г.И. Рамstedта не лишена оснований, т.к. слово «мукрин» вполне соотносимо с гипотетическим словом бокуран «бык, корова», который вполне мог послужить основой этнонима «ойрат». Однако это только наши предположения, а сам Рамstedт ограничился только этнонимом огузан. Но и эта гипотеза не вызывает полного удовлетворения.

В 1978 году А.Ш. Кичиков в статье «О лингво-исторических реалиях термина «ойрат» выдвинул версию об образовании рассматриваемого этнонима от киргизского слова «ойрон», имеющего значение «молодец, сильный, богатырь» (125, с. 74). Автор приводит киргизский плач «Ойротто жок ойронум, Кыргызда жок кайраным» (119): «Молодец мой, какого среди ойратов нет, мой дорогой, какого среди киргизов нет». Версия А.Ш. Кичикова вполне допустима и во многом убедительна. Однако мы считаем, что значение слова «ойрон» – «молодец, богатырь» является переносным, а его подлинная семантика, как нам кажется, ещё не раскрыта.

Анализ этнонима «ойрат» различными авторами обнаруживает, что основой его является форма ойра ~ ойира. Поиски значения этой формы привели нас к финскому слову койра «собака» (225). Фонетическая близость данных двух слов очевидна, т.к. выпадение начальных согласных в монгольских языках – явление известное. Так, ст.-монг. хон «год» – он; харбан «десять» – арбан; китуга «нож» – калм. утхы и т.д. Следовательно, развитие койра в ойрат можно изобразить схематически так: койра – (к) ойра+т = ойрат. Таким образом, если фин. койра – это собака, то ойрат будет иметь значение «собаки».

Такая этимология в отличие от других предпочтительнее тем, что наименование этнонима связывается с названием тёмного животного. Слово койра не может считаться случайным совпадением, т.к. оно не единично, а выступает в ряду слов, представляющих собой лексическое соответствие в финском и монгольском языках, ср.: фин. сокон «жмурка, водящий», монг. сохор «слепой»; фин. тако «ковать», монг. таха «подкова»; фин. киелен «язык», калм кэлен; фин. улина «визг, писк», калм. ульна «плачет» и другие. Подобные соответствия позволили в своё время выдвинуть гипотезу об урало-алтайской языковой общности, которая до настоящего времени, хотя и не признана, но и не отвергнута окончательно.

Исторические же данные свидетельствуют о возможности контактов финно-угорских племен с предками западных монголов ещё в то время, когда они обитали рядом в районе Минусинской котловины севернее Байкала (279, с. 28).

Помимо этого, есть сведения, согласно которым после утраты своей власти в Монголии часть хуннов переселилась на запад и смешалась с финскими племенами (27, с. 269). Следовательно, предки ойратов своё наименование койрат ~ койрад «волки, собаки», сохранившееся в виде ойрад, могли получить ещё задолго до выхода на историческую арену.

Известно, что образы волка и собаки широко использовались в качестве родовых тотемов древних народов. Так, в Древнем Египте собак боготворили и богов изображали с собачьей головой (97). Древние индийцы ещё две с половиной

тысячи лет назад супругу Шивы, богиню Кали (она же Умы, Парвати, Шакти), называли с благоговением волчицеликою (76, с. 23). По свидетельству Л.Н. Гумилёва образ волка был тотемом древних тюрков, уйгуров и монголов, которые считали его одним из прародителей. Ссылаясь на китайские источники, он пишет, что понятие «тюркский хан» и «волк» синонимичны и допускает возможность бытования такого воззрения у самих тюрков (150, с. 39). Видимо, поэтому, как пишет Олжас Сулейменов, в тюркских и монгольских фольклорных традициях Волк – образ мужества. Сравнения с волком удостаиваются не многие герои. Волк – один из авторитетнейших тотемов степного культа (235, с. 23). В русской былине об Илье Муромце, Калин-царь (kalin – kajin) сам себя называет собакой. Собакой Калина называют и его приближенные (56, с. 57-58). Даже учитывая негативное отношение к завоевателю со стороны русских рапсодов, для которых слово собака было ругательством, всё же остаётся уверенность в том, что он действительно мог называть себя собакой, т.к. собака – это не только значение его имени, но и вся его (мнимая или действительная) суть: хан, герой, богатырь.

Образ волка и собаки имеет большое значение также для калмыков и их предков. На старых калмыцких знаменах изображен легендарный покровитель кочевников – Дайчин-Тенгери на белом коне в сопровождении медведя, волка и собаки (6, с. 11). Вероятно, названные животные были тотемами калмыцких племен, т.к. до сих пор среди калмыков существует роды, называющиеся волками – чоны (чино). Возможно поэтому волка уважительно называют «небесной собакой» (тенгрин ноха), а собаку вместо «ноха» называют «тээһн». Молодая сноха, впервые переступающая порог дома жениха, должна была собаку кормить с полы своего платья.

Известно также, что прародителями Чингис-хана были Борте-чино «серый волк» и Гоа Марал «прекрасная, белая олениха» (128, с. 79). И, наконец, в 9 веке до нашей эры, по свидетельству китайской хроники в переводе И.Я. Бичурина, «великий князь Муван ходил воевать поколение Гуань – жу-



нов (по графике Л.Л. Викторовой – цюань жуны или собаки – жуны)» (62, с. 118), получил от них четыре волка белых и четыре оленя белых и возвратился (43, с. 41). Не будем оспаривать достоверность сведений о цвете полученных животных. Важно то, что племя Гуань-жуны (собаки-жуны) в знак покорности подарило победителю не простых, а белых, священных четырех волков и четырех оленей. Следовательно, легенда о происхождении монголов и Чингис-хана имела в основе реальные факты, относящиеся к 922 году до нашей эры, т.к. племя в данном случае дарило победителю своих тотемов-хранителей и тем самым признавало свою покорность. Если «Гуань» «собака» – это подлинное наименование, пусть даже несколько измененное на китайский манер, то этноним монголов киян ~ кият (kijap ~ kijat), встречающийся в «сокровенном сказании...», засвидетельствованный также Рашид-ад-Дином, возможно, является одной из форм или формой древнего наименования «волка – собаки». На такую мысль наталкивает, с одной стороны, некоторая фонетическая близость названий гуань и киян (kijap), с другой – отсутствие в монгольских языках названия волка. Существующие монгольские формы чоно ~ чоны ~ шоно «волк» < чино, видимо, являются эпитетом к волку и обозначают «сильный, крепкий (ср. монг. чинэ:н, калм. чинэ:н «сила»).

Семантическое значение этнонима киян ~ кият раскрывает В.М. Иллич-Свитыч. Так слова с консонантным скелетом к (j)n/ к(j) l/ к(j)г имеют значение «волк, собака» (107, с. 361, 238). Как видим значение гуань и киян совпадают.

При более близком фонетическом рассмотрении этнонима «kijap» можно установить, что в результате спонтанного чередования корневого гласного [i] появился ряд форм: kij=~kej=~kaj=~koj=~kuj, каждая из которых вследствие развития дифтонгов в двослоги, монофтонгизации, ослабления начальных согласных до исчезновения, сращения с различными аффиксами дала серию гнезд слов различной продуктивности и с различными прямыми и переносными значениями, например:

kij =	—	kij + an >	иян (папуас) «собака»
		kij + a >	кя (корейск.) «собака»
		kij + a >	ка-ка (др. тюркск.) «возглас подзывания собак»
		kij + a >	ка (калм.), хиа (монг.) «те лохранитель, адъютант, паж».
		kij + od >	хиёд (монг.) название др. монг. рода.
		kij	имя полянского князя, основателя г. Киева

kej =	—	kej + n >	хейн (бирм.) «рычать» (о собаке, о тигре)
		kej >	кер (др. тюркск.) «лаять»
		kej	(бирм.) «руководящие или партийные кадры».
		kej	(др. тюркск.) «крепко, основательно».
		kej	(иран.) титул, шах.

kuj =	—	kuj + m >	(название племени) (Р-д-Д) куин – татар
		kuj ~ кьj (уйгур)	титул
		kuj + an >	гуань (кит.) «собака» (гуань-жуаны – название народа «собаки жуны»).
		kuj + on >	куён (узб.) «заяц, кролик».
		ku(j) + t uk kuj >	кучук (узб.) «собачка».

qai	—	gaj + l >	гайль (арм.) «волк»
		gaj + n >	гайын (туркм.) «название породы собак»
		qai + m	гайым (туркм.) «стойкий непоколебимый, твердый»
		qai + damak >	гайдамак (тур.) «нападать»
		qaj + ta >	хайта (гагауз.) «свора»
		qaj + te >	хайте (молд.) «свора»
		qai + l >	хайль (нем.) приветствие
		qaj + a >	хайа (арм.) армянин
		qaj + a + stan >	хайастан «Армения»
		qaj + renik >	хайреник (арм.) «Родина»
		qaj + mat >	хаймат (нем.) «Родина»

kai=	—	kaj = kaj >	каюр (русс.) «погонщик собак на нартах»
		kaj + k >	кайк (тадж.) «блоха»
		kaj + in >	каин (библейск.) «изверг, преступник, братоубийца»
		kaj >	кай (бирм.) «кусать»

		• (например о собаке)
	kaj + i >	кайи (Р-Д-Д) «крепкий»
	kaj >	ка (др. тюркск.) «возглас подзывания собак»
	kaj + an >	каан ~ хаан (хон-хун-ха(хо-ху) «волк; большой, великий; храбрый, доблестный; правитель, хан».
	kaj >	кай-кай боевая команда, клич у калмыков (кирг. эпос «Манас»)
koj = koj	koj + ot >	койот (анг.) «койот, волк»
	koj + it >	хойт (монг.) название племени
	(k)oj + ron >	ойрон (кирг.) «молодец, богатырь»
	koj + ra >	койра (фин.) «собака»
	koj + in >	коин (коми-язьвин) «волк»
	qoto + goj + t >	хотогойт (монг.) название племени
	koj + in ~ kon + in >	(калм.) хөөн, (монг.) хонь «овца»
	koj >	кой (тюрк.) «овца»
	koj + on >	койон (кирг.) «заяц»
	koj + on >	койон (кирг. разг.) «собака» (– кандайдыр бир шити коён жатагына чейин-билуу абдан жакшы билуу).

Как видно из примеров, китайская форма гуань является производной от kijan (узкого огубленного варианта kujan). Финское же слово койра (kojra), к которому возводится этноним ойрат, также оказалось производным от kijan, его средней огубленной формы койан~койон.

Таким образом, этноним kijan, одно из названий протомонгольских племён, и этноним «ойрат» суть две разновидности одного общего наименования волка-собаки, или, как пишет В.М. Иллич-Свитыч, полуприрученного волка, предка современной собаки.

### Этнонимы «калмык» и «хальмг»

В науке существует мнение, что термин калмык произошел от тюркского калмак и обозначает «отделившийся, отколовшийся, оставшийся». Время его происхождения обычно связывается с отделением от основной монгольской массы и приходом калмыков на

Волгу. Такое объяснение и хронология многих не совсем убеждает. Поэтому появился целый ряд версий.

Народный поэт Калмыкии, знаток эпоса «Джангар» С.К. Каляев этот этноним возводит к слову хальх «нестись над землей, возноситься» (112). Конечно, этот поэтический образ, построенный на фонетической близости анализируемых слов, не мог удовлетворить жаждущих добраться до истины. Под влиянием обаяния Каляева оказался большой знаток калмыцкого языка, крупный этимолог А.Ш. Кичиков, который поддержал эту версию, считая более чем сомнительным происхождение этого термина от тюркского «калмак», ибо ударный [а] последнего слога не мог развиваться в [ы], как это не произошло со словами казах, каракалпак (124, с. 133-134).

Конечно, А.Ш. Кичиков прав, когда говорит об ударных гласных в русском языке. Но не надо забывать, что название «калмак» стало самоназванием, а в калмыцком языке слова «казах», «каракалпак», «башмак» представлен как «хасык», «хар халвынг», «башмыг». Так что слово «калмак» в калмыцком языке вполне могло произноситься как «калмык», с чем представители других народов не могли не считаться. Следует отметить, что А.Ш. Кичиков термин «калмык» и самоназвание «хальмг» развел в разные стороны. Спустя много лет к этому также пришел М.У. Монраев в своей статье («Хальмг» и «калмык» – разные слова?), опубликованной в газете «Известия Калмыкии» (№ 118, 30 июня 1995 г.).

В.П. Дарбакова искомым этноним возводит к слову «хольмг» («смешанный») (79, с. 31). Конечно, этот вариант, как одна из версий, имеет право на существование. Но если помнить, что чистых наций не бывает, то калмыки не могли составить исключение, но тот факт, чтобы эта их особенность могла лечь в основу их названия, а потом самоназвания, вызывает сомнения. При этом нелишне было бы указать, о каком смешении идет речь, кого с кем, когда. Думается, вряд ли древние гордые ойраты приняли бы название, говорящее о нечистоте их крови.

Изучению этнонима «калмык» много лет посвятил историк, знаток тюркских языков Б.Ц. Алаев. Он проанализировал высказывания ученых по данному вопросу, изучил эпосы тюркских народов, установил соответствие выражений «улан залата хальмг» и «кизилбаш» и пришел к выводу, что термины «калмык» и «хальмг»

являются разными произношениями одного и того же слова, только на разных языках, тюркском и калмыцком (10). Конечно, с автором можно в чем-то спорить, но он собрал высказывания ученых по этому вопросу, освободив других от необходимости на них останавливаться.

Большой резонанс вызвала в свое время статья писателя Т.О. Бембеева «Кто мы, калмыки?» (34), в которой автор горячо и убедительно подвергает сомнению существующие толкования этого термина и его хронологию. При этом автор ссылается на великого узбекского поэта XV века Алишера Навои, который, описывая сражения Александра Македонского с Персидским Дарием, говорит:

Был строй составлен из семи рядов -  
Семи великих поясов...  
Узбеков было за сто тысяч там.  
*Калмыков – полтораста тысяч там* (163, с. 581).

Возникает сомнение – наши ли это калмыки, о нас ли это? Но сомнения отпадают, когда вместе с Т.О. Бембеевым читаем дальше:

Там – чуждый милосердья хан Конград  
Своих калмыков выстроил отряд.  
От них пришли в минувшие года  
В мир – суматоха, ужас и беда,  
Мечи их блещут, душу леденя,  
Как языки подземного огня (163, с. 581.).

Если вспомним, что у предков калмыков была развитая металлургия, что среди калмыков был и есть род (племя) кунград, сомнения исчезают.

Таким образом, усилиями писателя Т.О. Бембеева хронологические рамки возникновения термина «калмык», которые обычно привязывали к приходу калмыков на Волгу, отодвинуты, если не к эпохе Македонского, то к эпохе Алишера Навои – это точно. Казалось бы, в подтверждение этому Д.И. Тихонов находит слово калмысы в значении «оставшиеся» в надгробной надписи Уйгурского кагана в середине VIII века (32, с. 17). Однако, неизвестно, в каком контексте этот термин употреблен, ибо как лексическая единица он мог существовать еще до появления этнонима.

Устное поэтическое творчество тюркских народов – казахские эпосы «Алпамыс-Батыр», «Кобланды-Батыр», узбекский «Алпамыш», киргизский «Манас» – также свидетельствует об этом. Если мы вспомним, что в 1995 отмечалось тысячелетие киргизского «Манаса», то этнониму «калмык» должно быть около полутора тысяч лет. Чтобы войти во все указанные тюркские эпосы, этот термин должен был быть достаточно распространенным, достаточно известным. Поэтому с уверенностью можно сказать, что этот этноним является древним, относящимся к началу новой эры или к середине первого тысячелетия. Почти во всех этих эпосах калмыки выступают основными оппонентами главных героев. Только в столкновении с калмыками они совершают героические подвиги, только контакты с калмыками высекают искру народного творчества и рождают такие шедевры, какими являются упомянутые эпосы.

Калмыцкий Баатур-Убаши-Тюмень, автор «Сказания о дербен-ойратах» в 1819 году писал: «Хальмг гидг нериг нутг салат, үлдснь маньд өгсн болв. Маньдаһар үлдл гисн үг. «Считается, что имя «калмык» дали татары оставшимся после распада страны. По-татарски это слово значит «остаток», «оставшийся» (17, с. 199).

Авторы «Очерков истории Калмыцкой АССР» справедливо считают неясным, о каком распаде нутука он говорит и к какому времени его приурочивал (178, с. 55).

Упоминание о калмыках встречается в «Родословной тюрков» анонимного автора (когда он говорит о Султানে Мухаммед-Узбекхане, правившем в 1312-1343 годы), в сочинении Шереф-аддина Йезди «Зафар-намэ», где описываются события эпохи Тимур-хана (1370-1405 гг.), в трудах Абд-ар-раззак Самарканди. (1413-1482 гг.).

Как видно из сказанного, название «калмык» интересовало многих азиатских авторов, каждый из которых пытается дать этимологию этого слова и всякий раз натывается на термин «калмак», что означает «отделившийся, отколовшийся». Возникают вопросы:

1. Кто отделился?
2. От кого отделился?
3. Когда отделился?

Все авторы едины, когда говорят о самом факте отделения. В то же время расходятся в конкретике. При этом, как можно заме-

тить, все называют разные факты, но нет сколько-нибудь приемлемого варианта. Это говорит о том, что такой факт, если он имел место, происходил в более ранний период, чем тот, о котором пишут авторы, и успел изрядно позабыться.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, вспомним, что среди племен, побежденных тобасцами при покорении ими северного Китая, находились «пятьсот семи Ашина». Ашина подчинялись хунскому князю Муганю, владевшему Хэси (область к западу от Ордоса, между излучиной Хуанхэ и Наньшанем). Когда в 439 году тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй, то князь «Ашина с пятьюстами семействами бежал к жужаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев» (43, с. 221).

Китайцы называли подданных ханов Ашина-Ту-Кю. Это слово расшифровано П. Пельо как «тюрк-ют», т.е. «тюрки». Слово «тюрк» значит «сильный, крепкий». Это имя впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения. К V веку, когда это объединение вышло на арену истории, всем его представителям был понятен межплеменной язык того времени – сяньбийский, т.е. древне-монгольский. С этим языком Ашина в 439 году перешли на северную окраину Гоби. Слово «Ашина» значило «волк». По тюркски волк – бури или каскыр, по-монгольски шоно//чинно. «А» – префикс уважения в китайском языке. Не подвергшееся китаизации слово сохранилось в арабской записи этого имени – Шанэ (76, с. 22-23).

Предгорья монгольского Алтая, куда попали беглецы, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились дружинники князя Ашина и наделили их именем «тюрк» или «тюркют». Общеизвестно, что термин также имеет твердый вариант турк-туркут, который, по нашему мнению, лег в основу имени также монголоязычного народа – торгут. Когда торгуты отделились от основной части ойратов и пришли на Волгу, их стали усиленно называть калмыками, что значило «отделившийся», в знак исторической памяти об отделении Ашина, об отдельном кочевании торгутов от других ойратов до того, как они воссоединились с ойратами при Тогон-тайше, в знак того, что торгуты снова отделились от ойратов и пришли

на Волгу. Как отмечалось выше, имя «калмык» за торгутами закрепилось давно, но приход на Волгу, видимо, дал новый импульс.

Те калмыки, которые после полутораста лет проживания на Волге вернулись в Джунгарию, калмыками не называются, а носят свое древнее племенное название – торгуты (254, с. 181).

Теперь попытаемся разобраться с калмыцким вариантом произношения имени калмыки – хальмг-хэлмег, что на старокалмыцком ясном письме передавалось как халимаг – в три слога и с мягким [л]. Калмак и халимак – это два разных слова. Об этом первым сказал А.Ш. Кичиков, об этом пишут Г.О. Авляев, М.У. Монраев.

Среди калмыцкого племени цаатанов, особенно багацаатанов, бытуют родовые названия – ик хөрн, баһ хөрн, му хөрн. Даже существует выражение: Му хөрн болхар, сэн арвн болнав – «Чем быть плохой двадцаткой, буду хорошей десяткой». Все эти названия, как нам кажется, имеют бурятское происхождение и обозначают хоринцев (ик хорин, бага хорин, му хорин, му хориныхын).

С таким же успехом можно допустить наличие калмыцкого, древнекалмыцкого следа среди бурят. Тем более, что буряты считаются родственным народом, имеющим ойратское происхождение.

Г.Н. Румянцев в своей известной работе «Происхождение хоринских бурят» среди хоринцев называет род «Хальбин» (225, с. 71).

Известный бурятский ученый Ц.Б. Цыдендамбаев считает весьма заманчивым сравнение этнонима Халбин со словом Калбум, зарегистрированным в словаре К.К. Юдахина (279-б, с. 330), с пометкой «арабское заимствование в киргизском языке со значением собака».

Вполне возможно, что это действительно арабизм, но в персидском языке есть редко употребляемое слово калб «собака». Не зря Алишер Навои намекает на тотем (собака) и происхождение этнонима монгол от патронима Мангу:

Я на собаке не считал волос -  
Но больше там монголов поднялось.  
Подобный льву, их вождь Мангу ведет,  
В мрак погружает страны их налет (163, с. 581-582).



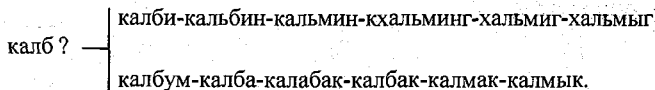
Если учесть протомонгольский, протоойратский, прототоргутский культ собаки-волка, то вполне возможно, что арабо-персидский «калб» явился праформой хальбин, а от хальбина до хальмг один шаг. Развитие этого слова схематически можно изобразить следующим образом: Кальби – к/х/альбин-хальмин-хальминг-хальмыг. Если учесть, что старокалмыцкая письменность мягкость согласных передает гласным [и], а редуцированный гласный передается буквой, обозначающей гласный звук полного образования, то мы будем иметь орфограмму халимаг, т.е. то, что требовалось доказать. Как видно из схемы развития слова хальмыг, оно имело длительную эволюцию и в разные этапы имело разные формы, как например, бурятское хальбин, в котором не каждый может увидеть хальмыг.

Правильность нашей этимологии подтверждает казахский ученый Г.К. Конкашпаев (129, с. 116), который отмечает, что в Казахстане много топонимов монгольского происхождения, что почти все они относятся к периоду обитания ойратов на его территории. Он пишет, что сотни географических объектов носят ойратские названия, что они в основном сохранились в наименованиях сравнительно крупных реалий – гор, рек, озер, например, в оронимах (названия гор): Тарбагатай, Калба (Холбо), Кандагатай, Богуты, Баянаула (Баинола), Баянжурек (Баинзурк).

На заре становления этого имени, как уже говорилось, могли существовать разные варианты. Г.Н. Потанин отмечает еще один. Он пишет, что калабак – это киргизская кость (от монгольского слова халбагай «колпица»), допуская, что от этого слова с переходом б в м образовался этноним калмак, по другому произношению – калмык (205-а, с. 9, прим. 62).

Конечно, о колпице говорить не приходится, что же касается калабак и отсюда калмак – калмык, видимо, автор совсем не далек от истины. Вариант Потанина прекрасно вписывается в цепь вариантов калб.

Таким образом, один и тот же корень развился в двух разных направлениях:



Термины торгут, калмак и хальмыг по своим лексическим значениям были близки друг другу и обозначали «волк-собака» и, возможно, подменяли один другого. Слово калмак (из «калбак») тюркоязычные соседи восприняли, исходя из своего языка, и надолго ввели мир в заблуждение. Наименование калмак-хальмыг за торгутами, видимо, закрепилось давно. Об этом свидетельствует И.Я. Златкин. Он пишет, что «холбон» встречается в «Сокровенном сказании монголов» 1240 года и в «Алтан Тобчи» (103, с. 79).

Из сказанного следует, что этнонимы калмык-хальмыг имеют арабо-персидское происхождение и связаны с названием тотемного животного.

Журналистка Н. Халгинова, интервьюируя серба Момчило Тришича, пишет, что сербы калмыков называют «калвинцы» (см. «Калвинцы – золотых рук мастера», газета «Известия Калмыкии» от 27.12. 1997. с. II).

Так, жизнь подтвердила правильность нашей этимологии. При этом подтверждение пришло совершенно не с той стороны, откуда, казалось, можно было ожидать. Это является доказательством того, что имя калбин (-калбак) было широко известным, если на далеких Балканах помнят древнее название «калбин – калвин».

### **Этноним бузав**

Дон является одним из регионов наиболее тесного контакта калмыков и русских, наиболее активной точкой, где чаще всего проверялась дружба калмыцкого и русского народов.

Издавна, почти с самого появления калмыков на Волге, в связи с близостью их кочевий с землей донских казаков между ними установились определенные контакты. Сначала калмыков на Дон привлекали богатые привольные пастбища и обильные водные источники. Позднее же они приходят на Дон в поисках убежища в просторных донских степях, защиты у донского казачества от преследований феодальной аристократии. Казаки же в них видели хорошо подготовленных воинов для охраны южной границы России. Еще во времена Хо-Орлюка, в 1642 году, по возвращении его после сейма 1640 года из Монголии, казаки, вынужденные оставить Азов, просили помощи калмыков в их войне с азовцами и крымцами. По

этому поводу состоялось обоюдное соглашение. Это обстоятельство было поставлено на вид русскими послами в Крыму в 1643 (146, с. 10). В этой связи крымский хан в грамоте к царю Алексею Михайловичу в 1644 году (200, с. 294) выражает свое явное неудовольствие.

В 1648 году уже при сыне Хо-Орлюка Шукур-Дайчине калмыки снова появились в пределах земли Войска Донского под Черкасским городком и между казаками и калмыками был заключен оборонительный союз против экспансии крымских феодалов. Тогда же переправился через Дон значительный отряд калмыков (200, с. 294). Н.А. Маслаковец считает, что это был отряд в 1000 человек (146, с. 10).

В конце сороковых годов XVII в. (1647-1649) калмыки перешли на правую сторону Волги и заняли своими кочевьями все пространство междуречья Волги и Дона. С этого времени контакты носили более регулярный, длительный характер. Эти связи всячески поддерживались русским правительством, видевшим в этом выгоду для государства.

Калмыки в этих связях также видели определенный интерес, особенно та их часть, которая не выдерживала междоусобной борьбы или за какие-либо провинности вынуждена была искать покровительства у донских казаков.

В 1661 году был заключен договор с обещанием калмыцкой стороны служить Царю русскому и выставлять войско для совместного с казаками действия против Азова и крымского хана. Этот договор был утвержден присягой калмыцких послов, в числе которых был Пунчик, сын Шукур-Дайчина, и передачей аманатов казакам. С казацкой стороны для подтверждения мирного договора к Шукур-Дайчину были отправлены двое знатнейших старшин – Федор Бурин и Степан Разин. По этому договору за калмыками были закреплены кочевья по рекам: Куме, Манычу, Салу, Иловле, Бузулуку и Хопру (146, с. 11; 52, с. 58).

С этого времени контакты между сторонами были так часты, что русское правительство вынуждено было принять особую продовольственную меру на случай прибытия калмыцких послов, были запрещены самовольные расправы в ссорах с калмыками.

В 1669 году после смерти Пунчика к власти пришел его сын Аюка, годы правления которого являются периодом наиболее час-

тых контактов с Доном. В этот период калмыки начинают появляться в более значительном количестве. В результате феодальных распрей от Аюки отделился в 1669 году улус Дугара, двоюродного брата Аюки-хана, а в 1670 году – улус Бока, которые откочевали к Азову, причем улус Бока остался в Войске Донском на постоянное жительство. В 1686 году на Дон явилось до 200 семей, которые были приняты в казачье сословие. В 1690 году Четер Мурза, Батыр Черкес и Тайцзи со своими улусами, в которых насчитывалось до 800 человек, способных носить оружие, спасаясь от преследований Аюки-хана, также перешли Дон и были приняты в казаки, получив для кочевья пространство между Доном и Донцом. Эти переходы вызывали неоднократные нападки со стороны Аюки, добивавшегося возвращения ушедших калмыков и их предводителей. Так, в 1691 году сам Батыр Черкес, убежденный Аюкой, оставил Черкесск и перешел с Мурзою Четырем обратно за Дон.

Для большего привлечения калмыков к постоянному поселению на Дону и причисления их к казачьему сословию с 1694 года решено было выдавать калмыкам за службу с казаками постоянное жалованье по 500 рублей в год. Численность калмыков, состоявших в войске Донском и способных носить оружие, составляла в это время до 600 человек. Новые междоусобия между наместником Церен Дондуком и другими соискателями власти после смерти Аюки-хана в 1724 году привели к дальнейшим переселениям на Дон. Последовавшие за этим жалобы способствовали тому, что всех калмыков, перешедших на Дон до 1736 года, предписано было оставить при войске Донском. Новые жалобы на продолжающиеся переселения кончились тем, что в 1753 году состоялось повеление о высылке в улусы всех калмыков, явившихся на Дон после 1736 года, и на калмыцкое поселение были распространены правила о паспортах. Так было возвращено с Дона до 366 кибиток, в которых считалось до 1515 душ мужского пола.

Однако разрешения на причисление калмыков к Донскому войску давались и после 1736 года. Так, в 1744 году указом на имя войскового атамана Ефремова было причислено к Донскому войску около 400 кибиток калмыков-томутов.

В 1803 году к калмыкам войска Донского были причислены Беляевские калмыки, кочевавшие у местности Беляева на р. Са-

мара, впадающей в Днепр, которые затем под именем Доломановских калмыков служили в Ростовском казачьем полку, после расформирования которого они были причислены к Донскому войску. В том же году на Дон были переведены калмыки, состоявшие при Чугуевском казачьем войске.

Этническое происхождение донских калмыков является одним из интересных вопросов, связанных с их историей.

У донских калмыков существует предание о том, что якобы они происходят от особой группы выходцев из Джунгарии. Отголоски этого предания наблюдаются у А.К. Ку-ма (135, с. 297-316) в его статье «Исторические сведения о калмыках, кочующих на земле Войска Донского».

Эта легенда, видимо, родилась после прихода в 1673-1676 гг. на Волгу новой группы калмыков, хотя не отрицается возможность появления ее гораздо раньше. Вероятно, она является следствием борьбы ушедших на Дон калмыков против притязаний царствующего дома Аюки, который беспрестанно предъявлял им свои права на них и всячески военной силой, уговорами пытался вернуть их к основной массе калмыков. Это была ширма, за которой можно было как-то укрыться от сатрапов Аюки и его приспешников. Вполне возможно, что донские калмыки отрицали свое отношение к основной массе и говорили о своем самостоятельном приходе из Джунгарии.

Как бы там ни было эта легенда касается только части донских калмыков. По этому поводу Пальмов Н.Н. также пишет, что «если говорить об особых предках донских калмыков, имея ввиду известную часть последних, то в такой роли придется признать группу, явившуюся в донские степи в 1687 – 1688 году» (189, с. 8).

Примерно то пишет же говорит Ц.Д. Номинханов, ссылаясь на информанта Адучинова Церена Басановича: предки жителей харьковской сотни (впоследствии станица Граббевская) по прибытии из Джунгарии поселились в местности Манан тоха при калмыцком Аюке-хане. Впоследствии они перекочевали в местность Эчки-дюю на истоках р. Бузулук, затем в местность Аюл, после к рекам Савдя, Пандя и Джурак – притокам реки Сал. Позже станица Харьковской сотни была переименована в Граббевскую станицу, по-калмыцки называлась Цевденякня аймак, по имени Цевден нойона. В

1924 году около 200 семей этой станицы перекочевало в Больше-Дербетовский улус Калмыцкой автономной области и образовало два села: Теегин нуур и Цевденякня аймак около села Второй Чонос (169, с. 23.).

Опираясь на архивные, литературные данные историк К.П. Шовунов утверждает, что в результате феодальных распрей от Аюки отделились торгоутские улусы: в 1669 году – Дугара, а в 1670 году – Бока и откочевали к Азову, причем улус Бока остался в войске Донском на постоянное жительство. Кроме этого, осенью 1674 года 150 калмыков из улусов Аюки-Тайши, совершая набег на Крым, обратились в Черкесск к князю Петру Хованскому, находящемуся в это время на Дону, за помощью. Одобрив замыслы калмыков, князь выделил «калмык же человек 40, которые кочуют меж Ратного и Черкесского городков». В исследованных архивах и опубликованных документах нами не обнаружены факты, свидетельствующие о дополнительном приходе калмыцких групп на Дон между 1670 и 1675 годами. Можно смело предположить, что это были калмыки «боковского» улуса. Из приведенных материалов, по мнению К.П. Шовунова, видно, что, во-первых, основателем донского казачьего поселения калмыков является торгоутский улус Бока, во-вторых, начало основания этого поселения можно датировать 1670 годом (271, с. 100-101).

По вопросу происхождения донских калмыков Пальмов Н.Н. также утверждает, что основное ядро их составляли торгуты, пополнившиеся затем хошутами и дербетами. К тому же основному ядру, по мнению ученого присоединились в 80-90 годах XVII столетия группы джунгарцев, в которых Пальмов Н.Н. склонен видеть хойтов (189, с. 14).

Дербетовские калмыки, – как полагает Н.Н. Пальмов, пришли на Волгу около 1673 года. К этому времени предводитель торгутов Аюка уже успел посчитаться с хошутовским Аблай-тайши и подчинить хошутовских калмыков всецело своей власти. Отношение Аюки к хошутам было чрезвычайно поучительным для дербетовцев. Они должны были понять, что и их ждет та же участь, если они не примут соответствующих мер предосторожности и не сумеют оградить свои племенные права от посягательства на них вождя приволжских калмыков. Оберегая свои права, дербетовцы ста-

раются держаться, по возможности, обособленно, а при возникновении в ханстве серьезных трений, спешат выделиться из калмыцкой массы и уйти на Дон, оттуда, впрочем, снова возвращаются к Волге после разрешения здесь спорных вопросов.

Джунгарские калмыки, по мнению Пальмова Н.Н., участвовали в передвижениях дербетовцев с Дона на Волгу и обратно, являясь для последних будирующим элементом. В 1733 году джунгарцы окончательно откололись от дербетовцев и прикрепились к Дону, но дербетовцы не отказались после этого от передвижений, ставших обычными для них и сопровождавшихся отложениями на Дону всякий раз больших или меньших калмыцких групп (189, с. 15). Последнее очень сомнительно, потому что они всегда держались «обособленно», не распыляя своих людей, старались не допустить дербетовцев «до рассеяния» (189, с. 68), ибо «погибнет самое название дербетовских калмыков» (189, с. 68). «Для сохранения дербетова имени» они всегда кочевали компактной группой, сколько придут на Дон, столько же и уходят, ибо как писали дербетовские зайсанги «думаем, что дербетовых наших улусов имя уничтожить ся может» (189, с. 69).

Видимо, Пальмов Н.Н. близок к истине, когда пишет: «заметно, что Четырь старался обособлять своих калмыков от «юртовских» и от беглых калмыков, которые одинаково состояли в команде донской старшины и несли службу наравне с казаками» (189, с. 22).

Об изолированном кочевании дербетовцев от остальных калмыков свидетельствует тот факт, что в 1771 году при уходе большей части калмыков обратно в Джунгарию дербетовский «улус потерял всего лишь 56 кибиток. Указанное количество кибиток составляло совсем незначительную часть населения дербетовского улуса, исчислявшегося через 12, приблизительно, лет в 5568 кибиток с обитателями, «по примеру», в 18061 человек обоего пола» (189, с. 84-85).

После смерти владельца Ценден-Доржи 18 февраля 1785 года правительство издало распоряжение от 30 апреля 1786 года о передаче дербетовского улуса в казенное ведомство. Указом от 13 июня 1786 года астраханскому военному губернатору П.С. Потемкину вменялось в обязанность располагать дербетовских калмыков к переходу на оседлый образ жизни. Это побудило недовольных кал-

мыков в конце 1788 года в количестве 4881 кибитки, при 42 зайсангах откочевать на Дон (189, с. 101-102).

Из имевшихся тогда в дербетовском улусе 5568 кибиток, за уходом на Дон вышепоказанного числа в 4881 кибитки, на Волге осталось 687 кибиток с несколькими владельцами. Таким образом, дербетовский улус распался на две части: большая его часть, откочевавшая на Дон, стала называться Большим Дербетом; меньшая часть, оставшаяся в астраханских степях, получила название Малого Дербета. Большедербетовцы избрали себе в правители Екрема Хапчукова, малодербетовцы – Бабула, сына Ценден-Дорджи.

12 октября 1798 года губернатор И.С. Захаров объявил калмыцкому правлению указ сената от 20 сентября, что, по воле царя, «калмыцкая Большая Дербетова орда, с владельцем их Якременом, перешедшая из-за Волги по ту сторону, причислена к войску Донскому и отдана под начальство его правления» (189, с. 106). Однако 10 мая 1800 года через Джурук и Сал калмыки ушли с Дона.

Из этих калмыков 2 тысячи кибиток пожелали причислиться к Малому Дербету. Из ведомости 1783 года видно, что под начальством Тундутова считалось 654 кибитки, у дербетовского владельца Цебек-Убуши была одна тысяча кибиток, которые после смерти владельца перешли в казенное ведомство. В казенном же ведомстве числились кибитки в количестве 3881, состоявшие под управлением Екрема Хапчукова. Кроме того, имелось 33 кибитки у мелких владельцев. Итого 5568 кибиток. К 1805 году улус сына Чучея, Эрдни Тундутова, определялся в 3911 кибиток. В этом же году произошел раздел кибиток.

Донские калмыки называются бузав. Относительно этимологии этого этнонима, его семантики существует несколько версий.

Первая версия этот этноним возводит к глагольному словосочетанию бу за:в букв. «обучал ружью; обучал военному ремеслу». Это народная этимология, построенная на внешнем фонетическом сходстве этнонима бузав и словосочетанием бу за:в. Причем одним из компонентов сочетания является глагольная форма прошедшего времени, которая характеризует более всего того, кто обучал, а не того, кого обучали, кто является носителем этнонима.

Следует отметить, что калмыки издавна знакомы с огнестрельным оружием и для них оно не должно было быть в диковинку. По-



этому версия происхождения этнонима бузав из бу+за:в вряд ли состоятельна.

Вторая версия возводит исследуемый этноним к калмыцкому названию Северского Донца, притока реки Дона-бузаг ~ бузуг~ бузыг. Эта версия может быть вполне приемлема, если допустить чередование краткого и долгого а (а // а:) и заднеязычного г с губно-губным (зубным) в. В монгольских языках существуют примеры подобных чередований, ср. монг.-письм. qamtagasun «лист растительный» > торг., дерб. хамтхсн ~ хамтыхсын, буз., ик-дерб. хамтха:сын; монг. – письм. degel ~ debel > бур. дэгэл, калм. дэвел «шуба»; монг.-письм. burgagu > калм. бурһу:, русск. бурав; калм. лит. кишго, дерб. кишва «вредный».

Помимо этого Н.Н. Пальмов (190, с. 41), К.П. Шовунов (в личной беседе) утверждают, что первые более ранние поселения юртовых, базовых калмыков были на Дону под г. Черкесском, а не на Северском Донце, причем гораздо раньше, чем на последнем. Поэтому эта версия, видимо, также не может быть принята, ибо не подкрепляется историческими данными.

По третьей версии, бузав возводится к русскому слову «базовый». Это утверждают В.Н. Корниевский (130, с. 133) и знаток истории, быта и культуры донских калмыков И.И. Попов, который пишет: «Наши калмыки зовутся также базовыми (бузава хальмугуд) или донскими (тэнгийн гол-ду нутуклаксан хальмугуд)» (200, с. 288).

Лингвистически развитие слова базовый в бузавы можно представить в таком виде: базовый – баазовый – бозавы – бузавы. На основе закона губной гармонии, т.е. неупотребляемости в калмыцком языке гласного [о] в непервых слогах, могла произойти дистантная метатеза долгой ударной фонемы первого слога [aa] и средней огубленной фонемы второго слога [о], затем – в процессе диссимиляции гласных [о, а, о] развился в [у]. Конечный [й] отпал, гласный [ы], качественно и количественно близкий к калмыцким редуцированным гласным твердого ряда, стал выполнять функцию последнего, поддерживая долготу [aa].

Примерно так можно было объяснить происхождение имени бузав от русского слова базовый. Однако до Октябрьской революции ввиду неграмотности калмыков заимствование русских слов шло устным путем. Орфограмма базовый должна была иметь произ-

ношение баазавъй ~ базъвъй, которое на калмыцкой почве не могло дать бузав.

Все рассмотренные версии, даже если бы мы их приняли за истинные, не могли пресечь притязания Аюки-хана, т.к. они содержат в себе понятие калмык. А донским калмыкам необходимо было такое название, которое бы отмежевало их от принадлежности к калмыкам и тем самым пресекло притязания Аюки. Даже ссылка на то, что они являются Джунгарскими калмыками, пришедшими прямо на Дон, не решала дело (16). Только название бузав несколько умерило пыл хана. Это название было известным, имело определенное распространение. Чтобы раскрыть этноним бузав, рассмотрим то, что калмыки в своем движении на Волгу вовлекали в себя представителей других народов – маңд, хар маңд, моңл, хапчн, шарад, тўркмін, ноъай. Последних, т.е. ногайцев, обитавших в прикаспийских степях, калмыки оттеснили на Кавказ, многие ногайцы смешались с калмыками, и калмыки знали названия их родов.

Говоря о ногайцах, М.Г. Велиев пишет, что монголы в XIII в. под предводительством Нория или Нугая вторглись в пределы Азербайджана. Впоследствии они получили название ногайцев – по имени своего предводителя. В дальнейшем ногайцы распались на несколько поколений, среди которых можно назвать буджагов (58, с. 45). Этноним буджаг сохранялся в начале XX в. в названии селений: в Геогчайском уезде – Кара-Буджаг; в Джевадском – Кара-Буджаг и Эгри-Буджаг; Агдамском – Буджаг; в Нухинском – Буджаг и Мухах-Буджаг (109, с. 149).

Как видим, название буджаг у ногайцев было распространенным. Помимо этого Буджак – историческая область между устьями рек Дунай и Днестр в 16-19 вв., южная часть Бессарабии (юг современной Одесской области), в 17-18 вв. кочевья Белгородской орды (233, с. 175-а). Как видим, ногайцы вообще назывались буджакскими татарами. Надо полагать, что название буджак также было известным и калмыкам. Тем более в формировании ногайского этноса среди других принимали участие найманы, керейты, дурмены, кунграты и др. (167, с. 256-в).

Поэтому, когда воины Аюки-хана, уже который раз, пришли, чтобы вернуть донских калмыков в пределы ханства, вполне может быть, что они называли себя буджаг, что на калмыцкой языковой почве могло звучать бузаг ~ бузав.

## Этноним дөрвөд

Среди монгольских (калмыцких) и других названий нередко встречаются этнонимы, происходящие, на первый взгляд, от числительных: хошут (от хош 'два'), хурвыд (от хурвын 'три'), дөрвөд (от дөрвөн 'четыре'), якут. долганы (старописьменный монг. язык – dolugan 'семь'), монг. найманы (старописьменный монг. язык – найман 'восемь'), хорин 'двадцать'. Однако только конкретное специальное изучение каждого из этих названий может раскрыть их этимологию.

В данном случае нас интересует термин 'дөрвөд', который многими монголистами рассматривается как производное от числительного 'дөрвөн' (дэрбен) 'четыре'. Этот термин встречается в сочетании дэрбен-ойрат (дөрвөн-өөрөд), так же как название хошуна 'кэукет' (2 а. с. 157), 'дорбэн кокэт' (там же, стр. 103, 105).

Помимо этого термин 'дэрбен' в форме мн. числа 'дэрбет' является этнонимом, названием одного из основных этнических групп в составе калмыцкого народа. Происхождение этого этнонима никем специально не изучался, хотя в различных монголоведных трудах можно встретить разные высказывания.

Первое упоминание о дэрбетах восходит к эпохе Чингисхана и даже раньше. В 'Сокровенном сказании монголов' 1240 года говорится, что четыре сына Дува-Сокора, образовав четыре рода, стали Дорбен-иргеном (128, с. 9-10)

Рашид-ад-дин этноним 'дурбан' в значении 'четыре' возводит не к Дува-Сохору, а к потомкам его младшего брата Добун-Баяна (он же Добун-Мерген – Сокровенные сказания стр. 10), а именно к пяти сыновьям Тамача, старшего из которых звали Коричар – Мерген, четыре брата которого явились родоначальниками племени дурбан (Рашин-ад-дин. Сб. летописей т. I. кн. 2 М.-Л. (221, с. 9-10) Дурбан значит – четыре. Юртом их были [долины рек]: Онона, Кэрулена и Тоглы. Эти три реки берут начало в горах Бурка [н-кал] ду [н].

И.Я. Златкин затрудняется сказать, существует ли какая-либо преимущественная связь между этими дэрбэтами и теми, которые под таким же именем появились во второй половине XV в. среди ойратов в Западной Монголии. В известных монгольских и калмыцких

источниках, говорит автор, нет данных, подтверждающих такую преемственность, что источники дают основание предполагать, что между дэрбэтами XIII в. и дэрбэтами послеюаньской эпохи нет никакой связи (103, стр. 71). Неизвестно, что за основание для предположения, однако, следует отметить, и не отрицается преемственность. С другой стороны, общность родо-племенного названия, примерная общность региона, в котором и те, и другие обитали, уже говорят в пользу такой связи, ибо на пустом месте на одной и той же территории не может дважды возникнуть одно и то же название. Появление и исчезновение родо-племенных названий, видимо, связаны с подъемом и падением правящего дома, со сменой правящей династии, и здесь, как кажется, нет ничего удивительного. В истории нередко прибегают к таким приемам, когда дробится, разрывается история одного и того же рода, племени, народа.

Исследователь истории Кукунора В. Успенский убежден, что слово дэрбэн в формуле 'дэрбэн ойрат' не означает 'четыре', а является именем племени (256а, с. 140-141). Эта точка зрения была поддержана Г. Грум-Гржимайло (73, с. 561), который считал, что союз ойратов с дэрбэнами сложился еще во времена Чингисхана. Он отождествлял дэрбэнов с дэрбэтами (там же, с. 566).

По кызыльским и сагайским легендам, все качинцы пришли из Монголии. Считается, что это потомки народа страны Төрбөт (т.е. дербеты), подаренные Моол-ханом в качестве приданого дочери, которая вышла замуж за хакасского князя (55а, с. 69). У узбеков есть поколение Дурмен. Название это сходно с другими названиями поколений: Туркмэн, Итэнгмэн, Найман, Калкаман и т.п., поэтому происхождение Дюрбют от дурбен 'четыре' едва ли имеет под собой основания. основательно. (205 а, 17, 56.).

Д.Е. Еремеев пишет, что топоним даргоман подводит нас к этнониму торго, возможно, одной из разновидностей этнонима тюрк, видоизменившегося в целую цепь этнонимов: торго, торгоут, торгул, торкаш, (тургеш, тыркиш), торк, тюрк, туркой, турпей, туркмен, туркпен, трухмен. В этот ряд, возможно, входит и этноним дурмен (93-а, с. 137-138).

Автор не сомневается в том, что этноним дурмен входит в эту цепь этнонимов, восходящих к тюрк, иначе он не привел бы его здесь. Мы разделяем эту его уверенность, ибо любая из форм – дэрбэт,

төрбөт, дорбон, дурбан, дорбэн, дурмэн – может быть соотнесена с этнонимом тюрк, имеет значение ‘сильный, крепкий’, подразумеваемая значение ‘волк, собака’ (176, с. 22). Л.Н. Гумилев пишет, что название ‘волк’ имело для тюрков VI в. огромное значение, что китайские авторы считают понятия ‘тюркский хан’ и ‘волк’ синонимами (там же, с. 23.). По свидетельству Н.Я. Бичурина, золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах (43, с. 229).

Среди калмыцких дэрбетов Г.О. Авляев отмечает родо-племенное название чоносы ‘волки’ (4, с. 154). Также имеются населенные пункты, имеющие названия ‘Ики Чоносы’, (‘Большие волки’), ‘Багы Чонос’, (‘Малые волки’), ‘Первый Чонос’, ‘Второй Чонос’, ‘Шине Чонос’.

Мы считаем, что этноним ойрат имеет значение ‘волк’. Отсюда формула ‘дербен ойрат’ должна обозначать ‘четыре волка’. Компоненты, входящие в ‘дербен ойрат’, (торгуты и хойты), по мнению автора этих строк, также обозначают ‘волка’. Если этноним «дэрбен дэрбет» принять за ‘волка’, то останется искать четвертого волка.

Если бы здесь имелось название племени, как понимали В.Успенский, и Г. Грум-Гржимайло, словосочетание ‘дэрбен ойрат’ имело бы вид ‘дэрбен ойрат хойар’ ‘дэрбены и ойраты’, как это наблюдается в выражении ‘дöчин дөрбөн хойар’ ‘сорок и четыре’ (4, с. 212).

Из сказанного вытекает, что этноним дэрбет имеет значение ‘волк’ и в своем составе имеет родо-племенные названия (4, с. 162-164.). ‘Шарнут Чонос’, ‘Ики чонос’, ‘Бага-Чонос’ и в формуле ‘дэрбен ойрат’ – ‘четыре волка’ стало больше одним компонентом, имеющим значение ‘волк’.

Казалось, на этом можно было бы остановиться. Однако народная этимология, трактующая данный термин как количественное числительное ‘четыре’ и возводящая его к четырем сыновьям Дува-Сохора или потомкам его младшего брата Добун-Мэргэна (он же Добун-Баян), не позволяет легко себя отвести. Обычно родоначальник бывает один. Здесь же имеются четыре родоначальника, давшие один этноним. Вот это несколько смущает. Родоначальник должен быть один, или каждый из братьев стал родоначальником? Возникает вопрос: каких родов и племен?

Как известно, четырех сыновей Дува-Сохора, от которых пошли дербеты, назывались – Доной, Докшин, Эмнек и Эрхэ. Однако

Г.О. Авляев, вслед за Крюгером, считает, что эти четыре сына Дува-Сохора основали союз четырех родов: огэлэт (олэт), багатут (батут), хойт (хоодуд) и кередгуд (кергит) (4, с. 192).

В приведенных выше сочетаниях ощутима количественная семантика термина дэрбен (>дэрбет). Г.Н. Потанин также считает, что слово дюрбет по-монгольски значит 'четыре' (Труды Пекинской миссии, IV, с. 25). Тем не менее некоторые исследователи склонны видеть в этом этнониме, родо-племенное название.

Понимание учеными термина дэрбен как числительного 'четыре' заставляло их искать составные компоненты ойратов, которых всегда оказывалось то меньше четырех, то больше, и породило разные варианты практовки составляющих компонентов ойратов. Да и толкование самого слова 'ойрат' также вызвало к жизни множество различных версий.

Если, соглашаясь с Д.Е. Еремеевым, этноним дурмен-дурбет возвести к торк-турк в значении 'сильный, крепкий', подразумевая тотемного животного (волка), то окажется, что были правы В. Успенский и Г. Грум-Гржимайло, видевшие в термине дэрбет этническое название.

Если исходить из того, что ойрат также имеет значение 'волк', то формула дорбен ойрат будет иметь значение 'волк-волк', т.е. волки. Эти два однозначных термина первоначально употреблялись вместе, видимо, усиливали значение друг друга. Затем термин дэрбет, видимо, стал утрачивать свое первоначальное значение 'волк' и в результате переосмысления приобрел значение количественного числительного дэрвен 'четыре', близкого по произношению к этнониму дэрвед, оставив значение волка за термином ойрат. Однако название волка сохранилось все-таки во внутренних, глубинных этнических подразделениях дэрбетов.

### Этноним торгут

Торгуты – как одно из подразделений ойратов в конце XVI – в начале XVII вв. под предводительством Хо-Орлюка в количестве более 50 тысяч кибиток пришли на берега Волги, а через полтора века в 1771 г. часть торгутов, (около 35 тысяч кибиток) ушла обратно в Джунгарию, на свою древнюю родину. Оставшаяся часть является одним из субэтносов современного калмыцкого этноса.

Вопрос о происхождении рассматриваемого этнонима еще не нашел своего решения. Китайский император Кян-лунь, оставивший подробное описание возвращения торгутов из России в Китай, говорит, что указать на происхождение их очень трудно (118, с. 406).

Существует мнение, что торгуты произошли от охранной гвардии Чингис-хана. Такое объяснение слишком поверхностно и просто. Трудно представить, что турхауты – разношерстная масса, состоящая из представителей разных племен и родов, могла так быстро перемолоться и представлять этнос, который мы имеем со всеми его этническими, культурными и языковыми особенностями. Кроме Чингис-хана, турхаутов имели и Ван-хан Кереитский, и Таргудай Кирилтух Тайчиудский – все вожди племен. Казалось бы, должен существовать целый ряд торгутов, разных по языку, культуре, обычаям и традициям. Мы же имеем довольно однородную этническую единицу.

Следует отметить, что название охранной гвардии, или дневной стражи «турхаут» происходит от отглагольного прилагательного турха «стоячий», которое, в свою очередь, восходит к глаголу тур – «стоять». Ср. шу:р – «рваться» – шу:рха «рванный», таср – «порваться» – тасрха «порванный». Аффикс множественного числа – ут ни у кого не вызывает сомнения. Внешнее сходство названия гвардии с искомым этнонимом породило различные толкования, к тому же обозначение долгого гласного через двоегласие усилила это сходство. К слову сказать, название ночной стражи кептеул также восходит к глаголу кепте – «ложиться».

Первое упоминание о торгутах встречается в «Сокровенном сказании монголов» 1240 года. «К нам подошли, -говорится в нем, – Тархудский Хадаан – Далдурхан с братьями, всего пять Тарху-дов» /§ 120/.

Рашид-ад-Дин говорит, что в эту страну /Иран/ от каана приходил некто по имени Таргудай, что он происходил из этого племени, что из старших жен от этой кости /происходит/ наиболее почтенная госпожа Бартан-Бахадура, мать четырех сыновей, ее имя Сунигул-Фуджин (221, с. 118).

Акад. Б.Я. Владимирцов пишет, что о тархут известно, что это было племя лесное, из племени этого происходила супруга Бартан-Бахадура, деда по отцу Чингис-хана (65, с. 66).

Лубсан Данзан в «Алтан тобчи» также отмечает, что Чингисхан, обращаясь к Толую, сказал «Оставайся командовать людьми, самим тобою ныне отобранными и присоединенными к тархутам, что составит особую тысячу» (139 а, с. 151). В другом месте читаем: «Ты, Унгур, сын Мэнгэту-каана, со своими гурбан-тохургутами, табун-тархутами, чангшигугтами и байагугтами составлял один курень» (139 а, с. 51).

Столь частого употребления искомого термина в «Сокровенном сказании», «Алтан тобчи» нельзя не заметить, как нельзя не видеть в тархудах торгутов, ибо названия родов и племен каждый день не появляются. Более того, о связи их говорит тот факт, что среди калмыцких торгутов отмечался род таргут, сохранивший древний фонетический вариант своего имени. В 1880 г. топограф Блаженков зафиксировал в Багацохуровском улусе «таргутов» род, возглавлявшийся мелкопоместным владельцем Очиром Буюнтуковым, состоявший из 101 кибитки, 8 из них находились в селах Сасыкольском и Харабалинском Астраханской губернии, где хозяева их были батраками у богатых русских кулаков. Тамга их представляет собой «кружочек, под ним черточка на некотором удалении от нижней части тавра, наверху едва заметная, вертикально поставленная палочка». В документе 1905 г. указывается, что таргутов насчитывается 66 кибиток (279, с. 60-61).

Существующее мнение о происхождении торгутов от Чингисхане, его братьев или потомков также беспочвенны, ибо Чингисхан сам является внуком таргутки Сунигул-Фуджин, супруги Бартан-Бахадура, матери Есугей-Батура.

И.Я. Златкин также считает бездоказательными попытки вывести происхождение торгутов от брата Чингис-хана или других его сподвижников (103, с. 72).

Финский ученый Г.И. Рамстедт пишет, что ему объяснили, что их (торгутов – *Н.У.*) имя происходит от слов туруг-уту «тощие и длинные», но в действительности оно, конечно, – множественное число от имени «торгаг», которое соответствует имени туркак у мусульманских писателей, ссылаясь на Абуль-гази, который считает Туркак турецким племенем и объясняет их имя на почве турецкого языка: тур-как «встань, бей» (216, с. 556).



Конечно, Г.И. Рамстедт здесь находится в плену народной этимологии как самих носителей этнонима, так и мусульманских писателей. С другой стороны, можно было бы согласиться с «тощими и длинными» или «высокорослыми», но это слишком буквально, очень поверхностно и просто, а, главное, ни о чем не говорит, подобно тому, как узбек – «сам себе хозяин», туркмен – «я тюрк». Экспрессивные слова типа «встань, бей» вряд ли могли дать этноним.

Г.И. Рамстедт также утверждает, что у торгутов имеется предание, будто бы предком их княжеской семьи был знаменитый Онгхан, владыка керейтов, что среди торгутов, по местным преданиям, в Китайском Туркестане есть меркиты и керейты (216, с. 555). Конечно, торгуты и керейты генетически родственные этносы, которые некоторое время кочевали вместе.

Г.И. Рамстедт считает, что торгуты суть монгольское племя, но, ссылаясь на Радлова (213, с. 803), пишет, что есть еще турецкие торгуты Анатолии.

Известный калмыцкий алтаист П.А. Дарваев слово «тюркют» переводит как «кузнецы» и дает монгольский вариант этого слова «дархут», древнее его произношение «дархут – тархут» (83, с. 25-26). Он приводит цепь фонетических вариантов к искомому этнониму.

Близко к этому также подошел Д.Е. Еремеев, когда говорит, что топоним даргоман подводит нас к этнониму торго, возможно, к одной из разновидностей этнонима тюрк, видоизменившегося в целую цепь этнонимов: торго, торгоут, торгул, торкаш, тургеш (тиргеш, тыркиш), торк, тюрк, туркей, турпей, туркмен, трухмен (93-а, с. 138). Как видим, последние авторы этноним торгут справедливо, как нам кажется, возводят к этнониму тюркют.

Соглашаясь с протюркски (в лингвистическом плане) настроенными авторами, видимо, необходимо остановиться на предыстории и истории происхождения этнонима тюркют.

В 92 году по Р.Х. хунны потерпели поражение от китайцев в Тарбагатае, и сяньбийцы (потомки Татар-хана) в том же году овладели землями и народом их в северной Монголии. После того поражения осталось одно поколение из Дома хуннов под родовым прозвищем Ашина. Оно удалилось к подошве Алтая, где под народным названием ДУЛГА (Тукюс) находилось под зависимостью

сяньбийцев, а потом жужаней, и вместо подати обязано было добывать железо для хана (43, с. 226).

Предгорье Монгольского Алтая, куда попали беглецы, было населено племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились дружинники князя Ашина и назвали их именем «тюрк», или «тюркют» (76, с. 24). Китайцы называли подданных ханов Ашина Ту-кю. Это слово удачно расшифровано П. Пельо как «тюрк-ют», т.е. «тюрки» (76, с. 22).

Само слово «тюрк» значит «сильный, крепкий». Согласно А.Н. Кононова, это собирательное имя, которое впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения. Каков бы ни был первоначальный язык этого объединения, к V в., когда оно вышло на арену истории, всем его представителям был понятен межплеменной язык того времени – сяньбийский, т.е. древнемонгольский. Это был язык команды, базара, дипломатии (76, с. 22-23). Общеизвестно, что существуют мягкорядный и твердорядный варианты имени тюркют – тюрки и турки, последний из которых мог развиться в туркут – тургут. Повторять о том, что это слово имеет монгольское происхождение, думается, нет необходимости, но сказать о том, что оно обозначает, видимо, нужно.

Слово «Ашина» значило «волк». По-тюркски волк – бури или каскыр, по-монгольски шоно//чино. «А» – префикс уважения в китайском языке. Следовательно, «Ашина» значит «благородный волк». Не подвергшееся китаизации слово сохранилось в арабской записи этого имени – Шанэ (76, с. 23). В «Ашина» в интервокальной позиции произошла дезаффрикатизация, утрата аффрикатой (tʃ) смычной части. В арабской записи этого имени произошла дезаффрикатизация (tʃ) в результате утраты смычного компонента и расширения проточной части под влиянием перелома гласного (и) в (а).

Однако если учесть, что чино «сильный, крепкий» является эвфемизмом, подменившим настоящее название волка «кият – койра» (253, с. 110), становится ясно, как давно оно было табуировано. Видимо, это произошло в начале новой эры.

Следует напомнить, что Ашина в предгорьях монгольского Алтая приняли новое имя тюрк, тюркют и назвали этим именем

местные племена (76, с. 24). Л.Н. Гумилев не объясняет причину принятия нового имени. Нам кажется, что Ашина забыли, что их имя не является настоящим названием тотемного животного, а его заменителем, т.е. эвфемизмом. Забыв об этом, они табуировали свое имя второй раз, назвав себя тюркют, что значит опять же «сильный, крепкий» являясь эпитетом к слову, по их мнению, обозначающему волка «чино», т.е. Ашина. На самом деле «чино», из которого образовалось имя Ашина, само является эпитетом к тотемному животному – волку.

Таким образом, Ашина, меняя свое имя на тюркют, хотели назвать себя волком, но несколько иначе, чем Ашина, но чтобы при этом полностью бы заменилось первоначальное табуированное слово, передававшее понятие «волк – собака».

Волк был тотемом древних тюрков, уйгуров и монголов, которые считали его своим прародителем. Ссылаясь на китайские источники, Л.Н. Гумилев пишет, что понятия «тюркский хан» и «волк» синонимичны, и допускает возможность бытования такого воззрения у самих тюрков (76, с. 23).

Казахский писатель Олжас Сулейменов также пишет, что в тюркских и монгольских фольклорных традициях волк – символ мужества, что сравнения с волком достаиваются немногие герои, что волк один из авторитетнейших тотемов степного культа (235, с. 109). Поэтому название волка часто переходит в имена, титулы, звания, например, Кий – имя полянского князя, отсюда название города Киева; Кей – титул персидских шахов Кейянидов (Кей-Кубас, Кей-Хосров); письм.-монг. кийа – калм. ка «адъютант, телохранитель, дружинник»; Гирей – имя, титул крымских ханов, калм. Гаря – имя.

Из всего сказанного следует, что этноним торгут происходит от имени тюркют – туркут «сильный, крепкий», эпитета к тотемному животному волк, точно так же как чино «сильный, крепкий» заменило в свое время настоящее имя. Здесь не будет лишним напомнить, что действительное название волка происходит от корней кай – кой – куй – кий – кей (кият, койра – ойрат, хойт) и их производных. В разные исторические эпохи этот этноним имел разные написания – тюркют – туркут, тархуд, торгоут, торгут.

Хошуды являются одним из этнических компонентов современных калмыков. В средние века они также входили в состав ойратов, предков калмыков, и были одним из основных составляющих ойратских ханств Джунгарского, Калмыцкого и Хошудского на Куку-Норе. В последнем, как видно из названия, составляли основное ядро. Они подарили миру великого просветителя калмыцкого народа Зая-Пандиту, создателя ойратской, старокалмыцкой письменности, основателя калмыцкого литературного языка. Происхождение и семантика имени хошуд вызывает немало споров. Историк В.П. Санчилов пишет, что многие монгольские и ойратские термины, впоследствии ставшие бытовать среди ойратов в качестве этнонимических названий, восходят к эпохе Чингисхана, что в термине «хошоуд», как и в термине «торгоут», нашел свое отражение военный строй далекого прошлого (232а, с. 64).

Другой калмыцкий историк, этнолог Г.О. Авляев термин хошуд считает также военным и связывает со словом хошун «клов, морда, передовой отряд войска» и допускает, что он зародился еще в эпоху Чингисхана, а не во времена Тогон-тайши в XIV веке, как сообщают некоторые источники (65а, с. 143). Автор считает, что хошудами первоначально называли отряды опытных и храбрых воинов, принимавших первыми удары противника, т.е. это название относилось к 7 полку, которым командовал Хабуту-Хасар. Полк, именуемый «тысячей» отборных богатырей, во главе с Хабуту-Хасаром должен был охранять жизнь самого Чингисхана (128, с. 169-170). Поэтому родословная хошудских тайшей, нойонов и ханов в монгольских летописях начинается именно с Хабуту-Хасара, т.е. от рода Чингиса «борджигин кият» (33, с. 22.). Далее Авляев отмечает, что по письменным источникам известно, что гвардия при первых чингизидах не была распушена, а переходила по наследству к очередному хану Монгольской империи, что она сохранилась в виде компактной группы и постепенно превратилась в этнические общности «торгоут» и «хошоут» (4, с. 216-217).

Известный китайский историк Шилэгийн Норбо считает, что хошуды являются потомками младшего брата Чингисхана Хабуту-Хасара, от которого в восьмом поколении были два брата по

имени Аруг-Тэмүр и Өрүг-Тэмүр. Когда последний пошел под покровительство ойратского Тогон-тайши, то получил от него новых албату из числа ойратов. Однако, так как они были собраны из разных хошунов, то и получили прозвище «хошуд» (мн.ч. от хошун) (270-а, с.147-148).

Монгольская летопись XVII века «Шара туджи» дает следующее происхождение хошутов: Чагатай-чинсан, его сын Цабдан-чинсан, его сын Уруб Тэмур, его сын Тэгүтэй, его сын Нагутай-чинсан, его сын Саймалху Чинджи, его сын Хушой-чинсан, его сын Бубой-мирдза, его сын Ханай-ноян Хонгор, его сын Туру Байху Гуши-хан, его сын Джигшиху Мэргэн-хаган, его сын Радна Далай-хаган (269-а, с.160). Как видно, летопись не связывает хошутов с Хабуту-Хасаром.

Юрий Лыткин в «Материалах по истории ойратов» пишет, что у хошудского владельца Хан нойон Хонгора, жившего в середине XVI столетия, были две жены – от супруги Ахай хатун родились «табун барс», от жены, взятой из подвластных, – Хамига Бекту и Хайнук Тушиету.

Эмчи Габан Шараб в «Сказании об ойратах» говорит, что Ахай хатун назвала своих сыновей их «табун барс», т.е. пять барсов: 1. Байбагас батур, 2. Темеде Уйзан Кундулен Дюргечи Убаши (Кундулен Убаши), 3. Тйоре барихуни Дай Гуши, шашин барикчи – Номин хан Гуши (Гуши Номин хан), 4. Засакту-чинг батур и 5. Буян хатун батур (Буян Отхон) (140, с. 416).

В «Сокровенном сказании монголов» (§ 249) говорится, что Хашинский Бурхан, вступив в мирные переговоры, выслал для Чингисхана царевну по имени Чаха со словами: «Тангутский народ готов стать твоею правой рукой и отдать тебе свои силы».

Как видно, здесь слова «Хашинский» и «Тангутский» выступают как синонимы. Это же подтверждает Рашид-ад-Дин (221, Т.1.1. с. 143): область Тангут была известна монголам под именем Каши (Kashi), или Коши (Koshi). Клапрот дает перевод соответствующего места из Рашид-ад-Дина, где говорится, что страна тангутов называется также Ноа-si, это же по-китайски означает «запад большой реки» (E. Bretschneider. op.cit. 1, p.185, прим. 518). Когда Кашин, сын Угедей-каана, скончался, имя Кашин стало запретным. С этого времени снова называют эту страну Тангут.

К. Д'Оссон также говорит, что Чингисхан только что завоевал царство Каши, когда у его сына Оготая родился сын. Новорожденный получил имя Каши, но он умер молодым, и тогда, дали стране название Тангут (90-а, с. 75).

Акад. В.В. Бартольд пишет, что во второй половине IX века в местность с городом Бешбалык пришли уйгуры, вытесненные из Монголии киргизами. Это произошло в 860 году... Другое княжество было основано уйгурами в пределах собственно Китая, где теперь город Ганьчжоу... В XI веке одному тибетскому народу, тангутам, удалось отнять эту область у уйгуров и основать здесь свое государство, которое впоследствии было покорено монголами, области с тех пор было присвоено наименование Тангут (27, с. 51). Н.Я. Бичурин (Иакинф) отмечает, что название Жун принадлежало тангутам, обитавшим от Хухэнора на восток, от Китая на запад, почему китайцы еще называли их Си-Жун, западные жуны..., что в период брани царств монголы удалились в Халху, тангуты – к Хухэнору (43, с. 11). Тангутские поколения, поражаемые китайцами, всегда отступали к Хухэнору, как средоточию сил их (43, с. 44).

В другом месте Рашид-ад-Дин говорит, что Тангутское государство (Си-Ся) возникло в X в. н.э. и просуществовало до 1227 года, когда оно было покорено Чингисханом. В начале IX в. оно объединяло ряд мелких княжеств северо-западной окраины Китая, а в 30-х годах того же века тангуты захватывают долину Эдзин (Эцзин)-гола, на юге пустыни Гоби, где возник город Идзинай, известный у нас под монгольским названием Хара-Хото (221, т. I.1. с.132, прим. 2).

Известный калмыцкий языковед, переводчик «Сокровенного сказания монголов» П.А. Дарваев генезис хошудов, как кажется, справедливо связывает с сяньбийцами, в 312 году пришедшими на плоскогорье Цайдам и на берегах Куку-нора основавшими царство Тогон (84, с. 15).

Бурятский ученый Дугаров Р.Н., исследователь тибетской хроники «Дэбтэр-чжамцо», пишет, что согласно преданиям, в древности с Ляодунского полуострова в долину Желтой реки перекочевала часть племени муюн, названная позднее тогонами, или монголоязычными хорами. В 312 г. они направились в Куку-нор во главе со старейшиной Тогоном. Орда Тогона облюбовала горные долины

Куку-нора и верхнего течения Желтой реки. (Р.Н. Дугаров «Дэб-тэр-чжамцо» – источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск – 90-б с. 7).

Господство сяньбийцев муюн в Куку-норе было значительной вехой в истории края. Они сумели создать прочное государство, которое долгое время играло значительную роль в политической истории Центральной Азии (69, с. 136). К IX веку они расселились от Ордоса и Алашани до верховий Желтой реки и входили в состав владений тангутов и тибетцев Цзюесыло (62, с. 138). В XI в. южные группы аши (тогон) вошли в состав объединения тибетских племен Цзюесыло, а алашанские и другие северные группы стали подданными Тангутского государства Си-ся (927-1227 гг.) (Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо» 90-б, с. 10). Видимо, такой генетической и языковой близостью можно объяснить легкость вхождения их в состав монголов (ойратов) и полную ассимиляцию их языка с монгольскими. Однако автор не совсем четок в отношении этнонима.

Искомое слово прослеживается также в работе В.Е. Войтова в названии местности «Хушо-Цайдам», расположенной на правом берегу р. Кокшин Орхон (приток Орхона) в 2-3 км к юго-западу от соленых Цайдамских озер (65-б, с. 116). Далее В.Е. Войтов сообщает, что в 1890 году Н.М. Ядринцев выдвинул предположение, что памятники Хушо-Цайдама являются наследием уйгуров или киданей (65-б, с. 117).

К. Д'Оссон отмечает, что государство Ся (Hia), которое монголы называли тогда Хашин, а потом – Тангут, состояло из северной части Шеньси и местностей, граничащих с этой китайской провинцией к северу и западу от Великой стены, к востоку и югу оно граничило с империей чжурчженей или Цзинь (Kin). Город Ся-чжоу, теперь называется Нин-ся, расположенный в северной части Шеньси, был столицей государства. Название Каши или Коши является искаженным наименованием Хо-си (Ho-si), что по-китайски значит «к западу от реки (Желтой реки)». Имя Тангут по-монгольски значит «страна Тан», т.е. династия, которая там царствовала, происходила от кочевой народности Тан-сян (90-а, с. 75).

Лубсан Данзан также отмечает, что Qasin – одно из названий государства тангутов, встречающееся в средневековых монгольских летописях (139-а, с. 339, комм. 34).

Также можно встретить и другие варианты этого имени, например, Борагул-нойон был эмиром тысячи и заместителем Боорчинойона, принадлежал к числу старших эмиров и старых друзей Чингисхана, был из племени хушин (221, т. II, 2, с. 268).

В монографической работе Шилэгийн Норбо «Зая-Пандита» говорится, что Удумту-хашиха был хошуд, подданный Цэцэн-хана. Цэцэн-хашиха также был хошудский князь, который погиб в сражении, защищая Цэцэн-хана. Как видно из этих примеров, представители хошудского рода нередко имели в составе своего имени компонент хашиха. Слово «хашиха», как отмечает Ш. Норбо, означает «меткий стрелок», и в старину являлось у монголов одним из знатных титулов (270-а, с. 279-280).

Значение «меткий стрелок» вполне могло быть, если слово хашиха представить как хаши-ха из хаши-ка, где ха из ка «богатырь, воин, телохранитель». Вполне возможно, что и титул давался известным выходцам из Хаши. Отсюда выражения Удумту-хашиха, Цэцэн-хашиха, видимо, надо понимать как Удумту-Хошудский, Цэцэн-Хошудский, подобно тому, как имеются имена: Таргудай-Кирилтух, Дмитрий-Донской, Александр-Невский, Александр-Македонский и т.д. И слово хашиха, вероятно, надо ставить в один ряд со словами хашин, хошин, хушин, которые восходят к китайскому хэ-син ~ хоа-син 'к западу от реки'.

Возникает предположение, что хошудские владельцы, и не только, раньше знали происхождение своего имени. Ю. Лыткин пишет, что хошудский Туру-Байху получил титул Гуши хан (140, с. 419), который, как кажется, является фонетическим вариантом хашин ~ хошин ~ хушин.

Географический термин китайского языка хэ-син ~ хоа-си «запад большой реки» на монгольской языковой почве стал этнонимом. Схематически это можно передать как хэ-син~хоа-си > хашин ~хушин ~ хошин > хошуд. Современное этническое имя «хошуд», как кажется, является формой множественного числа от его среднего огубленного варианта кошин (o-si) > хошуд. Что касается средневековых различных написаний этого имени в виде хошеут ~ хошоут, то это является старописьменной монгольской орфографической формой передачи на письме долгих гласных через двоегласие.



Хошуды в составе монголов, ойратов приняли самое активное участие в их формировании. Акад. Б.Я. Владимирцов говорит, что хошуды – ойратское племя, представители которого разбросаны по разным местам; те из них, которые кочуют по р. Булгун в Западной Монголии, по языку принадлежат к говору Торгут-Алт., а хошуды с Волги – к говору Торгут.-Астр. (64, с. 11).

Таким образом, этноним Хошуд имеет монгольское происхождение из китайского хо-си «западнее Желтой реки», что указывает на места их первоначального обитания. Только на монгольской языковой почве китайский географический термин приобрел значение этнонима. Хошуд – монгольское название тангутов, постепенно полностью заменившее его прежнее наименование. Так, может быть, прольется свет на решение проблемы происхождения народа тангуд, исчезнувшего с лица земли. Вовлеченные в круговорот общемонгольских движений, тангуты были активными участниками этногенеза монгольских народов.

### Этноним цаатаны

Вопрос происхождения цаатанов, одного из этнических компонентов калмыков, в калмыковедении специально не изучался. Он лишь попутно затрагивался в трудах проф. У.Э. Эрдниева (277, с. 82; 278. с. 149,153; 168. с. 18,32; 100. с. 54-57). Цаатаны проживают в основном в Лаганском, Черноземельском, Юстинском, Яшкульском районах и в г. Элисте. известно, что цаатаны также живут в Монголии (13, с. 3; 215. с. 31), в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (потомки цаатанов, ушедших из России в Китай в 1771 г.)

По статистике 1910 года, общая численность калмыцких цаатанов составляла 9422 человека (147). Цаатаны проживали в основном по четырем сельсоветам Улан-Хольского улуса: Джилкитинском, Хоринском, Халчинском и Хамхултинском.

Также существовали цаатаны Аха-цаатановского рода, известные под названием «крещеные калмыки» и причисленные к Моздокскому казачьему полку. Численность Моздокских калмыков, по данным 1883 года, доходила до 2091 души

обоего пола (35, с. 3). Эти цаатаны составили так называемый Кумский аймак Терской области. По всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 года, в Терской области проживало 3595 человек (196, с. 60-61).

Цаатаны подразделяются на:

1. ахы цаатын «старшие цаатаны»;
2. баһы цаатын «младшие цаатаны»;
3. цаатын «просто цаатаны»;
4. эркетен цаатын «эркетеновские цаатаны»;
5. керэд цаатын «кереитские цаатаны»;
6. һурвыд цаатын «гурвудские цаатаны».

В результате административно-хозяйственных реформ в Калмыцкой степи цаатаны относились то к одному, то к другому улусу. Первоначально цаатаны относились к Яндыко-Мочажному улусу, потом к Эркетеновскому улусу, затем к Приморскому, после этого к Улан-Хольскому и т.д. Эркетеновские же цаатаны, в отличие от других цаатанов, видимо, постоянно жили среди эркетенов и получили поэтому название эркетеновских (эркетен-цаатын). Ныне покойная Наранова Ганджа Коокуевна (1912-1998) говорила: «Эркетен цаатын гисентен чуһаарын ахы-цаатын». (Эркетеновские цаатаны – все аха-цаатаны).

Западнее багацаатановцев, по направлению в степь, как пишет У.Д. Душан, жили калмыки Ахацаатановского рода. Они кочевали по берегу реки Цекерта, в урочище Улан-Эрге. От степняков они мало чем отличались, но были крепче телосложением. Основное занятие у них – рыболовство, речное и морское (91, с. 29).

Описывая калмыков Аха-Цаатанова рода, живущих под именем крещенных калмыков в Терской области, И. Бентковский пишет, что калмыки эти, по мнению соседних с ними не только кочевников – караногайцев и трухмян, но и русских крестьян и частных землевладельцев, считаются людьми трудолюбивыми, честными, с высокой нравственностью. Многие из них занимаются рыболовством на Каспийском море, в пределах Кизлярского округа. Они живут зажиточно и ведут кочевое хозяйство (35).

У.Э. Эрдниев пишет, что ойраты, переселившись в XVIII в. на нынешнюю территорию, ассимилировали в «своем составе ряд алтае-саянских тюрков (сохадов, цаатанов, тарачинов, теленгидов), немало других тюркоязычных и горских этнических элементов, сохранивших в лучшем случае свои этнические названия» (278). Мы не отрицаем, что в составе калмыцкого народа были и есть другие этнические элементы. К ним, возможно, относятся урянхайцы, тувинцы, от которых остались только названия родов – это Тубанкинов род в бывшем Багацохуровском улусе; Тобенкинов род в бывшем Эркетеневском улусе; Уранхусов род в бывшем Александровском (Хошеутовском) улусе. Но нет абсолютно никаких оснований утверждать, что калмыцкие цаатаны имеют тюркское происхождение. Впрочем, У.Э. Эрдниев не приводит доказательств. Он говорит об этом как об установленном наукой факте, хотя в науке еще никем не поднимался вопрос о происхождении цаатанов. В другой работе У.Э. Эрдниев пишет, что в составе калмыков имеется «этническая группа «цаатан», обозначающая буквально «имеющих северных оленей» (277, с. 82). Очевидно, У.Э. Эрдниев считает калмыцких цаатанов оленеводами и относит их к тюркским племенам по аналогии с монгольскими цаатанами, которые действительно имеют тюркское происхождение. Калмыцкие же цаатаны о себе говорят: Маштг чаһан мааньта, Туулан тоха үрэтэ, Шар моңһл йэстэ.

«С низким белым знаменем,  
с ураном «локоть зайца»,  
по кости желтые монголь».

Из этого родового клича, во-первых, явствует, что цаатаны возводят свое происхождение к желтым монголам. Во-вторых, сам этноним цаатан может быть объяснен, только исходя из его монгольского происхождения. С лингвистической точки зрения, этот этноним исторически должен был бы выглядеть как цагатан, который образовался от слова цаган «белый» плюс аффикс – тан. В дальнейшем сочетание -ага –

этом слове развилось в долгий гласный звук а; а гласный аффикса мог редуцироваться, в результате чего мы имеем слово цаатын.

Правильность такой этимологизации подтверждается также и калмыцкой легендой о происхождении цаатанов, записанной нами у 73-летней Болвсын Манкрадовны Джукаевой. Б.М. Джукаева донесла до нас древнее произношение этнонима цаатан – цагатан, что значит «белый, благородный, святой».

В этой легенде рассказывается о том, что у одной женщины, на которую во время сна падал лунный свет, родились двое близнецов, которых назвали цагатанами: старшего – Аха Цагатан, младшего – Бага Цагатан. От этих цагатанов, гласит легенда, и пошли цаатаны. Образование этого этнонима, а именно его форму цаатын, видимо следует отнести к XIII-XIV столетиям, потому что образование долгих гласных вследствие выпадения интервокальных согласных как акад. Б.Я. Владимирцов, так и Г.Д. Санжеев относят к XIII-XIV векам (64, с. 241; 231, с. 77-78).

Следует отметить совпадение сюжета в цаатановской легенде с сюжетом легенды из «Сокровенного сказания монголов», где Алан-Гоа, прародительница рода Борджигинов, из которого произошел Чингис-хан, принадлежавшая к хори-туматскому племени, после смерти мужа Добун-Мергена, непорочно зачав, родила еще трех сыновей, которые, по ее словам, были отмечены печатью небесного происхождения (128, с. 81). Это совпадение относит происхождение цаатанов к чингисову периоду и еще раз подчеркивает их монгольское происхождение.

Упоминание о племени Цаган мы встречаем у персидского историка XIII века Рашид-ад-Дина, который в составе кeraitов называет Сакаит и Тумаут. Доказывать тождественность Цаган и Сакаит в данном случае нет необходимости. Как известно, в монгольских языках смычно-щелевые аффрикаты ц, ч часто переходили в с. Например, монг.-письм. tsaga «дитя» (128, с. 211), ср. калм. саата «беременная»; калм. Цецен, ср. монг.-письм. Secen – имя; монг.-письм. soci (64, с. 407), бур. сошохо, калм. чочхы «пугаться, вздрагивать».

Что касается соответствия гласных звуков к, г, х, то можно ограничиться цитатой Б.Я. Владимирцова. Он пишет: «Монг.-письм. К, обозначаемому, как и соответствующий звонкий g, при помощи буквы karh, соответствует в Халх.-Ург. и Халх.-Вост. х, а в Халх.-Зап. х и к, в Ойрат. К~к, в Тюрк. К~к. Очевидно, что и g развился в х таким же путем, как и к > х > х (64, с. 403-404).

Таким образом, монг.-письм. саган, калм. цаган, бур. саган и Сака(ит) – это одно и то же. И если исходить из того, что по Рашид-ад-Дину, цаганы (цаатаны) входили в состав керейтов, то вполне естественной и даже закономерной оказывается близость родовых кличей керейтов и цаатанов. Как известно, родовой клич керейтов «Ту:ла», что значит «заяц». Родовой же клич цаатанов «Ту:лан тоха» – «заячья нога».

Может возникнуть сомнение относительно правильности такого перевода клича «Ту:лан тоха», как «заячья нога». Некоторые могут возразить, что этот уран не анималистского происхождения, а географического, поскольку связан с названием местности, т.е. «изгиб, излучина реки То:ль». Но, несмотря на это, мы считаем, что этот уран имеет анималистское происхождение, потому что цаатаны, хотя сами охотятся на зайцев и употребляют их мясо в пищу, всегда бывают рады найти что-нибудь заячье (клок шерсти на колючке; кусочек шкурки, хвостик, лапку), которое они поднимают со словами «болх кү:нд бор ту:лан зем». («Если человеку суждено повезти, то ему серого зайца клок»). То есть налицо имеет место весьма многозначительный в данном случае факт не только потребительского, но и почтительно суеверного отношения цаатанов к зайцу, что говорит в пользу анимального («заячьего») происхождения цаатановского боевого клича.

Как известно, у керейтов, среди которых Рашид-ад-дин находит племя Сакаит (Цаган), имеется тамга серэ (234, с. 171). Поэтому то обстоятельство, что цаатаны на Каспии своим основным занятием избрали рыболовство, видимо, можно рассматривать как одно из свидетельств того, что они и на своей прародине, в составе керейтского ханства, занимались рыболовством. Но эту мысль мы высказываем лишь в качестве предположения.

Нелишне будет также упомянуть старинную калмыцкую песню о Миитр-нойоне:

Кер алгинн тавтаднь	Пока исправен гнедопегий,
Керэд цаатнанн мендднь	Пока здравствуют керейт-цаатаны,
Келэд дэврлг	Предупредив, нападающий
Хөрн хойрта Миитр-нойон.	Двадцатидвухлетний Миитр-нойон.

В этой песне есть выражение «керэд-цаатан», которое, видимо, также является отражением той близости, которая, надо думать, была между керейтами и цаатанами в составе керейтского ханства во времена Ван-хана.

Если мы вспомним, что Алан-Гоа принадлежала к хоритуматскому роду, то переключка двух легенд о непорочном зачатии не такая уж случайность, как может показаться на первый взгляд, потому что род цаган встречается также и среди хоринцев (89, с. 84). Так старейший бурятский фольклорист и этнограф Сергей Петрович Балдаев отмечает, что племя хори и происшедшие от него 11 родов (Батанай, Бодонгут, Галзут, Гушит, Саган, Хуацай, Зубдут, Худай, Хальбин, Харганай и Шараит) расселились по реке Верхняя Уда и ее притокам, а также в Агинской степи и частично в Иркутской области (22, с. 72). В другом месте он пишет, что «сородичи хоринцев – хори-тумэты проживают во Внешней Монголии, в местности Аухэ-Хатанг, в южном углу Маньчжурии и на Кукуноре, за Калганом» (243-а, с. 254). «Они, продолжает Балдаев, – при минской династии назывались цаганам, имели 4 знамени. О перекочевке их на р. Онон и Верхнюю Уду говорят предания самих хоринских и агинских бурят, о Бальжин Хатан. Хоринцы назывались «хори-тумэт» (22, с. 100). Из приведенного высказывания С.П. Балдаева вытекает, что, если хори-тумэты назывались цаган, то, стало быть, и хоринцы назывались цаган.

Таким образом, получается, что, во-первых, среди хоринцев есть род цаган. Во-вторых, хоринцы сами одно время назывались цаган. Как известно, по историческим преданиям якутов, многие якутские роды произошли от хоро, т.е. хоринцев.

Якутский исследователь Г.У. Эргис отмечает, что хоринские роды были распространены по всей Якутии (276, с. 284). Кроме хоринцев, среди якутов имеются и тумэтские племена (276, с. 104), которые, по свидетельству С.П. Балдаева, также назывались цаган. Поэтому, на наш взгляд, хоринское и тумэтское название цаган и сохранилось в якутском самоназвании саха.

Смычно-щелевые согласные ц, ч монгольских языков в якутском нередко переходят в проточный переднеязычный с, а заднеязычные г, к и увулярный һ – в проточный х. Например, монг. сак~чак, калм. цаг, цаат. чаг, якут. сах «время; монг. чак, калм. цэк, цаат. чак, якут. сах «высекать» (огонь посредством огнива) (195). Если исходить из этих примеров, то тождественность монг. цаган, бур. саган, сака(ит) и якут. саха достаточно очевидна.

Г.Н. Румянцев также, цитируя Н.Н. Козьмина, пишет, что «после распада кереитской державы племена, входившие в ее состав: предки якутов-сахайт, тумат и хурхын вошли в состав новой империи «покорителя вселенной» (225, с. 49). Приведенные данные свидетельствуют также, что самоназвание якутов – саха – является одним из древних вариантов этнонима цаган. Род цаган имеется также в Ордосе (225, с. 224) и у чахаров (225, с. 224).

Теперь, когда мы установили этимологию этнонима цаатан, попытаемся вспомнить из цаатановского урана те сведения, которые цаатаны сохранили в своей памяти до наших дней. Там сказано, что их боевое знамя имело короткое древко и белый цвет. И вот здесь интересно отметить, что название племени (цаган) и цвет знамени – цаган («белый») совпадают. Оказывается, такое совпадение является не случайным, у монгольских народов и не единичным. С.П. Балдаев пишет, что роды, вышедшие из Джунгарии, носят названия цветов древнейших знамен монголов: Шарнууд, Харанууд, Цэгээнүүд, Хүхэнүүд и Хүрэнүүд (22, с. 99).

Это совпадение еще раз подтверждает, во-первых, правильность нашей этимологизации этнонима цаатан и, во-вторых, древность происхождения этого племени. Кроме того, уже сам факт, что цаатаны имели свое знамя, свидетельствует о том,

что они были довольно крупной этнической единицей. Как известно, знамена имели воинские подразделения не меньше кошуна или дивизии.

Однако вследствие многочисленных войн, свойственных эпохе феодализма, эта крупная этническая единица оказалась разбросанной среди разных племен и народностей, ибо война у азиатских народов есть «один из первобытных видов труда» (144, с. 24).

Помимо военно-политических факторов, раздроблению цаатанов способствовали, по всей вероятности, и производственно-экономические факторы (многочисленные перекочевки в поисках пастбищ, приобщение к новым видам труда и т.п.).

Нелишне будет отметить и то обстоятельство, что в Астраханской губернии, по соседству с Яндыко-Мочажным улусом, примерно в ареале расселения цаатанов, до революции существовало (и сейчас есть) крупное село по названию Чаган. По данным 1859 года, в этом селе имелся казенный рыбозавод, православная церковь. Число его жителей составляло 1184 души обоего пола (12). По свидетельству информатора Беглеева Сангаджи Дживхляевича, в районе села Чаган жили «крещеные калмыки». Вполне вероятно, что это село носит древнее название крещеных калмыков Аха-Цаатанова рода, которые впоследствии были переселены на р. Терек и причислены к Моздокскому казачьему полку.

Известно, что крещеным калмыкам сразу же отводили земли, строили церкви, «заводили» села. Так было, например, с калмыками у реки Терешки, впадающей в Волгу выше Саратова, «земля им дана, церковь построена и село заведено» (173, с. 4).

Так, видимо, было и с Аха-Цаатанами: построили им церковь, возвели село, назвали его по-калмыцки и даже сохранили чакающую особенность говора цаатанов. Название села Чаган свидетельствует о том, что в момент крещения в 1764 году цаатаны помнили, что цаатан есть цаган (по цаатановски — чаган).

Из всего сказанного следует, что этноним цаатан ~ цаатын ~ цаатн происходит от слова цаган «белый, святой, благородный» и связан с белым цветом их знамени (маштг цаган маань).



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диалектная система калмыцкого языка состоит из трех говоров – бузавского, дербетского и торгутского.

Бузавский говор является относительно молодым, в XVIII веке окончательно отпочковавшимся от двух других и содержащим собственные, только ему свойственные особенности:

1. развитие СПМЯ -aji – дифтонга первого слога в долгий гласный твердого ряда [a:] с палатализацией последующего согласного, ср. та:льхы, ма:льхы, ха:льхы < СПМЯ tajilaqu «открывать», majilaqu «блеять», qajilaqu «таять», дерб. торг. тәлхе, хәлхе, мәлхе;

2. сохранение губно-губного [b] СПМЯ авдыр, авы, тәбе < СПМЯ abdar «сундук», aba «братъ», tabi «положить», дерб., торг. авдыр, авы, тәве;

3. наличие щелевого звонкого [h] вместо смычного звонкого [ɣ], ср. тэрһэн «телега», эмһен «старуха», бэрһен «сноха», дерб., торг. тэрген, эмген, бэрген;

4. соответствие переднерядного неогубленного [э] литературному огубленному [ө], ср. эндһен «яйцо», кэл «нога», эвһен «стари́к», лит., дерб., торг. өндген, көл, өвген;

5. личные местоимения первого и второго лица би «я», чи «ты», в родительном падеже имеют аффикс -а:н – мин'ән «май», чин'ән «твой», лит., дерб., торг. мини:, чини;

6. лексические особенности: морын «лошадь», хонин ~ хо:нь «овца», эш «свекровь», чанач «тыква», сэрниг «спички», ста:ньчи «станция».

Дербетский говор – язык древнего ойратского племени, восходящего своими корнями к предкам Чингис-хана, к сыновьям Дува-Сохора. Отличительными чертами этого говора являются:

1. наличие средних огубленных [о, ө] в позиции перед губно-губными [м] и [в] и другими, ср. совсын «жемчуг», цомышы «прова-

литься», хомхэ «высохший», сөме «храм», Төвед «Тибет», өвел «зима», лит., торг. сувсын, цумырхы, хумха;: сүме, Түвед, үвел;

2. наличие долгого нейтрального [э:] дифтонгического происхождения: манэ: «наш», угатэ: «бедный», хостэ: «в сапогах»;

3. наличие нейтрального [и] в первом слоге твердорядных слов: инцыха:хы «ржать», ирма:г «край, краешек», Гилад:нқы – имя, ирцыха:хы «прийти», идцыха:хы «есть, кушать»;

4. наличие палатальных [л', н', д', т', ] : солир «косой», таньхы «узнавать», ханьдыг «мрамор», тоти «попугай»;

5. наличие направительного падежа на -у:р, -ү:р: модну:р «к дереву», гэрү:р «к дому», чаму:р «к тебе»;

6. лексические особенности: дура:к «тыква», мөрнэ:зи «сбруя», шу:рмыг «шкварки», һу:рцыг «огурец», хусыг «кусок», бо:жи «вожжи», сагса «плов, каша».

Торгутский говор – язык одного из древних родов, выходцев из среды развитых монгольских племен (христиан керейтов) – имеет следующие особенности:

1. гласный [у,ү] в позиции перед губно-губным (зубным) [в] и [м]: һурвын «три», үвел «зима», гүвэ: «пустыня», сувсын «жемчуг»;

2. наличие твердого долгого [а:] дифтонгического происхождения: саликта: «ветреный», цолта: «досужий», байирта: «радостный», хала: «жесть»;

3. наличие направительного падежа на -а:д, -э:д : мала:ды «к скоту», гэрэ:де «к дому», худга:ды «к колодцу, хола:ды «к реке»;

4. наличие родительного падежа на -а:н, -э:н : үкрэ:н үсен «коровье молоко», цурха:н амын зэндэ «узел «щучья пасть»», эргэ:н хулсын «прибрежный камыш»;

5. лексические особенности: хаяр «огурцы», ада:мчи «помидор», шөрег «намордник», аһу:рцыг ~ һурча:к «огурцы», зорхын «барсук», кэрчим ~ зүсем «кусок», маңһырсын «лук» (бот.), жола: «вожжи».

Икидербетский подговор, как и волгокаспийский, отдельно не рассматривался, поскольку, за редким исключением, повторяет дербетский говор.

Современные калмыцкие говоры представляют собой форму существования языка ойратов на Волге и сохраняют в основном его особенности на современном уровне. Отличия калмыцких говоров между собой не представляют больших расхождений и вполне объяснимы фонетическими законами. Калмыцкие говоры пред-

ставляют собой высокоразвитые языки с четко и ясно артикулируемыми звуками, в них нет ни дифтонгов, ни трифтонгов, ни каких-либо других переходных тонов.

Ударение в калмыцких говорах, как кажется, падает на последний слог, как справедливо отметил в 19 в. один из первых российских монголоведов А.А. Бобровников, назвав его тоновым ударением. В наше время это же подтвердил известный калмыковед П.Ц. Биткеев. Правда, помимо этого он допускает одновременное первослоговое ударение, с чем, конечно, согласиться трудно.

Тоновое ударение, как отмечает А.А. Бобровников, состоит в повышении тона, а долгота и краткость, ясность или неясность зависят от других причин.

По своему морфологическому строю калмыцкие говоры относятся к агглютинативному типу языков, в которых каждый аффикс выражает одно значение — числа, времени, вида и т.д. Так аффикс -жин, -чин обозначает особь женского пола: хунжин «телка, трехлетка», харыгчин «вороная». Также существуют лексические средства обозначения пола: көвүн «мальчик», кү:кен «девочка». Кроме этого, категория рода может выражаться с помощью сингармонизма, т.е. каждое слово передается в двух формах — твердорядной и мягкорядной, по типу слов: цаһа:хы — цэ:хе «белеть», гада:хы — гэдэ:хе «откинуться». Эти средства увеличивают лексический состав языка и охватывают не только именные, но и глагольные части речи. Возможно, борьба против такого расширения объема лексики не способствовала развитию категории рода.

Система склонения состоит из девяти падежей, каждый из которых имеет свои значения. Соединительный и совместный падежи имеют между собой довольно четкие различия. Значение направления в каждом говоре выражается по разному: в дербетском — -у:р, -ү:р, торгутском — -а:ды, — -э:де.

Дербетский говор больше тяготеет к лично-притяжательному склонению, содержащему аффикс -нь. Торгутский говор, не знающий мягких согласных, чаще использует возвратно-притяжательное склонение на -ан, -эн, -н.

Местоимения в калмыцких говорах больших различий не имеют. Выражение «ху мэлт цокхы» «разрушить, снести дотла», название песни «хогдан аш», бытующие в торгутском говоре, показывают, что расхождение дерб. хуг ~ хуһар «все» и торг. цуг ~ цуһар «все» не является исконным.

## УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Буз.	– бузавский
Бурят.	– бурятский
Дерб.	– дербетский
Икидерб.	– икидербетский
Калм.	– калмыцкий
К. я	– калмыцкий язык
Кк к	– каракольские калмыки
Лит.	– литературный
М. я	– монгольский язык
ОП	– ойратская письменность
О.п.я	– ойратский письменный язык
Оренб	– оренбургский
Русск.	– русский
СПКЯ	– старописьменный калмыцкий язык
СПМЯ	– старописьменный монгольский язык
С. ск.	– Сокровенное сказание монголов
Торг.	– торгутский
Тюрк.	– тюркский
Урал.	– уральский
Цаат.	– цаатанский
Якут.	– якутский

## ЛИТЕРАТУРА\*

1. Абаев В.И. О фонетическом законе // ЯМ. 1, 1933.
2. Абдуллаев Ф.А. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент, 1967.
3. Аванесов Р.И. Фонетика современного русского языка. М. 1956.
4. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX – первая четверть XVIII в.). М.-Элиста, 1994.
5. Аврорин В.А. Основные закономерности сочетания согласных в найском языке // Филология и история монгольских народов. М., 1958.
6. Адучиев Ц.М. Художники Калмыкии // Художник РСФСР. Л., 1985.
7. Азнабаев А.М., Псянчин В.Ш. Историческая грамматика башкирского языка. Уфа, 1983.
8. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата, 1971.
9. Акбаев Ш.Х. Фонетика диалектов кабардино-балкарского языка. Черкесск, 1963.
10. Алаев Б.Ц. И друг степей калмык // Хальмг үнн. 1994. № 86, 87, 88.
11. Аралбаев Ж.А. Вокализм казахского языка. Алма-Ата, 1970.
12. Астраханская губерния II. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1861. I Астраханский уезд, стан 2.
13. Бадамхатан С. Хэвсгэлийн цаатан ардын аж байдлын тойм. Улаанбаатар, 1962.
14. Бадгаев Н.Б. Из истории развития монгольских аффрикат // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. М., 1988. Ч. 1.
15. Бадгаев Н.Б. Озвончение начальных согласных в монгольском квадратном письме // Владимирцовские чтения – IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции. М., 2000.
16. Бадмаев А.Б. Догзма – имя святое // Известия Калмыкии. № 226. 23 октября 1998.
17. Бадмаев А.В. Сарин герл. Элиста, 1991.

---

\* Список литературы приведен в авторской редакции.

18. Бадмаев Б.В. К проблеме нового метода исследований ойратских письменных памятников // Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения. Международный симпозиум. Элиста, 14-18 сентября 1999. Тезисы докладов и сообщений. Элиста, 1999. Ч. 1.

19. Бадмаев Б.В. Об одном показателе множественности в Сарин герел» (Биографии Зая-пандиты) // Проблемы современного калмыковедения. (Материалы Республиканской научной конференции, посвященной 75-летию проф. А. Борманджинова). Элиста, 2001.

20. Бадмаев Найман. Калмычко-русский словарь. СПб., 1902.

21. Байчура У.Ш. Инструментальные данные об ударении и интонации в алтайских языках // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1974.

22. Балдаев С.П. Избранное. Улан-Удэ, 1961.

22-а. Балданжапов П.Б. Алтан тобчи. Улан-Удэ, 1970.

23. Банзаров Д. Собрание сочинений. АН СССР. М., 1955.

24. Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста, 1985.

25. Бардаев Э.Ч. Диалектная лексика в говорах калмыцкого языка // Диалектная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ, 1987.

26. Баринаева Г.А. Редукция и выпадение интервокальных согласных в разговорной речи // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

27. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч. т. V. М., 1968.

28. Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928.

29. Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков // Изв. АН СССР, Отделение языка и литературы. Т. 1, вып. 2. 1952.

30. Баскаков Н.А. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков // Доклады на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964.

31. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.

32. Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII вв. Элиста, 1992.

33. Батур-Убаши Тюмень. Сказание о дербен-ойратах. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 1969.

34. Бембеев Т.О. Кто мы, калмыки? // Комсомолец Калмыкии. № 98. 17 августа 1972.

35. Бентковский И. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские так называемые «крещенные калмыки» // Извлеч. из №№ 35, 38, 42. Ставропольские губернские ведомости за 1880 г.

36. Бертагаев Т.А. К сравнительно-историческому изучению лексики монгольских языков. М., 1960.

- 36-а. Бертагаев Т.А. О морфологическом строе бурятского языка. М., 1961.
37. Бертагаев Т.А. Чередование фонем и сингармонизм // Морфологическая типология и проблемы классификации языков. М.-Л., 1963.
38. Бертагаев Т.А. Количественные чередования гласных и аблаут в монгольских языках // ВЯ. 1971. № 6.
39. Биткеев П.Ц. Неясные гласные калмыцкого языка. Записки КНИИЯ-ЛИ. Вып. 3. Серия филологии. Элиста, 1964.
40. Биткеев П.Ц. Экспериментальные исследования фонетического строя калмыцкого языка. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1965.
41. Биткеев П.Ц. Проблема долготности в фонологической системе ойратского языка // ВЯ. 1985. № 5.
42. Биткеев П.Ц. Языки и письменные системы монгольских народов. М.-Эл., 1995.
43. Бичурин И.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1, М.-Л., 1950.
44. Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- 44-а. Бобровников А. Грамматика монгольского языка. Казань, 1835.
45. Богородицкий В.А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930.
46. Бодуэн де Куртенэ И.А. Основы общей фонетики // ВЯ. 1959. № 5.
47. Бодуэн де Куртенэ И.А. Фонология // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М. 1963.
- 47-а. Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001. Т. III.
48. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
49. Бондарко Л.В. Редукция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
50. Боровков А.К. Вопросы классификации узбекских говоров // Изв. АН СССР. 1953. № 5.
51. Бородин Н. Уральское казачье войско. Уральск, 1891.
52. Броневский В. Описание донской земли и кавказских минеральных вод. Ч. III и IV. СПб., 1834.
53. Будаев Ц.Б. Цонгольский говор // Исследования бурятских говоров. Т. 1. Улан-Удэ; БИОН, 1965. С. 151-186.
54. Бураев И.Д. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ: БКНИИ, 1859.

55. Бураев И.Д. Сартульский говор // Исследования бурятских говоров. Т.1, Улан-Удэ: БИОН, 1965. С. 71-107.
- 55-а. Бутанаев В.Я. Происхождение хакасов. По данным этнонимии. – Историческая этнография. Традиции и современность. Л., 1983.
56. Былины. М., 1969.
57. Вандуй Э. Дөрвөд аман аялгуу. Улаанбаатар, 1965.
58. Велиев М.Г. Азербайджан. Баку, 1921.
59. Верба Н.К. Древнемонгольский комплекс с интервокальным согласным и его эквиваленты в современном монгольском языке. АКД. М., 1979.
60. Верненский гражданин (Б. Карпов). Мантык – истребитель тигров. М: Наука, 1967.
61. Викторова Л.Л. К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII – XIII вв.) // Языки народов Востока. Л., 1961.
62. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
63. Владимирцов Б.Я. Из области вокализма монгольско-турецкого языка (Доклад АН СССР. 1924).
64. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
65. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934.
- 65-а. Габан Шараб. Сказание об ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 1969.
- 65-б. Войтов В.Е. Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
66. Гагарин А.Д., Миллер Т.М. Сарт-калмыки // Ж. «Северная Азия», 1926, № 65-68.
67. Гаджиев Т.И. О происхождении геминат в тюркских языках // Сов. тюркология. 1970. № 6.
68. Герасимович Л.К. К вопросу о характеристике ударения в монгольском языке // Монголын судлал. Т. VIII, Улан-Батор, 1971. С. 183-190.
69. Герасимович Л.К. Монгольское стихосложение. Л., 1975.
70. Голстунский К.Ф. Монголо-русский словарь. Т. I-III с дополнениями. СПб., 1893-1901.
71. Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т.1. Йошкар-Ола, 1979.
72. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.



73. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.2. М., 1926.
74. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. 816 стр.
75. Гулямов А.Г. Проблемы исторического словообразования в узбекском языке. 1958.
76. Гумилев А.Н. Древние тюрки. М., 1967.
77. Гурий И. Первые (дошедшие до нас) труды по исследованию калмыцкого языка // Т. XXVI. Изв. Об-ва археологии, истории, этнографии при Казанском университете. Казань, 1910.
78. Дамдинов Д.Г. Этнолингвистический очерк хамниганского говора / Исследования бурятских говоров. Т.1. Улан-Удэ, 1968. С. 74-116.
79. Дарбакова В.П. Еще раз к этимологии этнонима 'хальмг' ('калмык') / Этническая история и современное национальное развитие народов мира. М., 1967.
80. Дарбеева А.А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта (на материале монгольских языков). М., 1978.
81. Дарбеева А.А. Предварительные данные о языке нижнеудинских бурят // Труды БКНИИ СО АН СССР, Улан-Удэ, 1960. Вып. 3. С. 118-126.
82. Дарбеева А.А. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. М., 1996.
83. Дарваев П.А. Краткое введение в сравнительную монголистику. Элиста, 1988.
84. Дарваев П.А. Калмыцкий язык в свете теории культуры языка и речи. Элиста, 2003.
85. Десницкая А.В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.
86. Дмитриев Н.К. Двойные согласные в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.1. Фонетика. М., 1955.
87. Дмитриев Н.К. Вторичные долготы в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955.
88. Дмитриев Н.К. Соответствие р//д//т//з//й // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955.
- 88-а. Долбежнев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги. СПб., 1913.
89. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Труды Института этнографии им. А.А.Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. , М., 1960.
90. Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.
- 90-а. Д'Оссон К. История монголов. Т.1, Иркутск, 1937.

90-6 Дугаров ...

91. Душан У.Д. Воспоминания. Рукопись // Архив КИГИ РАН.
92. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
93. Еремеев Д.Е. Язык как этногенетический источник // Советская этнография. М., 1967. С. 62-74.
- 93-а. Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М., 1970.
94. Еремеев Д.Е. Этногенез турок (Происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.
95. Есенова Т.С. К просодической характеристике калмыцких говоров // Диалектная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ, 1987.
96. Есенова Т.С. Язык калмыков Иссык-Куля. Говор калмыцкого? // История и культура монголоязычных народов: источники и традиции. Международный круглый стол. Улан-Удэ, окт. 1989. – Улан-Удэ, 1989.
97. Ефимовский Е.С.. Где работают собаки. Л., 1986.
98. Жамьян Г. Обозначение долгих гласных в ойратском письме // Народы Азии и Африки. № 5. М., 1970. С. 150-152.
99. Жамьян Г. 'Ясное письмо' в сравнительном освещении. АКД. Улан-Батор, 1988.
100. Житецкий Ир.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения. 1884-1888. 1893.
101. Журавлев В.К. Экология языка и культуры // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 434-444.
- 101-а. Жанһр. М., 1960.
102. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960.
103. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). М: Наука, 1964.
104. Золхоев В.И. Ударение в монгольском языке // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. V. Улан-Удэ, 1970. С.59-63.
105. Илишкин И.К. Развитие калмыцкого литературного языка в условиях формирования калмыцко-русского двуязычия. Элиста, 1972.
106. Илишкин И.К. Развитие калмыковедения как особой отрасли науки в общей монголистике // Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. Улаанбаатар, 1973. I боть.
107. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (Б. – К.). И, ? 1971.
108. Исхаков Ф. Долгие гласные в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955.

109. Кавказский календарь 1915 г. // Этническая ономастика. М., 1984.
- 109-а. Калмычко-русский словарь. М., 1977.
110. Каляев А.Л. Имена прилагательные в современном калмыцком языке: Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1970.
111. Каляев А.Л. Имя прилагательное. Элиста, 1979.
112. Каляев С.К. Хальмг // Хальмг үнн. 29 сентября 1993.
113. Кара Д. Книги монгольских кочевников. М.-Л., 1973.
114. Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Уральск, 1911. Ч.1.
115. Кекеев Е. Политгловарь (на калм. яз.). Саратов, 1932.
116. Киекбаев Дж.Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972.
117. Киекбаев Д.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа, 1996.
118. Kien-Long/ Monument de la transmigration des tourgouts b 'Met colc. Zes.chinois. Т.1.
119. Киргизско-русский словарь. Сост. К.К. Юдахин. М., 1965.
120. Кичиков А.Ш. Об оренбургском говоре калмыцкого языка // Уч. зап. Калм. НИИЯЛИ. Вып.2. Элиста, 1962. С. 207-212.
121. Кичиков А.Ш. Дербетский говор. Элиста, 1963.
122. Кичиков А.Ш. О говоре донских (бузава) калмыков // Уч. Зап. КНИИЯЛИ. КАССР, № 5, сер.филол. Элиста, 1967.
123. Кичиков А.Ш. Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка // Уч. зап. НИИЯЛИ КАССР, № 5, сер. филол., Элиста, 1967.
124. Кичиков А.Ш. К вопросу о происхождении слова 'калмык' // Уч. записки Калм. НИИЯЛИ при СМ КАССР. Сер. филологии. Вып. 5, Элиста, 1968.
125. Кичиков А.Ш. О лингво-исторических реалиях термина ойрат // Типологические и художественные особенности Джангара. Элиста, 1978.
126. Ковалевский О. Монголо-русско-французский словарь. Т. I – II. 1844-1849.
127. Козин С.А. Джангариада, героическая поэма калмыков. М., 1940.
128. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I, М.-Л., 1941.
129. Конкашпаев Г.К. Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.
130. Корниевский В.Н. Калмыки донской области // Живописная Россия. Т. VII, ч. Изд. товарищества М.О.Вольф. СПб., 1899.
131. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Петроград, 1915.

- 131-а. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржевница, 1929 г.
132. Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
133. Культура и письменность Востока. Ж. кн. 9. М. 1931.
135. Ку-ма А.К. Исторические сведения о калмыках, кочующих на земле Войска Донского // Северный Архив, март. 1824, ч. IX, № 6.
136. Лигети Л. Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т.1. // ВЯ. 1955. № 6. С. 133-140.
137. Лигети Л. Монгольские элементы в диалектах хазара в Афганистане // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. № 83. Монголоведение и тюркология. Л., 1964. С. 5-22.
138. Лувсанбалдан Х. Ясное письмо и его памятники. АКД. Улан-Батор, 1974.
139. Лувсанвандан Ш. Дистрибуция гласных и ударение в монгольских языках // Исслед. по вост.филологии. М.: Наука, 1974. С. 119-125.
- 139-а. Лубсан Данзан. Алтан тобчи. М., 1973.
140. Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники. Перевод, ред., сост. Бадмаев А.В. Элиста, 2003.
- 140-а. Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь калмыцкого языка. М., 1970.
141. Лыткин Ю. Исторический очерк письменности монголов и ойратов // Астраханские губернские ведомости за 14 августа 1859 г. № 32-323.
142. Манджикова Б.Б. К особенностям фонетической структуры звукоподражательных слов и их значений в калмыцком языке // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М., 1976.
143. Манджикова Б.Б. Аспекты формирования орфографических навыков лексического запаса на уроке родного языка (на материале учебника 2 класса) // Пути совершенствования преподавания родного языка. – Элиста, 1990.
144. Маркс К. Формы, предшествовавшие капиталистическому производству. М., 1940.
145. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
146. Маслаковец Н.А. Статистическое описание кочевья донских калмыков // Труды областного войска Донского статического комитета. Новочеркасск, 1874. Вып. 2.
147. Материалы стат. – экономического и естеств.-истор. обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии, ч. I, II. Астрахань, 1910.

148. Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. М., 1959.
149. Матхеев Б.В. Очерки эхирит-булагат. Говора // Исследования бурятских говоров, вып. II. Улан-Удэ, 1968.
150. Махабхарата VII, часть 2, Книга о Бхишме. Книга о побоище с палицами. Ашхабат, 1981.
151. Мельников Г.П. Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971. С. 59-76.
152. Менгес К.Г. Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Turkmenischen/АО, XI, 1, Praha, 1939.
153. Митиров А.Г. Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста, 1998.
154. Митрошкина А.Г. Говор качуг. бурят // Исследования бурятских говоров. Вып. II. Улан-Удэ, 1968.
- 154-а. Монгол цэцэн үгийн далай. I. Улаанбаатар, 1964.
155. Монраев М.У. Наречие в современном калмыцком языке. Элиста, 1982.
156. Монраев М.У. Калмыцкие личные имена (Семантика). Элиста, 1998.
157. Мөөмөө С. Система фонем современного монгольского языка // Монголын судлал. Т.III, вып. 17. Улан-Батор, 1975. С. 274-304.
158. Муниев Б.Д. К вопросу о развитии калмыцкой лексикографии // Развитие науки в Калмыцкой АССР. Элиста, 1968. Ч. 2. Серия филологии.
159. Муниев Б.Д. О некоторых новых явлениях в лексике калмыцкого языка // Проблемы алтаистики и монголоведения. Материалы Всесоюзной конференции (Элиста, 1972). М., 1975.
160. Муниев Б.Д. Краткий грамматический очерк калмыцкого языка. – Калм.-русский словарь. М., 1977.
161. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. М., 1964.
162. Мушаев В.Н. Средства осложнения структуры простого предложения в калмыцком языке (Включенные компоненты). М., 1987.
163. Навои А. Вал Искандера. Стихотворения и поэмы. М.-Л., 1965.
164. Надеяев В.М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Вестник ЛГУ, № 8, 1957. С. 123-131.
165. Намжавин Содмон. Тод бичг – зуг хальгм келн-улсин бичг Гегэрлт. 1997. № 1.
166. Намжавин Содмон. Torguud kemekü nereni udha-ucir kiged tuuni irel // Oyiroduiyin sudulul. – 1993. – № 3.
167. Народы России. Энциклопедия. М., 1994.
168. Небольсин П. Очерки быта калмыков хошоутовского улуса. СПб., 1852.

169. Номинханов Ц.-Д. О пережитках родового строя у донских калмыков (К вопросу о родо-племенном составе) // Архив КИГИ РАН, ф.9, оп 1, ед. хр. 59.

170. Номинханов Ц.-Д. К вопросу о неясных гласных калмыцкого литературного языка.

171. Номинханов Ц.-Д. К вопросу об общих законах развития долгих гласных в тюркских и монгольских языках // Записки КНИИЯЛИ, вып. 3. Элиста, 1964.

172. Номинханов Ц.-Д. К вопросу развития калмыцкого литературного языка в советскую эпоху // Записки КНИИЯЛИ, вып. 3. 1964.

173. Обзорение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками. Астрахань, 1883.

174. Омакаева Э.У. Научные основы преподавания синтаксиса калмыцкого языка в школе // Вопросы изучения и преподавания калмыцкого языка. Элиста, 1986.

175. Омакаева Э.У. О словообразовании в современном монгольском языке // V Всесоюзная школа молодых востоковедов. М., 1989.

176. Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.

177. Орловская М.Н. Язык 'Алтан Тобчи'. М., 1984.

178. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дореволюционный период. М.: Наука, 1967.

179. Очир-Гаряев В.Э. О заимствовании русизмов говорами калмыцкого языка на ранних этапах русско-калмыцких контактов // Дialeктная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ, 1987.

180. Очир-Гаряев В.Э. К характеристике этноязыковых процессов в Калмыкии (XVII – XX вв.) // Семантико-синтаксические особенности единиц лексики и грамматики в функциональном аспекте. Элиста, 1997.

181. Очиров Н. Отчет о поездке к Астраханским калмыкам летом 1909 г. // Изв. русск. комитета для изучения Средней и Восточной Азии. № 10, СПб., 1910.

182. Очиров Н. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы Астраханских калмыков // Отчет Изв. Русск. комитета для изуч. Средней и Восточной Азии. Сер. 11, № 2, СПб., 1913.

183. Очиров У.У. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста, 1964.

184. Павла Дорж. Хар холын хальмгуд болн теднэ келн. Сурхулин дөнцл. Элиста, 1990.

185. Павла Дорж. Хальмг келнэ чикэр бичлһнэ толь. Элст, 1992.

186. Павлов Д.А. Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста, 1963.

187. Павлов Д.А. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка // Зап. НИИЯЛИ КАССР. № 3. Серия филологии. Элиста, 1964.
188. Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык (Фонетика и орфография). Элиста, 1968.
189. Пальмов Н.Н. Калмыки и донские казаки в 17 веке // Архив КИГИ РАН ф.4, оп. 2, ед. хр. 59.
190. Пальмов Н.Н. Письма Х.Б. Канукову. Элиста, 1968.
191. Пашков Б.К. О калмыцком литературном языке // Калмыцкая лингвистика. IV калмыцкая лингвистическая конференция Элиста, 1935.
192. Пашков Б.К. О калмыцкой лингвистической экспедиции // Революция и письменность. Сб. 2. М., 1936.
193. Пашков Б.К. Языковое строительство в Калмыкии // Революция и письменность. 1936. № 2.
194. Пашков Б.К. Старокалмыцкая письменность – выдающееся наследие калмыцкого народа // 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы конференции. Элиста, 1970.
195. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Л. 1925, т. III, ч. I.
196. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897 г. Под ред. А.А. Тройницкого, т. XVIII. Терская область. СПб., 1904, (1905).
- 196-а. Покровский В. Туркестанские ведомости. № 19. 1873 г.
197. Поливанов Е.Д. О музыкальном ударении в японском языке. Ташкент, 1924.
198. Поливанов Д. К вопросу о долгих гласных в общетурецком праязыке. (АН СССР, 1927).
199. Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
200. Попов И.И. Донские калмыки // 'Очерки географии Всевеликого Войска Донского'. Сост. В.В. Багачев. Новочеркасск, 1919.
201. Поппе Н.Н. Аларский говор, ч. I. Л., 1930.
202. Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукад-димат аль-Адаб. М.-Л., 1938.
203. Поппе Н.Н. Грамматика письменного монгольского языка. М.-Л., 1938.
204. Поппе Н.Н. Об отношении ойратской письменности к калмыцкому языку Ойрат. сборник. Philadelphia, 1966.
205. Постовалова В.И. Историческая фонология и ее основания. М., 1978.
- 205-а. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. СПб., 1881.
206. Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.

207. Прогноз в речевой деятельности. М., 1974.
208. Пюрбеев Г.Ц. Функциональное чередование звуков в монгольских языках // ВЯ. № 3. 1971.
209. Пюрбеев Г.Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972.
210. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1977.
211. Пюрбеев Г.Ц. Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979.
212. Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М., 1998.
213. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I.
214. Разграничение родного языка от целой серии социолингвистических категорий (первый язык, язык матери, наиболее употребляемый язык и т.д.) / Советская этнография. 1972, № 2, с. 26-36.
215. Ральдин Х.Ц. Этнический состав современного населения МНР // Сб. Проблемы этнографии и этнической истории народов Азии. М., 1968.
216. Рамстедт Г.И. Этимология имени ойрат // Сборник в честь 70-летия Г.Н. Потанина. СПб., 1909.
217. Рамстедт Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908.
218. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.
- 218-a. Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1976.
219. Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1973.
220. Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982.
221. Рашид-ад-Дин. Собр. соч. Т. I. 2.
222. Речь, артикуляция и восприятие. Под ред. В.А. Кожевникова и Л.А. Чистович. М.-Л., 1965.
223. Руднев А.Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. СПб., 1905.
224. Руднев А.Д. Хори-бурятский говор, вып. 1, Пг, 1913-1914, с. 5-10, 1—XXXVIII.
225. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962.
- 225-a. Русско-финский словарь.
226. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
227. Рясянен М. Об урало-алтайском языковом родстве // ВЯ. 1968. № 1.
228. Саидов А.Х. Что такое государственный язык. Ташкент, 1989.



229. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М., 1940.
230. Санжеев Г.Д. Монгольские языки и диалекты // Уч. записки Института востоковедения АН СССР. 1952, № 4.
231. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1, М., 1953.
- 231-а. Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
232. Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
- 232-а. Санчилов В.П. «Илетхел шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990.
233. Советский энциклопедический словарь. 3-е издание. М., 1985.
234. Статистико-экономическое описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. Составлено полковником Костенковым. СПб., 1868.
235. Сулейменов О. Аз и Я. Алма-Ата, 1975.
236. Суник О.П. Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. М.-Л., 1978.
237. Сусеева Д.А. К проблеме соотношения калмыцкого языка и калмыцких диалектов // Совещание по общим вопросам диалектологии, истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 2-5 октября 1973). М., 1973.
238. Сусеева Д.А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка. Элиста, 1985.
239. Сыромятников Н.А. Об урало-алтайском слое древнеяпонского языка // Народы Азии и Африки. 1967. № 2.
- 239-а. Сян-Белгин Хасыр. Сундси шулгуд болн поэм. Элиста, 1969.
240. Табгачский язык – диалект сяньбийского. Доклад на заседании тюрко-монгольского кабинета ЛОИНА. 30.IV, 1968 // Ж. 'Народы Азии и Африки'. № 1, 1969, с. 107-117.
241. Таскин В.С. Лун-ли. История государства киданей. (Цидань го чжи) / Памятники письменности Востока. М., 1979. [вып.] 35.
- 241-а. Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
242. Тенишев Э.Р. О диалектах уйгурского языка // Тюркологические исследования. М.-Л., 1968.
243. Тенишев Э.Р. О языке калмыков Иссык-Куля // ВЯ. № 1, 1976. С. 82-87.
- 243-а. Тимковский Е.Ф. Дневные записки Тимковского Е.Ф. во время пребывания его в Пекине с 1 декабря 1820 г. по 15 мая 1821 г. Сибирский вестник. 1823.
244. Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.
245. Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М., 1961.

246. Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.
247. Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973.
248. Убушаев Н.Н. Икицохуровский говор торгутского диалекта // УЗ КНИИЯЛИ, вып. 7, серия филологии. Элиста., 1969.
249. Убушаев Н.Н. О некоторых особенностях торгутского диалекта по материалам экспедиции в Юстинский район // УЗ КНИИЯЛИ, вып. 7, серия филологии. Элиста, 1969.
250. Убушаев Н.Н. Торгутский диалект и его отношение к калмыцкому литературному языку // УЗ КНИИЯЛИ, вып. 7, серия филологии. Элиста, 1969.
251. Убушаев Н.Н. Некоторые особенности цаатанского подговора // 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста, 1970.
252. Убушаев Н.Н. Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста, 1979.
253. Убушаев Н.Н. Происхождение этнонима ойрат // Ж. Теегин герл. Элиста, 1994. № 3.
254. Убушаев Н.Н. Торгуты – этнос, этноним, этимология // Проблемы современного калмыковедения. Элиста, 2001. С. 181-189.
- 254-а. Убушаев Н.Н. Происхождение этнонимов 'калмык' и 'хальмг' // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5-12 августа 2002 г.). Доклады российской делегации. М., 2002. С. 282-287.
255. Уланова А.Э.-Г. О теории смешанных языков Б.Я. Владимирцова // Владимирцовские чтения. 2-я Всесоюзная конференция монголоведов. Тезисы докладов и сообщений. М., 1989.
256. Уланова А.Э.-Г. К сравнительно-историческому исследованию ойратских языков и диалектов // VI Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, август 1992. Доклады российской делегации. – М., 1992.
- 256-а. Успенский В. Страна Кукэ-Нор или Цинн-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов // ЗИРГО, т.6, 1880.
- 256-б. Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс. Элст, 1960.
257. Хангалов М.Н. Собр. соч. Т. I, Улан-Удэ, 1958.
258. Харчевникова Р.П. Система глагола в русском и калмыцком языках. Элиста, 1994.
259. Харчевникова Р.П. Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке. Учебное пособие. Элиста, 1995.
260. Харчевникова Р.П. К проблеме категории вида в монгольских языках // VII Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, август 1997. Доклады российской делегации. М., 1997.

261. Харькова С.С. Тюркизмы в говорах калмыцкого языка // Дialeктная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ, 1987.
262. Харькова С.С. Тюрко-монгольская общность // VI Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, август 1992. Доклады российской делегации Улан-Батор. – М. 1992. – Вып. 2, Филология. Культура. Религия.
263. Hattori Shiro. The Length of Vowels in Proto – Mongol // Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. 2-р дэвтэр, Улаанбаатар, 1961.
264. Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
265. Цыдендамбаев Ц.Б. О диалектных различиях в разговорном бурятском языке // Труды БКНИИ СО АН СССР. Сев. востоковед. Улан-Удэ, 1960, вып. 3.
266. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные: Историко-лингвистические исследования. Улан-Удэ, 1972.
- 266-а. Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
267. Цыдендамбаев Ц.Б. Об ойрат-монгольских элементах в этническом составе и языке бурят // Проблемы алтаистики и монголоведения. Серия лингвистики. М., 1975, вып. 2.
- 267-а. Чареков С.Л. Развитие эвенкийских и бурятских прилагательных / Исследования по грамматике монгольского языка. Элиста, 1985.
- 267-б. Чареков С.Л. Эволюционная мифология. Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках. СПб., 2000. Ч. 1.
268. Шагдаров Л.Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1967.
269. Шагдаров Л.Д. Разработка вопросов фонетики, диалектологии, лексики и орфографии бурятского языка за советский период // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969.
- 269-а. Шара туджи. Монгольская летопись XVII века. М.-Л., 1957.
270. Шевернина З.В. Семантико-функциональная характеристика некоторых глагольных форм в монгольском языке // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987.
- 270-а. Шилегийн Норбо. Зая-Пандита. Элиста, 1999.
271. Шовунов К.П. Калмыки в системе военной организации России. (XVIII в.). Элиста, 1980.
272. Эрдниев УЭ. Калмыки. Элиста, 1980.
273. Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.

274. Щербак А.М. О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках // ВЯ. № 6, 1957.
275. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
276. Эргис Г.У. Исторические предания и рассказы якутов, ч. I, М.-Л., 1960.
277. Эрдниев У.Э. К вопросу об основном занятии предков калмыков // Записки КНИИЯЛИ, серия ист., вып. 4, Элиста, 1965.
278. Эрдниев У.Э. Этнический состав и проблема происхождения калмыков. УЗ, вып. V, ч. I, серия истор. Элиста, 1967.
- √ 279. Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста, 1980.
- 279-а. Эрендженов К. Жирлин хаалх. Элиста, 1961.
- 279-б. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
280. Яковенко Н.П. Словесное ударение в современном русском литературном языке. Киев: Издательство Киевского университета, 1966.

## СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ .....	3
----------------	---

### ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ КАЛМЫЦКИХ ГОВОРОВ И ПОДГОВОРОВ .....	15
---	----

Бузавский говор .....	15
Дербетский говор .....	17
Торгутский говор .....	21
Цаатанский подговор .....	25
Оренбургский подговор .....	30
Уральский подговор .....	32
Язык каракольских калмыков .....	38

### ГЛАВА ВТОРАЯ.

#### СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЗВУКОВОГО СТРОЯ

КАЛМЫЦКИХ ГОВОРОВ И ПОДГОВОРОВ .....	46
--------------------------------------	----

1. Вокалическая система .....	46
Краткие гласные .....	46
Долгие гласные .....	53
Метатеза .....	65
Сверхдолгие гласные .....	69
Полудолгие гласные .....	72
Редуцированные гласные .....	73
Сингармонизм .....	76
2. Консонантная система .....	80
Губные согласные .....	81
Язычные согласные .....	83
Среднеязычные согласные .....	87
Заднеязычные согласные .....	89
Язычковые (увулярные) согласные .....	92
Долгие согласные .....	92
Словесное ударение .....	97

### ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЛМЫЦКИХ ГОВОРОВ .....	102
---	-----

1. Имя существительное .....	102
Категория рода имен существительных .....	103
Категория числа имен существительных .....	106
Категория склонения имен существительных .....	
Простое склонение .....	111

Двойное склонение имен существительных. . . . .	130
Лично-притяжательное склонение . . . . .	132
Безлично(возвратно)-притяжательное склонение. . . . .	136
2. Имя прилагательное. . . . .	138
Качественные прилагательные. . . . .	140
Степени сравнения качественных прилагательных. . . . .	141
Склонение качественных прилагательных. . . . .	144
Относительные прилагательные . . . . .	146
Словообразование имен прилагательных. . . . .	147
3. Местоимение. . . . .	148
Личные местоимения. . . . .	149
Указательные местоимения. . . . .	152
Определительные местоимения. . . . .	159
Возвратные местоимения. . . . .	162
Вопросительные местоимения . . . . .	163
Неопределенные местоимения. . . . .	170
Отрицательные местоимения . . . . .	171
4. Имя числительное . . . . .	172
Количественные числительные . . . . .	172
Разделительные числительные . . . . .	178
Собирательные числительные . . . . .	180
Дробные числительные . . . . .	181
Возрастные числительные . . . . .	183
Ограничительные числительные . . . . .	185
Порядковые числительные . . . . .	188

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОПРОСЫ КАЛМЫЦКОЙ ЭТНОНИМИИ . . . . .	190
Происхождение этнонима «ойрат» . . . . .	190
Этнонимы «калмык» и «хальмг» . . . . .	196
Этноним бузав. . . . .	203
Этноним дөрвөд . . . . .	212
Этноним торгут. . . . .	215
Этноним хошуд . . . . .	221
Этноним цаатаны . . . . .	226

ЗАКЛЮЧЕНИЕ . . . . .	234
Условные сокращения. . . . .	237
Литература . . . . .	238

*Научное издание*

**Убушаев Николай Надбитович**

**ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА**

Подписано в печать 26.05.2006.  
Формат 60X84/16. Печать офсетная.  
Усл. п. л. 14,88. Тираж 300 экз. Заказ 1563.

АОр «НПП «Джангар» 358000, Республика Калмыкия,  
г. Элиста, ул. Ленина, 245

94 yrs. 19 K.

20061.



